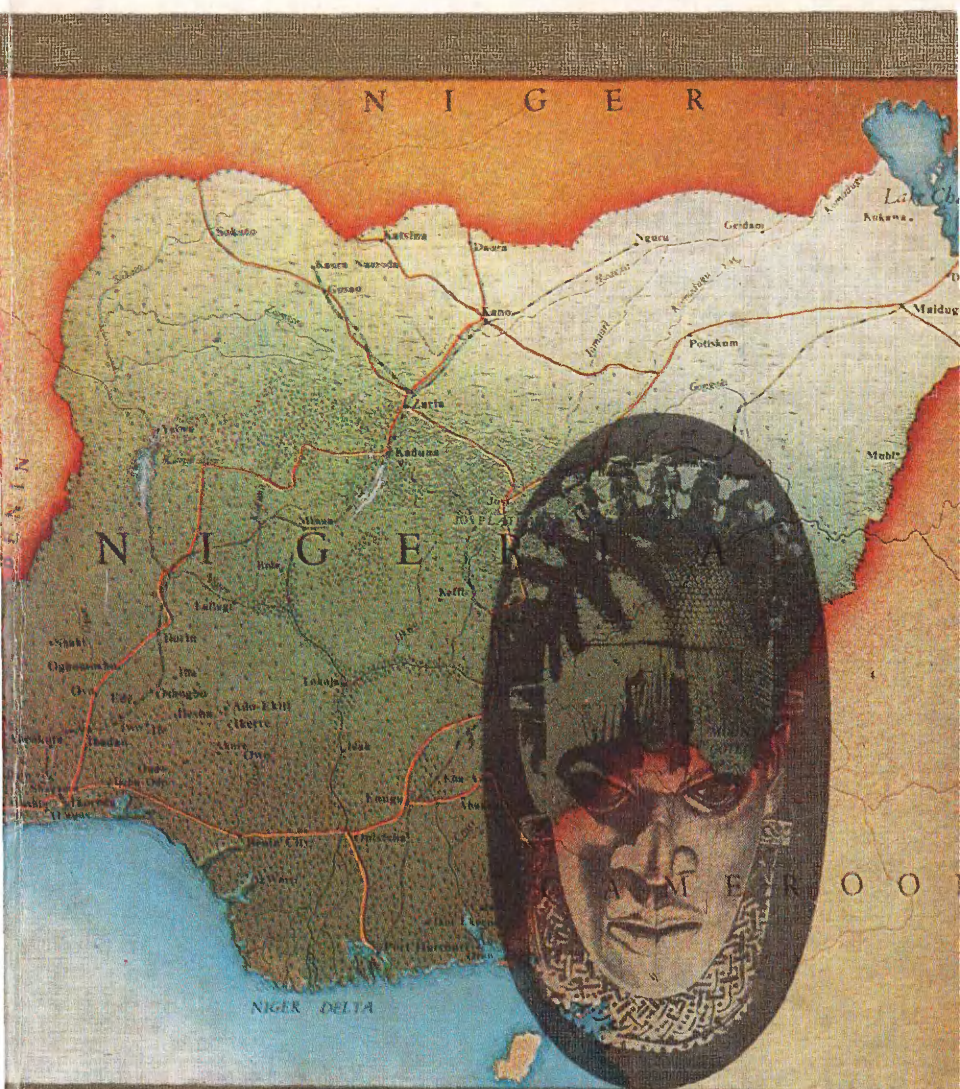

В. В. НОВИКОВ

МЕЖДУ ОКЕАНОМ И САХАРОЙ

Л 257 652

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Серия
основана
в 1957 году

В. В. Новиков

МЕЖДУ ОКЕАНОМ И САХАРОЙ

Москва
НАУКА

Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.5 (6 Ниг)
Н 73

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор
В. Б. ИОРДАНСКИЙ

Фото С. В. КИСЕЛЕВА

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Новиков В. В.

Н73 Между океаном и Сахарой.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 133 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-017015-1

Автор книги, советский журналист-международник, рассказывает о разнообразных сторонах жизни современной Нигерии.

Книга состоит из живых, увлекательных очерков, своеобразно дополняющих друг друга и складывающихся в самобытный портрет крупнейшей африканской страны. Экскурс в историю соседствует с описанием многочисленных культовых обрядов, рассказ об искусстве создания масок — с наблюдениями над политической ситуацией и анализом экономических процессов.

Н 1805030000-141 -
013(02)-90 Без объявления

ББК 63.5 (6 Ниг)

ISBN 5-02-017015-1

© В. В. Новиков, 1990

«АФРИКАНСКИЙ ГИГАНТ!»

«Африканский гигант!» — так часто называют Нигерию. Эпитет громкий, но оправданный. Это самая крупная по численности населения страна континента. С 1 октября 1960 года, когда Нигерия избавилась от британского колониального ига, ее народ немало сделал, чтобы преодолеть социально-экономическую отсталость, создать материальную основу для дальнейшего прогресса. По объему валового внутреннего продукта (ВВП), добыче нефти, размерам внешнеторгового оборота, инвестициям в национальное хозяйство Нигерия занимает первое место среди независимых государств Африки.

Однако не только этим привлекает к себе внимание Нигерия. На ее территории проживают сотни народностей и этнических групп. Даже простой перечень различных государственных образований, некогда существовавших в пределах ее нынешних границ, свидетельствует о богатстве прошлого страны историческими событиями. А ведь до нашего времени дошли сведения далеко не обо всех из них. Названия многих древних государств затерялись в веках и остаются пока неизвестны, как не известны ни социальная организация, ни религиозные представления образовавших эти государства народностей. В настоящее время о некоторых из них свидетельствуют лишь обнаруженные в результате раскопок орудия труда, предметы быта, каменная, глиняная и металлическая скульптура. По материалу, стилистическому сходству, манере исполнения они объединены в отдельные культуры, носящие названия современных городов и деревень, в которых впервые или в большом количестве были обнаружены эти памятники. Так в названиях соединились прошлое и настоящее страны.

Разнообразие природных условий Нигерии, населяющих ее народностей, их традиции, обычаи и верования,

многоликость городов и деревень, занятия их жителей, сложнейшие политические и социально-экономические процессы страны вряд ли возможно в такой же степени разнообразно и полно описать и всесторонне объяснить. Иностранцу трудно выделить то, что для нигерийца является основным и главным, по-настоящему прочувствовать то, что для него истинно прекрасно. В какой-то степени помогают это сделать сами нигерийцы, общение с ними. Лучшее знакомство со страной — знакомство с ее народом. Ничто не может заменить встреч и бесед с людьми, наблюдений за их занятиями, впечатлений от соприкосновения с их верованиями и обычаями.

Житель сегодняшней Нигерии, как и любой другой страны, является неотъемлемой частью окружающего его многообразия, которое, в свою очередь, дополняет его самого. С одной стороны, он — отражение изменяющихся под воздействием конкретных событий реальностей, с другой — носитель элементов прошлого. Психология жителя небольшой деревушки на востоке или западе Нигерии мало чем отличается от психологии его предков — свидетелей прибытия первых европейских миссионеров и колониальных чиновников. Его сын или дочь, конечно же, посещают школу или колледж в ближайшем городке, а возможно, даже учатся в столичном университете. Сам он, орудуя мотыгой, которая остается неизменной веками, может использовать современные химические удобрения, а вечером слушать радио или смотреть телевизор. И все же своим отношением к окружающему, мыслями и чувствами он ближе к традиционным представлениям и идеалам своих предков.

Давайте же вместе отправимся в Нигерию, заглянем в лица нигерийцев, послушаем их, вместе с ними пройдем по местам прошлых исторических событий, попробуем почувствовать стремительный ритм сегодняшнего дня и представить будущее страны, которая по праву зовется «Африканским гигантом».

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

Прибытие нашего самолета в столицу Нигерии задерживалось из-за плохой погоды на несколько часов. Однако возникшее было в связи с этим огорчение сглаживалось представившейся возможностью начать знаком-

ство со страной еще до окончания полета. Подобное случается не часто — расписание рейсов таково, что самолеты «Аэрофлота» прибывают в Лагос и улетают из него в темное время суток. На этот раз солнце взошло за два часа до окончания рейса. По времени мы должны уже быть над Нигерией. Это подтверждал и простиравшийся внизу ландшафт. В едином бесконечье пустыни то здесь, то там стали попадаться островки зелени, вскоре сменившиеся сплошным желтовато-зеленым ковром.

Из прочитанных до этого книг о Нигерии мне уже было известно, что ее северная граница проходит в районе соприкосновения Сахары с саванной. Зона саванны занимает большую часть Севера страны, которую от Юга отделяют две крупнейшие реки Нигерии — Нигер и Бенуэ. За ними вплоть до океана продолжается зона лесов.

Как бы почувствовав приближение родины, проснулась нигерийская девочка лет трех-четырёх. До этого она спокойно дремала в кресле рядом с родителями, возвращавшимися в Нигерию после учебы в московском вузе. С самого начала полета она стала любимицей пассажиров и экипажа самолета. Не последнюю роль в этом наряду с общительным и веселым нравом играло и то, что она лепетела на чистом русском языке — результат постоянного живого общения с нашими малышами в московском детском саду. Думаю, что даже ее родители вряд ли понимали многое из того, что она говорила. Поэтому они лишь умиленно улыбались на ее бесконечные «почему?».

Но вот мы стали снижаться. Сначала перед нами открылась водная гладь, а затем с правой стороны, после того как самолет сделал разворот и пошел на посадку, мы увидели Лагос. Несколько многоэтажных зданий четко выделялись на фоне утопающих в зелени плоских крыш двух-трехэтажных домов.

Прямо из салона по специальным переходам попадаем в современное шестиэтажное здание крупнейшего в Тропической Африке Лагосского международного аэропорта имени Мурталы Мухаммеда. Прохождение пограничных и таможенных формальностей скрашивается мыслью о том, что еще некоторое время можно пробыть в прохладном, кондиционированном помещении.

За порогом аэровокзала вас сразу же окутывает что-то невидимое, теплое, липкое. Вы ощущаете дыхание

экватора, зато ваше собственное почти отказывает. Малейшее физическое усилие — и одежду хоть выжимай. И это в самое прохладное время года, когда здесь даже по меркам средней полосы России не очень жарко. Вообще в Лагосе среднегодовая температура несколько ниже, чем на той же широте в глубине континента: сказывается влияние Гвинейского залива. Но это с лихвой «компенсируется» влажностью воздуха, которая почти всегда держится на уровне 97—98 процентов и лишь немного понижается в середине сухого сезона — январе — феврале. Этот микроклимат в значительной степени определяется тем, что город расположен на островах и сильно изрезанном побережье лагуны.

Самая древняя часть города — остров Лагос. Большинство коренных жителей называют его Эко. Относительно происхождения этого названия нет единого мнения.

Одни считают, что оно происходит от слова «око», которое на языке йоруба означает «участок возделанной земли». Другие полагают, что от слова «еко» — оно на родственном йоруба языке народности бини, представители которой основали здесь укрепление, означает «военный лагерь». Оба варианта имеют свое объяснение. Легенды гласят, что охотники одного из племен йоруба укрылись на острове от своих врагов и занялись выращиванием перца. Позже там были построены укрепления. Эко стал одним из центров торговли на побережье Гвинейского залива.

Долгое время эта часть Африки развивалась почти изолированно. Материальные памятники, найденные в результате археологических раскопок, свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне культуры народов, создавших на этой территории государства Иджеша, Ойо, Экити, Ово, Ондо, Иджебу, раннегосударственные образования Эгба, Эгбадо, города-государства Абеокута, Ибадан, Ифе и др. Точное время возникновения многих из них неизвестно. Самые ранние археологические памятники материальной культуры йоруба, датируемые VI веком, были обнаружены на территории современного города Ифе. В его центре и сейчас сохраняется мегалитическое сооружение — каменный столб с нанесенными на нем узорами. Легенда йоруба гласит, что именно здесь появились и черные и белые люди. Устная традиция считает Ифе также колыбелью государственности (и не только йоруба, но и соседних с ними бини). Поэто-

му, видимо, не без основания династия правителей Бенина ведет свой род от царей Ифе.

Известно, что некоторые города йоруба насчитывали сотни тысяч жителей. В них были большие здания, святилища, украшенные статуями. В X—XI веках в общественном строе йоруба существовали элементы феодальных отношений, родо-племенного строя и рабовладения. Основой экономики было земледелие, однако высокого уровня достигло и ремесленное производство. Товары из государств йоруба расходились по всему Гвинейскому побережью. Особенно были развиты ткачество, производство кожаных и стеклянных изделий, выплавка и обработка металлов, гончарное производство и художественная керамика.

Несмотря на то что Ифе постоянно сохранял свое положение религиозного и культурного центра йоруба, самым сильным и могущественным из государств этой этнической группы было Ойо. Основание его относится к IX—X векам. В середине XVII века власть Ойо распространялась почти на всю территорию современной Нигерии, а по побережью Гвинейского залива — от реки Нигер до Анечо, в настоящее время небольшого тоголезского городка, а в прошлом — столицы Того. Кроме государств йоруба признавали сюзеренитет Ойо и платили ему дань султанаты Борну, Нупе, а также соседние государства Бенин и Дагомея. Включение Ойо в работу с европейцами вынуждало правящую верхушку держать большую армию и вести постоянные войны с соседями для захвата рабов, что постепенно привело к экономическому упадку не только Ойо, но и его данников. Грабительские набеги на подчиненные и соседние территории вызывали сопротивление. Резко ослабла центральная власть в государстве, а соперничавшие европейские колонизаторы по очереди подогревали сепаратистские устремления отдельных вождей. На севере владений Ойо появился опасный противник — племена фульбе, захватившие северную часть государства Илорин. В обстановке частых войн ремесло и торговля приходили в упадок. Все эти обстоятельства чрезвычайно ослабили Ойо и его вассальные государства, сделав их объектами колониальных захватов англичан. Однако первыми из европейцев в этом районе появились португальцы. Это они дали современное название столице Нигерии, переименовав Эко в Лаго-де-Курамо, что позже трансформировалось в Лагос.

Несмотря на тяжелый климат, португальцы основали здесь порт. Это в значительной степени определило дальнейшее развитие города. Благодаря удобному рейду Лагос стал базой для судов, шедших в Индию и Бразилию.

В период войны между государствами йоруба в начале XIX века Лагос превратился в один из главных на побережье пунктов торговли рабами, которых привозили из соседних районов. Кстати, в справочниках по Нигерии колониального периода нередко можно встретить утверждение, будто англичане захватили в 1861 году Лагос с гуманной целью — избавить африканцев от продажи в рабство. Едва ли эту версию принимали всерьез даже сами ее авторы. Вся последующая история колониальных захватов свидетельствует о том, что город был нужен Англии как плацдарм для проникновения в Западную Африку.

Однако планировавшееся относительно быстрое присоединение этих земель к британским владениям затянулось почти на полвека. Лишь накануне первой мировой войны английские завоевания были объединены в колонию Нигерия, а Лагос стал ее столицей.

Об упорном сопротивлении нигерийцев колонизаторам свидетельствует здесь многое. Немало таких мест и в Лагосе. В этом убеждаешься уже при первом знакомстве с городом. Столичный аэропорт, в котором приземлился наш самолет, находится совсем недалеко от места, получившего название «лес скелетов». Уже спустя несколько лет после захвата Лагоса тут произошло одно из сражений йоруба с англичанами. Потери обеих сторон были настолько велики, что название сохраняется в памяти народа по сей день.

Материковая часть города — это появившиеся с приходом колонизаторов районы Апапа, Мушин, Яба, Суру-Лере и Эбутте-Метта, где сконцентрированы предприятия легкой и пищевой промышленности, жилые кварталы, базары. Центр — на островах, которые связаны с материком тремя мостами: Эко, Картер и Мейленд. Когда едешь по Эко, открывается чудесный вид. Впереди — панорама Национального театра, одного из крупнейших в Африке (он вмещает шесть тысяч зрителей), по правую руку — просторная лагуна, усеянная рыбацкими суденышками, по левую — порт и портовый район Апапа. У его 18 глубоководных причалов швартуются громадные океанские суда, непрерывно сменяющие друг друга.

Вот уже более 100 лет Лагос является крупнейшим портом Нигерии. По оценкам специалистов, через него проходит до 80 процентов экспорта и импорта страны. Несмотря на то что пропускная способность причалов постоянно растет, рядом планируется построить новый порт.

Оканчивающийся у порта трубопровод, соединяющий его нефтехранилище с нефтеносными районами страны, — единственное, пожалуй, в столице внешнее свидетельство принадлежности Нигерии к числу нефтедобывающих государств. И тем не менее рассказывать о Лагосе невозможно, не упоминая о нефти. По существу, все те изменения, которые произошли в городе за последние 20 лет, — результат нефтяного бума 70-х годов на мировом рынке. Колоссальный рост доходов от нефти способствовал расширению деловой активности. Он позволил развернуть громадное строительство, соорудить широкую сеть современных дорог, эстакад и мостов.

Мост Эко переходит в эстакаду, протянувшуюся вдоль побережья лагуны на Марина-стрит. Здесь находилась линия береговых укреплений, которые в декабре 1851 года были разрушены огнем английских военных кораблей. Несмотря на поражение, защитники города нанесли англичанам серьезный урон.

Напротив порта у набережной сейчас покачивается на волнах небольшой плавучий ресторан «Бука». В обеденный перерыв сюда спешат служащие министерств, учреждений, фирм и магазинов, которыми буквально напичкан остров Лагос. Это название вслед за городом получил остров Эко, точнее, его западная часть. В 1899 году по указу английского губернатора У. Макгрегори остров был разделен нешироким каналом на западную и восточную части. Последняя получила название Икойи. Ей отводится роль жилого района для англичан. Доступ сюда местных жителей был ограничен. Таким образом англичане пытались сократить заболеваемость своих чиновников малярией. Это заболевание и сейчас довольно распространено в Лагосе и других районах Нигерии на побережье Гвинейского залива. В те же времена малярия буквально косила колониальный аппарат. Именно поэтому в его среде родилось совсем нелестное неофициальное название района города Лагоса — «могила белого человека».

Указ 1899 года как бы predetermined дальнейшее развитие и застройку острова Лагос как администра-

тивного, хозяйственного и торгового центра столицы. Стоимость земельных участков здесь довольно высокая, а условия для проживания не совсем подходящие: почти нет зелени — сплошной асфальт и бетон, высокая загазованность воздуха и шум. Поэтому капитальных жилых строений здесь почти не видно. За исключением громадного числа стихийно сооруженных лачуг, которые периодически сносят по указаниям властей города, на острове находится всего несколько десятков жилых домов. Среди них — дома, выделяющиеся своей архитектурой, которые здесь именуют «бразильскими». Построенные в стиле «бразильского барокко», многие из таких одно-двухэтажных зданий были за последнее время разрушены, и сейчас их сохранилось всего несколько.

Один такой дом находится на Какава-стрит рядом с редакцией крупнейшей нигерийской газеты «Дейли таймс». В нем размещаются контора местной фирмы и маленькое кафе, пользующееся популярностью среди моих нигерийских коллег-журналистов. Они и поведали мне впервые об особенностях «бразильского барокко», вобравшего в себя элементы колониальной португальской архитектуры. В Лагосе эти дома были построены прибывшими сюда во второй половине XIX века получившими свободу рабами из Бразилии — потомками вывезенных отсюда африканцев. Местные жители называли их «агуда». Такое название и сейчас носит одна из улиц Лагоса — место бывшего поселения выходцев из Бразилии.

По названиям улиц можно проследить прошлое Лагоса. Есть названия, уходящие корнями в глубь веков, как, скажем, Пепер (т. е. перец)-стрит — свидетельство некогда основного занятия жителей острова. А старожилы с Ойл мил-стрит обязательно расскажут вам, что еще в начале века здесь располагалась крупнейшая фабрика по выработке пальмового масла. Такие названия, как Тинубу-сквэр, могли появиться лишь после получения страной независимости, поскольку названы в честь героев, боровшихся против колонизаторов. Эфунройе Тинубу была организатором неудачного заговора с целью убийства английского консула.

Есть в Лагосе и другие исторические места, названные в честь знаменитых нигерийских женщин. Перед зданием национального театра установили памятник королеве Амине. Скульптор запечатлел решительные, по своему красивые черты лица женщины-воина. Поднятый

на дыбы конь, занесенный вверх и готовый сразить любого врага меч наиболее полно воплощают в бронзе образ героини, описание подвигов которой дошло до нашего времени. С 1576 года Амина правила эмиратом Зария. Она значительно расширила его территорию и подчинила себе соседей. Воины ее армии, защищенные от стрел латами из войлока и толстой грубой кожи, не знали поражений и наводили ужас на врагов.

Район острова Лагос наиболее полно характеризует нигерийскую столицу. И дело не только в том, что здесь расположено большинство министерств и других правительственных и государственных учреждений. Из традиционного йорубовского поселения он давно уже стал многонациональным мегаполисом, впитавшим в себя все разнообразие культур более чем двухсот больших и малых народностей страны.

Прямую противоположность острову Лагос представляют дальше всех уходящий в океан остров Виктория — относительно слабо заселенный район, где размещается большинство дипломатических представительств, и особенно аристократический, четко спланированный Икойи, омываемый с трех сторон океаном, застроенный виллами и особняками, которые утопают в тропической зелени. Тут мало магазинов и крикливой рекламы, не слышно резких автомобильных гудков и гомона толпы. От немущих и малоимущих Икойи надежно отгорожен барьером невероятной стоимости земельных участков и построенных на них домов.

Кстати сказать, жизнь в Лагосе вообще дорога, цены на продукты питания и промышленные товары первой необходимости все время ползут вверх. Что же касается цен на жилье, в котором горожане остро нуждаются, то в этом отношении Лагос занимает одно из первых мест в мире. Военные правительства неоднократно издавали указы о контроле над квартирной платой с целью ее стабилизации, но они практически не возымели действия. Дело в том, что спрос на жилье непрерывно растет из-за огромного притока в столицу мигрантов — в основном деревенской молодежи. В 1986 году население города достигло 7 миллионов человек, хотя, по утверждению некоторых специалистов, и эта цифра тоже занижена. Статистика давно уже не поспевает за постоянным притоком населения в столицу. То здесь, то там в городе возводятся различного рода неофициальные строения, дома, кварталы, а то и целые районы. Даже

на острове Виктория, который считается эталоном застройки, на месте небольшого временного рыбацкого поселка возник целый район Мароко с населением в несколько сот тысяч человек. Он не отвечает ни санитарным, ни противопожарным нормам. По решению городских властей лачуги в этом районе не раз сносились, однако затем появлялись новые и в большем количестве.

В конце 1983 года по соседству с Мароко началось строительство крупнейшего в Африке туристического центра под названием «Счастливая земля». На площади около девяти тысяч гектаров возводятся современные отели и стилизованные под африканские «бунгало» домики со всеми удобствами, парки, аттракционы, ипподром. По своим размерам, как сообщил представитель ведомства, занимающегося в Нигерии вопросами туризма, Франклин Адеджувон, центр может сравниться с известным во всем мире «Диснейлендом». Его создание обойдется Нигерии в 4 миллиарда найр.

Сознавая, что никакие чисто административные меры в условиях острой нехватки жилья и его дороговизны не в состоянии остановить процесс самостроя, правительство еще в начале 80-х годов разработало и начало осуществлять программу жилищного строительства. Основное внимание при этом уделяется возведению недорогих домов с квартирами для людей с небольшим уровнем дохода. Был учрежден даже специальный банк с капиталом в 240 миллионов найр, призванный способствовать ускорению строительства личных домов. Результаты претворения в жизнь этой программы зримы уже сегодня. Новостройки изменяют привычный городской пейзаж. И в центре, и на окраинах высятся башенные крапы. Развертывая жилищное и промышленное строительство, власти стремятся в какой-то мере смягчить и проблему безработицы — еще одно следствие бурного притока мигрантов. Хотя в Лагосе сосредоточена треть общего числа промышленных предприятий страны — текстильные и пищевые фабрики, цементные, автосборочные, шинные заводы, они не в состоянии поглотить всю новую рабочую силу. Отсюда еще одна проблема Лагоса — рост преступности. За последнее десятилетие Нигерия в этом отношении вошла в число лидирующих не только на Африканском континенте, но и в мире в целом. В самой же стране пальма первенства принадлежит столице.

В апреле 1987 года таможенная служба лагосского аэропорта задержала 27-летнего Асела. Он намеревался контрабандой провести пакет кокаина в... Коране. Судьи по достоинству оценили изобретательность своего соотечественника, осудив его на 18-летнее тюремное заключение. «Это, пожалуй, самый беспрецедентный случай использования священной книги для такой дьявольской цели», — сказал, вынося приговор, судья Дан Игме.

Нигерийским таможенникам все чаще приходится задерживать людей, занимающихся нелегальным бизнесом со смертоносным зельем. Международные синдикаты торговцев «белой смертью» обратили свои взоры на эту страну как на перспективный перевалочный пункт. Экономический кризис и сопутствующая ему безработица сделали определенную часть молодых нигерийцев более сговорчивой на предложение стать доставщиками наркотиков из Азии в Европу и Америку. Выбор пал на Нигерию и из-за ее удобного географического положения, разветвленных воздушных транспортных связей. По сообщению лагосской полиции, только в 1987 году в стране было проведено 1235 успешных операций по задержанию торговцев наркотиками. Свыше 100 человек были приговорены к тюремному заключению. Трое из них всю оставшуюся жизнь проведут за решеткой. Дополнительно к этому еще около двух тысяч нигерийцев отбывают в настоящее время различные сроки тюремного заключения в десяти странах мира. Большинство из них находятся в тюрьмах Великобритании — 1873.

Озабоченные размахом наркомании правительство и общественность объявили общенациональную войну губительному бизнесу. В эту кампанию активно включились не только органы здравоохранения, средства массовой информации и общественные организации, но и широкие круги нигерийской молодежи.

Кроме этого в Лагосе получили распространение квартирные кражи, угон автомашин и организованная проституция. Отмечались даже случаи пиратства в прибрежных водах, когда нападениям с моторных лодок и катеров подвергались стоящие на рейде в ожидании разгрузки иностранные суда.

Предпринимавшиеся различными правительствами страны меры пока не дали заметных результатов. И это при том, что в Нигерии действует довольно суровое законодательство в отношении преступников. Отметим, что самого факта грабежа или попытки его совершить до-

статочно для вынесения смертного приговора. Не дали должного эффекта и применявшиеся в 1978—1979 годах публичные еженедельные казни наиболее злостных преступников на городском пляже. Поэтому в последнее время многие государственные и общественные деятели страны считают основным методом борьбы с преступностью повышение занятости, улучшение социально-экономического положения народных масс.

Рост населения города обострил и без того не совсем нормальное положение с водой и электричеством. Ночную тишину столицы постоянно нарушает грохот сотен индивидуальных генераторов. В центральных районах Лагоса они установлены практически в каждом доме: к этому вынуждают хронические перебои в энергообеспечении. В адрес Нигерийского управления по производству электроэнергии (НЕПА) раздается немало критики. От нее страдает даже бог-громовержец в мифологии йоруба — Шанго, которого управление избрало своим символом. Теперь он постоянно фигурирует в газетных и журнальных карикатурах.

Однако, хотя перебои в снабжении Лагоса электричеством и продолжаются уже около 20 лет, данная проблема считается вполне разрешимой. Особые надежды возлагаются на строительство работающих на природном газе тепловых электростанций. Что же касается нехватки питьевой воды, то, как полагают специалисты, эта проблема в ближайшем будущем еще более усугубится. Лагос буквально «плавает» на подземном озере. Однако естественный приток воды в него уже давно не успевает компенсировать ее потребление. Уровень грунтовых вод за последнее время опустился до опасно низкой отметки, в результате чего начался процесс оседания скальных пород. Это явилось причиной того, что целые районы Лагоса начали «тонуть». Поэтому часть колодцев и артезианских скважин, видимо, придется законсервировать, а объем воды, выкачиваемой из других скважин, будет строго регулироваться. Если это не будет сделано, то некоторые районы, в частности остров Виктория, окончательно исчезнут под водой. Над океанским побережьем Лагоса висит и другая угроза — в результате общего оседания территории Лагоса из-за понижения уровня грунтовых вод и наступления океана во время штормов огромные волны затопляют значительную часть Виктории. Общественность страны уже давно бьет тревогу по этому поводу. Несколько своеобразно выра-

зил ее в одном из своих номеров журнал «Африкэн гардиан», описав Викторию 2000 года: «Улицы острова под полуметровым слоем соленой воды. Бросив затопленные дома, жители вынуждены спасаться бегством. Те, кому это по карману, перебираются на малопrestижный в настоящее время материк. Остальные ищут приют в пригородных трущобах».

С развитием города резко возросло и количество автомобилей. Проблема транспорта, пожалуй, одна из серьезнейших в нигерийской столице. В любой части Лагоса вдоль тротуаров, а то и прямо на них стоят десятки машин. В часы «пик» приходится тратить два-три часа, чтобы попасть из одного района города в другой (обычно на это уходит не более 15—20 минут). В некоторых местах автомобили движутся со скоростью пешехода, подолгу простаивая в бесконечных дорожных пробках. Более 10 лет здесь действовали, как вначале казалось, эффективные меры: по четным числам разрешался въезд на более загруженные магистрали только машинам с четными номерами, по нечетным — с нечетными (исключение делалось только для служебных машин и общественного транспорта). Однако ощутимых результатов эта мера не дала, так как сразу же привела к еще большему росту числа автомобилей. Каждый стремился получить второй автомобиль, чтобы иметь возможность разъезжать по городу ежедневно. При этом далеко не каждый мог позволить себе купить новую машину, поэтому вторая обычно собиралась из деталей, найденных на свалках. Такие постоянно останавливающиеся и ломающиеся в самых непредвиденных местах развалюхи еще сильнее ухудшали положение на дорогах столицы. Поэтому в 1987 году это решение было отменено. Еще ранее был утвержден долгосрочный план разгрузки лагосских улиц. Он включает улучшение дорог и мостов между островной и материковой частями города, завершение скоростной кольцевой автострады, более широкое использование водного транспорта для пассажирских перевозок внутри города и т. д. Для того чтобы покончить с пробками на улицах столицы и наладить нормальное движение, потребуется не менее трех миллиардов найр. Реализация плана рассчитана на период до 1990 года. Но, как полагают специалисты, кардинальным решением многих проблем Лагоса может быть перенос столицы в глубь страны — в город Абуджа, строительство которого развернулось в начале 80-х годов.

Дорога, ведущая в Абуджу, буквально упирается в одинокий гранитный холм. Все, кто приезжает в будущую столицу, отмечают сходство холма с головой человека. И действительно, углубления, выпуклости и другие неровности одного из почти отвесных склонов холма образуют, если смотреть с определенной части дороги, человеческое лицо.

Среди живущей в этом районе народности коро этот холм известен под названием «Зума». Именно здесь, как гласит легенда, великий жрец Кукуруан Зума совершал ежедневные религиозные обряды и дважды в год производил жертвоприношения. Жертвоприношения черной собаки, черной овцы и черного быка призваны были, в частности, стимулировать своевременное начало сезона дождей. Примерно такие же жертвоприношения производились перед началом уборки урожая.

Происхождение названия холма имеет и другое объяснение. Когда-то на ее склонах водились дикие пчелы, а «зума» на одном из диалектов языка хауса означает «мед». Как бы то ни было, в настоящее время «Зума» — это ворота в Абуджу.

У подножия холма дорога поворачивает под прямым углом направо, и взору путешественника открывается панорама города, который начали возводить с большим размахом, но... недостроили. Заросшие травой участки с недостроенными зданиями свидетельствуют о том, что работы на многих объектах не ведутся уже довольно долго.

Всерьез поиск новой столицы для Нигерии начался 9 августа 1975 года. Правившее тогда военное правительство создало специальную комиссию для изучения вопроса о том, способен ли Лагос играть двойную роль — столицы штата и общенациональной столицы. В декабре 1975 года комиссия представила свой доклад, в котором порекомендовала создать новую федеральную столицу Нигерии посреди огромных просторов целинных земель в центральных районах страны. В докладе было сделано несколько важных выводов:

— город Лагос не способен функционировать в качестве и федеральной столицы, и столицы штата из-за недостатка земли для его дальнейшего развития согласно статусу столицы Нигерии;

— Лагос отождествляется преимущественно с одной

этнической группой. Создание новой столицы ближе к центру страны обеспечит в нее доступ многим, весьма отличающимся друг от друга культурным группам Нигерии;

— новая столица должна быть безопасной и этнически нейтральной, должна располагаться в центре страны, чтобы к ней был доступ со всех направлений, должна быть комфортабельной и обеспечивать условия для здоровья населения, а также должна обладать достаточными резервами свободных земель для перспективного городского развития.

В 1976 году был издан указ о создании федеральной столичной территории. Отводимая под нее площадь в восемь тысяч квадратных километров изымалась у штатов Нигер, Квара и Плато. Это примерно в два с половиной раза больше территории всего штата Лагос. 250 квадратных километров предназначалось непосредственно для строительства города.

Генеральный план застройки Абуджи был готов уже в 1977 году. Он предусматривал строительство города в четыре этапа. На первом этапе, с завершением которого в 1986 году предусматривалось осуществить полную передачу Абудже статуса столицы, население города должно было составлять 130—150 тысяч. В целом даже после окончательного завершения строительства (разумеется, уже в XXI веке) численность жителей не должна будет превышать трех миллионов человек. И это, видимо, вполне реально. Абудже отводится роль политико-административного и культурного центра страны. В городе не будет построено ни одного промышленного предприятия, за исключением предприятий легкой и пищевой промышленности, причем в специально отведенных зонах. Отсутствие излишних рабочих мест будет препятствовать притоку населения в город. В немалой степени сдерживать его рост будут и ограничения на строительство жилых зданий. Они сооружаются строго по целевому назначению. Вероятность же перенаселения столицы за счет естественного прироста незначительна, особенно в условиях введенного во всей стране «планирования состава семьи». По приросту населения, составляющего более 100 миллионов человек, Нигерия занимает одно из ведущих мест. При настоящих темпах в 2025 году население страны достигнет 338 миллионов и Нигерия по его численности будет уступать лишь Китаю, Индии и Советскому Союзу. Ее часто называют «афри-

канской фабрикой младенцев». По данным ЮНИСЕФ, в стране ежегодно появляется на свет свыше пяти миллионов малышей — больше, чем в любом другом государстве континента.

Такая статистика вызывает обоснованную тревогу государственных деятелей, врачей, социологов. Неконтролируемый рост населения снижает средний уровень жизни, ведет к дроблению и без того мелких хозяйств на селе, усугубляет проблему безработицы. Нигерийское правительство с максимальной осторожностью подходит к острой проблеме планирования семьи, требующей учета как социально-экономических, так и политических аспектов. Новая политика в области народонаселения, которую предложило правительство, ставит перед собой цель сократить темпы прироста населения к 2000 году до двух процентов. Для ее достижения сделана ставка на массовую разъяснительную работу, на то, чтобы убедить родителей иметь детей не больше, чем они в состоянии прокормить и вырастить.

Успехи медицины, активное проведение в стране расширенной программы вакцинации позволили существенно снизить детскую смертность. Сейчас на каждую мать в Нигерии приходится в среднем по шесть детей. Правительство призывает родителей ограничиться четырьмя. Однако дело это остается абсолютно добровольным, и никаких обязывающих законодательных мер не предусматривается.

Тем не менее, по мнению специалистов, комплекс всех принятых мер позволит не допустить превышения запланированного трехмиллионного уровня населения новой столицы.

Зона первого этапа строительства федеральной столицы запланирована как место пребывания правительства. Она разделена на шесть городских районов. За исключением центрального, остальные пять районов этой зоны города предназначены в основном для размещения государственных учреждений и расселения частных лиц.

Первым в новой столице жители заселили так называемый район ускоренного развития. Он подлежал первоочередному освоению и вмещает в настоящее время более 20 тысяч человек. Его строительство полностью завершено. Севернее района ускоренного развития располагается комплекс главы государства. В него входят резиденция президента, а также специальные резиденции, в которых можно одновременно разместить трех

глав других государств, прибывающих в Нигерию с визитом. Этот комплекс включает также административные помещения для главы государства и аппарата его сотрудников.

Переезд правительства из Лагоса в Абуджу не планировалось проводить одним махом, его, так же как и строительство, предполагалось осуществить поэтапно. Однако ни один из сроков переезда не был выдержан.

А началось все с того, что вначале график ввода в строй основных объектов в Абудже был уплотнен по времени почти в два раза. Сменившее в 1979 году военных гражданское правительство Ш. Шагари было сформировано в основном из представителей Национальной партии Нигерии, фактически являвшейся политической организацией Севера. Оно рассчитывало к очередным выборам 1983 года перенести столицу с Юга, из Лагоса, считавшегося оплотом йорубовской Партии нигерийского единства — традиционного и основного соперника НПН. Начиная с сентября 1982 года в Абуджу помимо президента страны и штата его сотрудников переехали министерство обороны, национального планирования, финансов, юстиции, внутренних дел и министерство по делам федеральной столицы.

Уплотнение сроков, естественно, привело к резкому увеличению расходов на строительство, которые вначале планировались в сумме 2,5 миллиарда найр. К расходам добавилось также 50 миллионов найр на выплату компенсации людям, которых переселяли за пределы столицы, и пособий на устройство новым жителям. Кроме этого значительная часть средств была просто-напросто разворована.

После государственного переворота 1983 года и ареста в Абудже президента статус столицы был вновь возвращен Лагосу. Разумеется, лишь временно, до полного завершения основных объектов в Абудже.

В настоящее время в Абудже уже действует международный аэропорт, возведены здания под основные государственные учреждения, дополнительно построено несколько тысяч единиц жилья различных категорий, которые бесперебойно обеспечиваются водой, электроэнергией и телефонной связью. Инфраструктура завершенных районов полностью отвечает требованиям столицы крупнейшего африканского государства. Да и сама Абуджа, несмотря на сложности и трудности в строительстве, все более приобретает вид красивого и четко

спланированного современного города. Не случайно автор его проекта — японский архитектор Кензо Танге — считается одним из лучших в мире градостроителей. Периодически в Абудже уже проводятся конференции с участием иностранных глав государств и министров. Уже сейчас новая столица становится символом единства многонациональной Нигерии.

По различным оценкам, на территории этой страны проживает от 200 до 1000 народностей. Около десяти из них насчитывают более 1 миллиона человек. Самыми многочисленными являются хауса, йоруба и игбо, основная часть которых проживает соответственно на севере, западе и востоке Нигерии. Две крупнейшие водные артерии — реки Нигер и Бенуэ, сливаясь, как бы разделяют страну на три части: Северную, Восточную и Западную. В Нигерии это не просто географические понятия. У населения каждого из этих районов (они, естественно, тоже этнически неоднородны) много общего в экономической жизни, истории, культуре, религии. Жителей Восточной и Западной Нигерии называют южанами, и это тоже не просто география. Для жителей этих районов общей является религия. Большинство из них исповедуют христианство, правда различных толков. Понятия «Север» и «северяне» получили в Нигерии широкое распространение также вовсе не потому, что этот район этнически однороден. Здесь проживают десятки больших и малых народностей. Самые многочисленные из них — хауса, фульбе, канури, нупе, тив.

У каждого из этих народов своя история. И тем не менее они развивались взаимосвязанно. В их отношениях друг с другом было разное: торговля, культурное влияние, борьба за земли и пастбища и даже многолетние кровопролитные войны.

Среди самых многочисленных на Севере — хауса известны различные государственные образования: Бирам, Гобир, Даура, Заззау (или Зария), Замфара, Кано, Качина, Кебби, Рано, Хадейджа и др. Наиболее ранние из них были созданы уже во второй половине первого тысячелетия. Они сложились на основе мелких общинно-родовых объединений. На смену им, в свою очередь, пришли оформившиеся к XVI веку государства. Они были независимы друг от друга. Враждуя между собой, эти государства часто подпадали под власть более сильных соседей, в частности канури (ныне проживающих главным образом на территории штатов Борно и Гонгола).

Канури составляли основную часть населения государства Канем (сложилось во второй половине первого тысячелетия) и его преемника — государства Борну. Канем достиг наивысшего подъема в XIII веке, его владения простирались от Нигера до Нила. Борну — уже не просто государство, а крупная средневековая держава — возникло в XIV веке. Его расцвет приходится на XVI—XVII века.

В начале XIX века север современной Нигерии стал ареной восстания начавших проникать на эту территорию еще с XV века кочевников фульбе, или фулани, и беднейшего населения хауса. В результате движения, проходившего под знаменем джихада — священной войны мусульман против неверных, власть в государствах хауса перешла к фульбской родовой знати. Позднее такая же судьба постигла их соседа — государство Нупе (сложилось к XV веку на территории современных штатов Квара и Нигер). Движение фульбе, дважды захватывавших Нгазаргаму, столицу государства Борну, подорвало могущество последнего и, по существу, способствовало его распаду.

Итак, к моменту оккупации этого района англичанами (конец XIX — начало XX века) и провозглашения его английским протекторатом Северная Нигерия там окончательно утвердился ислам. Поэтому название «Север» в современной Нигерии ассоциируется прежде всего с исламом. Распространение ислама проходило с севера на юг. По существу, оно было остановлено деятельностью христианских миссионеров и последующей английской колонизацией. Четкой границы между областями распространения ислама и христианства в Нигерии нет. Однако ясно, что ислам вышел за пределы пролегающей по рекам Нигер и Бенуэ (до места их слияния) географической границы Северной Нигерии. В частности, большинство населения штатов Квара, Бенуэ и Гонгола исповедует ислам. Однако к Северу традиционно относят лишь Бенуэ и Гонголу. Так принято считать, видимо, потому, что часть их территории находится в пределах географической границы Северной Нигерии. Поэтому в административном плане Север — это десять штатов: Баучи, Бенуэ, Борно, Гонгола, Кадуна, Кано, Качина, Нигер, Плато и Сокото. Остальные 11 из 21 штата федерации считаются южными.

Количество штатов, которые образовались в результате деления трех бывших административных областей

(Северной, Восточной и Западной), постоянно увеличивалось. Однако в мае 1988 года правительство Ибрагима Бабангиды объявило о том, что не намерено больше увеличивать число штатов.

Во время первой поездки в Абуджу я стал свидетелем спора по этому поводу между местными журналистами. Сторонников идеи о нецелесообразности дробления штатов оказалось больше. В качестве основного довода (наряду с экономией государственных средств на содержание правительств новых штатов) приводилась необходимость укрепления национального единства, чему вряд ли могло способствовать дробление штатов на более мелкие. Однако все были едины в том, что два штата нужны Нигерии обязательно. При этом не имелись в виду какие-либо конкретные районы или этнические группы. Это была простая арифметика. Из существовавших 19 нужно было выделить еще два штата, чтобы их общее число могло делиться на три без остатка. В 1979 году невозможность сделать это вызвала в стране большие споры. Дело в том, что по действовавшей тогда конституции президентом страны мог стать лишь кандидат, который наберет большинство голосов в рамках всей страны и будет иметь поддержку 25 процентов избирателей по крайней мере в $\frac{2}{3}$ штатов федерации. Шагари в 1979 году располагал такой поддержкой в 12 штатах, а это несколько меньше, чем $\frac{2}{3}$ от 19. Суд в то время подтвердил законность вступления Шагари на пост президента. Сделано это было на том основании, что поскольку $\frac{2}{3}$ от 19 составляют 12 целых и $\frac{1}{3}$, то в тринадцатом штате достаточно, мол, набрать не 25 процентов, а всего $\frac{1}{3}$ от этой цифры.

Многие тогда осудили это решение и до конца не признавали избрания Шагари президентом, обвиняя судей в «незнании арифметики». Чтобы исключить возможность таких «арифметических кризисов», нужно было еще два штата. Видимо, именно поэтому администрация Бабангиды, в целом выступавшая против дальнейшего дробления страны, в 1987 году все же образовала два новых штата — Кацина (часть Кадуны) и Аква-Ибом (часть Кросс-Ривер).

Малочисленные народности, составляющие почти половину населения страны, проживают в основном по обеим сторонам естественной водной границы между Северной и Южной Нигерией. Их еще называют народами среднего пояса. Так вот, Абуджа в этом среднем поясе

и в целом в стране занимает, условно говоря, самое центральное место. Здесь нет численного превосходства или преобладающего влияния какой-либо одной этнической группы. И, естественно, этот район в меньшей степени политизирован.

Как уже говорилось, в названиях штатов, районов и городов Нигерии сохранено большинство названий тех государственных образований, которые существовали здесь много веков назад. Однако живут на этой территории и народы, когда-то мигрировавшие сюда из других районов Африки. В частности, существует мнение, что населяющие штаты Бенуэ и Плато тив родственны народам банту. В их языке много сходных слов, есть общее в песнях, танцах, традициях. Каких-либо подтверждающих это конкретных исторических сведений нет. Но, как гласит древняя легенда, тив постоянно враждовали с соседями в «местах их прежнего обитания за рекой Конго» из-за того, что, беря себе в жены девушек у соседей, не позволяли то же самое юношам из других племен. В результате этих конфликтов они покинули насиженные места и переправились через реку Конго, в чем им помогла большая зеленая змея Нкьярен, которая и по сей день остается священной для всех тив.

Первые сведения о них в Нигерии относятся к XIX веку, когда тив противостояли экспансии со стороны фулани. Последние, столкнувшись с упорным сопротивлением, вынуждены были отказаться от своей затеи. Так же упорно тив боролись и с английскими колонизаторами. Сильный, мужественный народ, тив завоевали славу доблестных воинов. Не случайно поэтому в так называемых «туземных корпусах» английских войск в Нигерии тив пользовались высокой репутацией.

К числу пришлых относятся в Нигерии и фульбе — второй по численности народ на севере страны. В настоящее время они живут не только в Нигерии. Их можно встретить и в других странах Западной Африки — от Сенегала до Чада, где их называют по-разному: фульбе, пуль, пелы, пуло, фулани, бороро. На территории Нигерии фульбе появились в XVIII веке. После движения, проходившего в начале XIX века под знаменем джихада, в результате которого были захвачены или покорены прежние государства хауса, нупе и канури, фульбе быстро ассимилировались среди местного населения и почти полностью утратили свой язык и культуру.

По степени ассимиляции с народами Нигерии выделяются несколько групп фульбе. Это полностью хаусаизированные, составляющие в настоящее время верхушку большинства эмиратов страны торобе, далее — филанин гида, сохранившие свой язык, но все же сильно хаусаизированные городские фульбе, а также скотоводы фульбе-наи, занимающиеся одновременно и земледелием. Особняком стоят бороро, или боророджо. Современный исследователь Африки Герт Тчези включил их в число «последних африканцев» — народов, наиболее полно сохранивших традиции, обычаи и нравы своих предков. Однако не только этим интересны бороро (тем более что такая верность характерна не для них одних).

У бороро много черт, выделяющих их из общей массы нигерийцев. Во-первых, это, конечно, антропологический тип. Только бороро сохранили чисто фульбский облик: светло-коричневый, даже немного красноватый цвет кожи, тонкие губы и нос, несколько удлиненное и узкое по сравнению с другими африканцами лицо.

Впервые я увидел юношу из бороро на одной из улиц Лагоса и вначале принял его за беженца из Чада. В 80-х годах стоящие вдоль дорог и просящие подаяния беженцы из Чада были обычным явлением в Нигерии. Однако, внимательно приглядевшись к юноше, я понял, что ошибся. Отличие его от чадцев было не только в более светлой коже. Гордая осанка, твердая походка и, самое главное, смелый, уверенный взгляд говорили, что это не беженец. Кроме того, юноша был вооружен небольшим, метра в полтора, копьем и мечом. Находившийся со мной в машине нигериец-йоруба на вопрос, кто это, ответил обычно: «Северянин». И лишь после моего возражения, что, мол, юноша всем своим обликом отличается от уже виденных мною представителей Севера, «уточнил»: «Кочевник-скотовод».

Это — второе отличие бороро. Они — единственные в Нигерии, кто полностью сохранил кочевой образ жизни. Для бороро быть счастливым — значит неторопливо бродить вместе с пасущимися стадами зебу. Скот для них — это естественное богатство, основной символ престижа семьи. Бороро употребляют мясо домашних животных только в ритуальных обрядах и церемониях. Благополучие их животных неотделимо от их собственного благополучия. Когда скоту угрожают заболевания, когда выгорают пастбища и пересыхают места водопоя, у бороро появляется опасение, что их кочевой

жизни может прийти конец. А это для них самая большая потеря.

В течение сухого сезона бороро все же вынуждены определенное время находиться у колодцев и других постоянных источников воды. Кочуя в основном по Сахелю, они до начала дождей временно остаются на юге Нигера или в северных районах Нигерии (штаты Баучи, Сокото, Кано). Именно здесь мне неоднократно приходилось встречать бороро с их стадами, наблюдать их в общении с местными жителями. В основе этого общения, как и много веков назад, лежит торговля продуктами своего труда, которые они доставляют в различные районы страны. Во время последнего приезда в Абуджу я уже встречал бороро и там.

ПОИСК СТАБИЛЬНОСТИ

С момента провозглашения независимости 1 октября 1960 года в Нигерии произошло с полдюжины военных переворотов, сменили друг друга два гражданских и пять военных правительств. С октября 1960 по январь 1966 года (период «первой республики», по принятой в Нигерии терминологии*) у власти находилось правительство во главе с Абубакаром Тафавой Балевой. Затем наступила полоса военных режимов Агийи Иронси (январь—июль 1966 года), Якубу Говона (июль 1966—июль 1975 года), Мурталы Мухаммеда—Олусегуна Обасанджо (июль 1975—сентябрь 1979 года). 1 октября 1979 года была восстановлена гражданская администрация, которую возглавил Альхаджи Шеху Шагари. Но «вторая республика» оказалась еще недолговечнее первой. После очередного переворота 31 декабря 1983 года власть взяло военное правительство генерал-майора Мухаммаду Бухари, которого, в свою очередь, 27 августа 1985 года сместил генерал-майор Ибрагим Бангида.

Сама по себе политическая нестабильность типична для многих молодых государств Африки. И все же бурные события в Нигерии, играющей весьма значительную роль на континенте, привлекали и привлекают к себе особое внимание. Рассуждая об их причинах, западные обозреватели нередко называют — в качестве

---

* Официально Нигерия была провозглашена республикой 1 октября 1963 года.

основных или наряду с другими — такие факторы, как якобы наблюдаемое у нигерийских военных «традиционное стремление к власти» (иногда употребляют более сильное выражение — «жажда власти»), мнимая неспособность нигерийцев принять и осуществить на практике «демократическую форму правления».

Именно так объясняли недавние колонизаторы крах «первой республики», чья политическая система была разработана бывшей метрополией по образу и подобию английского парламентаризма, без всякого учета местной специфики, но по принципу «разделяй и властвуй». Выборы 1959 года, осуществленные под контролем колонизаторов, не дали абсолютного большинства ни одной из нигерийских партий, представлявших собой, в сущности, этнорегиональные группировки, которые пользовались влиянием почти исключительно в «своих» областях страны*. Правительство сформировали партии Северный народный конгресс (хауса) и Национальный совет нигерийских граждан (игбо). Их лидеры — А. Т. Балева и Ннамди Азикиве — получили посты соответственно премьер-министра и президента. Возглавляемая Обафеми Аволово партия йоруба — Группа действия — стала главной оппозиционной силой.

Хотя правительство Балева и провозгласило политику позитивного нейтралитета, в действительности оно полностью ориентировалось на бывшую метрополию. Поставив целью ускорение экономического развития страны, правительство несколько не ограничило деятельность западных монополий. Не смогло оно остановить и стремительный рост цен на товары первой необходимости, вызывавший недовольство большинства населения страны. Сильно расцвела коррупция.

Деятели «первой республики» в целом (и представители партий, вошедших в правительство, и оппозиция) ставили личные амбиции, узкокорыстные интересы имущей верхушки различных этнических групп выше общенациональных. Вместо решения унаследованных от колониализма сложнейших проблем они развернули между собой борьбу за господство в стране. Нигерию сотрясали хронические кризисы, которые правительство не только было не в состоянии преодолеть, но фактически

---

* Еще до обретения независимости страна была разделена на Северную, Западную и Восточную области, где большинство населения в указанном порядке составляли крупнейшие народности — хауса, йоруба и игбо.

способствовало их углублению. В ходе выборов 1964 года и особенно в 1965 году межпартийные конфликты вылились в открытые столкновения, унесшие сотни жизней. Выборы в парламент Западной области осенью 1965 года проходили в обстановке жестоких стычек между приверженцами правительственной коалиции и оппозиции. К концу года стало ясно, что федеральное правительство не может контролировать обстановку. При таких обстоятельствах в развитие событий вмешалась армия.

Первоначальная инициатива исходила от представителей ее среднего и низшего звена. Многие федеральные и региональные политические бонзы были расстреляны. Хотя основная часть вооруженных сил сохранила лояльность правительству, а выступившие солдаты вернулись в казармы, правительство на своем заседании решило передать власть армии. В январе 1966 года было сформировано первое военное правительство А. Иронси, занимавшего до этого пост главнокомандующего вооруженными силами страны. Главной своей задачей оно объявило разработку и осуществление нового курса, направленного на сплочение страны. Вскоре после этого А. Иронси во всеуслышание заявил о своей приверженности борьбе с коррупцией, о планах жилищного строительства, улучшения системы народного образования и здравоохранения. Правительство намеревалось также подготовить новую конституцию и вернуть страну к режиму гражданской власти. Эти обещания встретили поддержку и одобрение общественности. Однако вскоре выяснилось, что это лишь слова. На деле же Иронси стремился превратить Нигерию в унитарное государство. В одном из своих официальных выступлений он заявил, что приверженность регионализму была причиной краха прежнего режима, и призвал к реформе политической системы.

Разумеется, глава первого военного правительства правильно указал на регионализм как на одну из главных причин кризиса 1965—1966 годов. В то же время выдвинутая им идея решения проблемы национальной интеграции путем унитаризма полностью игнорировала реальную обстановку в стране. Этническое, религиозное, лингвистическое и иное многообразие нигерийских народностей, их приверженность собственным традициям и обычаям не могли быть в должной степени учтены без федерального устройства. Тем не менее в

мае 1966 года были приняты декреты о ликвидации федеральной системы. Области делились на подчиненные центру провинции и теряли всякую автономию.

Эти декреты были враждебно встречены большинством населения. Они спровоцировали на Севере выступления против сотен тысяч игбо (Иронси и его ближайшие помощники принадлежали к этой народности). Северяне усмотрели в этих декретах попытку игбо установить свое господство в стране. В ответ на это в Восточной области начали преследовать живших там северян. Раскол начался и в армии. Надеясь «успокоить» страну и армию, Иронси отправился в поездку по стране. Однако завершить свою миссию ему не удалось. 29 июля 1966 года во время пребывания в Ибадане он был захвачен восставшими солдатами и расстрелян.

Второе военное правительство возглавил подполковник (впоследствии генерал) Я. Говон. Он сразу же восстановил федеральную систему и заявил о намерении его администрации вновь привести Нигерию к гражданскому правлению. С этой целью намечалось созвать Всенигерийскую конституционную конференцию.

Однако к этому времени сепаратистские и шовинистически настроенные лидеры Восточной области во главе с ее губернатором О. Оджукву взяли курс на раскол страны. Используя такие факты, как убийство Иронси, а также эксцессы против игбо на Севере, демагогически заявляя, что средства, получаемые от реализации добываемой в основном на Востоке нефти, идут на нужды развития других районов, группа Оджукву получила поддержку значительного большинства населения Восточной области, и в первую очередь игбо.

В мае 1967 г. Восточная область была провозглашена независимой республикой Биафра. Это привело в июле 1967 года к междуусобной войне. Большинство западных держав заняло тогда двусмысленную позицию, некоторые прямо поощряли Оджукву, в том числе и расисты Претории. На стороне национально-патриотических сил, боровшихся за сохранение единства и представлявших абсолютное большинство населения страны, выступили почти все африканские государства, социалистические страны. Советский Союз солидаризировался с центральным правительством, предоставил ему материальную помощь, о чем до сих пор с признательностью вспоминают в Нигерии. Длившееся 30 месяцев драматическое противоборство завершилось пора-

жением Оджукву. Армия оказалась единственной силой, способной отстоять — и отстоявшей — территориальную целостность страны.

Победа в войне упрочила позиции федерального правительства. Однако впоследствии его глава Я. Говон перенес сроки осуществления провозглашенной им же программы передачи власти гражданским лицам и поэтому был смещен группой военных во главе с М. Мухаммедом. Третье военное правительство продолжило положительные начинания Говона по решению проблем трибализма и сепаратизма. Оно проявило готовность решить такую острую, сложную проблему, как вопрос о создании новых штатов. Еще в мае 1967 года страна была разделена на 12 штатов. В феврале 1976 года из их числа было выделено еще семь штатов.

Правительство М. Мухаммеда развернуло широкую кампанию борьбы со злоупотреблениями властью, взяточничеством, коррупцией, nepотизмом и фаворитизмом, процветавшими при прежнем режиме. Оно проводило активную чистку армии и государственного аппарата от коррумпированных и некомпетентных лиц. Только за первые четыре месяца после третьего переворота по обвинению в таких преступлениях было уволено 10 тысяч человек.

Разумеется, эти действия (в равной степени как и почти сразу же обнародованная М. Мухаммедом программа поэтапного перехода к гражданской форме правления) вызвали недовольство определенной части военных. 13 февраля 1976 года ими была предпринята попытка военного переворота. Заговорщики были разгромлены в течение нескольких часов, но им удалось убить главу государства. Занявший этот пост генерал-лейтенант О. Обасанджо сразу же подтвердил решимость своего правительства проводить прежний курс.

Первый год моего пребывания в Нигерии пришелся как раз на переходный период. Наиболее характерным для Нигерии 1979 года была необычайно высокая политическая активность широких слоев населения страны. Достаточно сказать, что с заявками в Федеральную избирательную комиссию о регистрации в качестве политических партий обратилось около сотни организаций и групп. Они формировались на самой различной основе, но преобладающим был прежний, уже опорочивший себя в годы «первой республики» принцип. Даже пять самых крупных партий, участвовавших во

всеобщих выборах в июле—августе 1979 года, как и их предшественницы времен «первой республики», были сформированы по этнорегиональному принципу.

Изменились разве что названия. Крупнейшие народности — хауса, йоруба и игбо — были представлены соответственно Национальной партией Нигерии (НПН), Нигерийской партией единства (НПЕ) и Нигерийской народной партией (ННП). Прежними в большинстве своем оставались и лидеры. О. Аволово, которого соплеменники величали «папой», возглавил НПЕ, Н. Азикиве — ННП. Интересы традиционной аристократии и торгово-промышленной буржуазии мусульманского Севера выражал лидер НПН Ш. Шагари — политический наследник тех высокопоставленных лиц, что были расстреляны в январе 1966 года. Пожалуй, единственное различие между «первой» и «второй» республиками заключалось в том, что теперь в качестве образца была взята не английская, а американская система правления.

Надо сказать, что передача власти гражданской администрации в 1979 году путем проведения выборов с участием кандидатов пяти политических партий, представлявших собой различные этнорегиональные группировки, рассматривалась в стране как своего рода эксперимент. Уже тогда многие, учитывая опыт «первой республики», сомневались в стабильности будущего правительства. Как предупреждение этому звучало появившееся тогда на страницах местных газет выражение: «Военные уходят, но дверь за собой не закрывают и в случае необходимости вновь вернутся».

Победу на важнейших — президентских — выборах незначительным большинством голосов одержал Ш. Шагари. Но его партия получила менее половины парламентских мандатов и вступила, как и 20 лет назад, в коалицию с партией игбо — ННП. Казалось, это должно было бы удовлетворить обеих: НПН гарантировала себе спокойную жизнь в Национальной ассамблее, а ННП — ряд министерских и других ключевых постов. Однако первая, стремясь править безраздельно, не всегда считалась с младшим партнером, который, в свою очередь, старался при любом случае урвать побольше за поддержку, оказываемую правительству. Руководители двух партий все чаще задавались вопросом, кому выгоднее их союз, совершенно забыв, что он призван служить в первую очередь делу единства Нигерии.

Этот чисто торгашеский подход, как и следовало ожидать, вскоре вызвал распад коалиции. ННП стала одним из двух активнейших противников правительства — наряду с НПЕ, партией йоруба.

В преддверии очередных выборов 1983 года лидеры оппозиции попытались создать «Альянс прогрессивных партий», чтобы нанести поражение Ш. Шагари. Замысел этот не был осуществлен в силу давних разногласий и недоверия между О. Аволово и Н. Азикиве, каждый из которых хотел пробиться на пост президента. Оппозиция так и осталась раздробленной.

Тем не менее у правящей ННП, по-прежнему имевшей реальную поддержку лишь в семи-восьми из 19 штатов федерации, не было никакой надежды добиться абсолютной победы, и ее лидеры сделали расчет на подтасовку результатов голосования, шантаж и подкуп политических противников. Исход псевдовыборов 1983 года, которые большинство нигерийских газет и журналов назвало «великим позором страны», зависел не от воли избирателей, а от находившихся в распоряжении партий «средств воздействия». В этом отношении ни одна из них не могла тягаться с ННП, израсходовавшей на свою кампанию, по официальным данным (истинной цифры не знает, вероятно, никто), свыше миллиарда долларов — вдвое больше, чем все остальные партии, вместе взятые, — и контролировавшей федеральную избирательную комиссию, Верховный суд и службу безопасности. Итоги выборов были фальсифицированы таким образом, чтобы оппозиция даже в случае своего объединения уступала партии Шагари в представительных органах.

Правительственная пропаганда трубила о триумфальном успехе режима, «общенациональной поддержке» его деятельности, распространении влияния ННП на большинство штатов, провозгласила лозунг «Одна нация — одна партия». В действительности же, выдавая себя за поборника единства страны, равенства всех населяющих ее этнических групп, правительство Шагари, как ни одно другое, выражало в первую очередь интересы эксплуататорской верхушки Севера. Оставаясь в тени, ННП стравливала различные народности между собой, разжигала религиозную рознь. Столкновения на этой почве практически не прекращались. На Западе и Востоке ННП «поддерживала» этнические меньшинства, чтобы создать проблемы своим главным политиче-

ским противникам — ННП и ПНЕ и, таким образом, облегчить для себя получение большего числа голосов избирателей йоруба и игбо. На Севере, который она считала собственной вотчиной, ННП, стремясь подавить всякую оппозицию, не брезговала никакими средствами. Обычными были запугивание, шантаж, подкуп, «юридические обоснования» незаконных действий ННП контролируемые ею судом и избирательной комиссией. Например, не сумев переманить на свою сторону А. М. Рими, губернатора Кано — одного из крупнейших северных штатов, ННП натравила на него толпу религиозных фанатиков. Губернаторский дворец и ряд административных зданий были разрушены, несколько человек погибли, сам Рими спасся лишь чудом.

Все это вызвало отпор, особенно усилившийся в июле—сентябре 1983 года. Отовсюду шли жалобы на фальсификацию итогов голосования, в некоторых штатах эта практика приняла столь одиозные формы, что результаты выборов пришлось аннулировать. Другим негативным моментом избирательной кампании был всеобщий разгул насилия. Столкновения приверженцев различных партий, сопровождавшиеся убийствами и поджогами, охватили Ойо, Ондо, Квару, Плато и ряд других штатов. Некоторые оппозиционные партии отказались признать итоги выборов, кое-где, например в штате Гонгола, их пытались бойкотировать. Зачастую законность избрания тех или иных кандидатов официально оспаривалась их соперниками, а также руководителями профсоюзного центра — Нигерийского конгресса труда и других организаций. Обстановка на Западе, Востоке и Северо-Востоке во многом напоминала ситуацию 1965—1966 годов.

Вообще несоответствие официальной информации реальному положению дел было характерно для внутренней и внешней политики правительства, составлявшихся им планов экономического развития и особенно их выполнения. Однако если в политике ННП удавалось в какой-то степени скрыть истинное положение вещей, с помощью пропагандистской машины выдать свои просчеты и поражения за успехи, то действительное состояние национальной экономики скрыть было невозможно. Именно провал экономического курса ННП, неспособность ее правительства эффективно управлять хозяйством стали основной причиной политического краха партии.

Ошибочно полагая, что партия гарантировала себе еще по меньшей мере четырехлетнее пребывание у власти, все, кто оплатил ее столь дорогостоящую победу, спешили компенсировать затраты. При назначении на посты в новой администрации учитывался главным образом вклад того или иного лица в партийную кассу, а отнюдь не его личные способности и достоинства. Местная пресса без обиняков писала, что второе правительство Шагари было самым некомпетентным в государственных делах за всю историю страны. Члены кабинета заботились большей частью о том, как поскорее набить карманы. Нередко злоупотребления были настолько явными (даже в условиях общей бесхозяйственности и бесконтрольности), что виновники, заметая следы, шли на поджог зданий, где хранились компрометирующие их документы. Пожары опустошили самое высокое и самое красивое в Нигерии современное здание министерства связи, помещения министерства иностранных дел, министерства просвещения, бухгалтерии управления развития столицы, радиокорпорации штата Анамбра и др.

Несмотря на явную причастность многих лиц из правительственного аппарата к этим поджогам, все они оставались на своих местах. Процесс безудержного обогащения за счет государства продолжался.

За период правления прежней администрации число миллионеров в Нигерии увеличилось более чем на тысячу. Присвоенные деньги они в нарушение закона, с помощью «сговорчивого» руководства некоторых фирм, переводили за границу. В 1980—1983 годах из страны «уплыло» более 16 миллиардов долларов. Многие «подпольные миллионеры», ничего не опасаясь, хранили деньги прямо у себя дома. Забегая вперед, скажем, что в ходе только одного рейда после переворота полиция обнаружила на квартирах ряда высших деятелей прежнего режима в общей сложности свыше 15 миллионов найр.

Печальный рекорд установил Сабо Бакин Зуво, губернатор одного из штатов от Партии народного возрождения (ПНВ). Безграмотный проходимец, втершийся в доверие к известному своими прогрессивными взглядами лидеру этой партии М. Амину Кано, он, действуя в угоду правящей НПН, способствовал расколу ПНВ, а после смерти Амину Кано в 1983 году попытался превратить ее в послушное орудие НПН, при

помощи и финансовой поддержке которой и был «избран» губернатором. Пробыв на этом посту всего три месяца, Зуво успел присвоить около 5 миллионов найр. 3,4 миллиона было изъято у него на квартире при аресте. По словам этого горе-политика, он держал деньги дома, потому что не доверял... нигерийским банкам.

Примерно так же пополнялись кассы политических партий. За каждое назначение на пост или получение выгодного контракта заинтересованные лица и фирмы отчисляли в пользу партии, от которой зависела выгодная сделка, значительные суммы, заранее оговоренные, а иногда и включенные в контракт. В частности, после переворота выяснилось, что при подписании контракта с федеральным правительством на поставку Нигерии военных самолетов «Агуар» английская фирма «Аэропейс» перечислила на счет НПН 25 миллионов найр в виде «комиссионных». Иными словами, коррупция поднялась на уровень государственной политики.

Деятельность оппозиции в контролируемых ею штатах тоже имела мало общего с патриотизмом. Большинству правительств этих штатов были свойственны бесхозяйственность и казнокрадство. Мало того, исходя из своих узкопартийных интересов, оппозиционные лидеры призывали к бойкоту даже немногочисленных положительных начинаний центральной администрации. Все это было убийственным для нигерийской экономики, которая и без того переживала затяжной кризис вследствие падения спроса и мировых цен на нефть. Крах правительства Шагари приближался.

В целом же выборы 1983 года и последующее развитие событий показали пагубность механического переноса западных политических моделей на Нигерию. Основная часть населения по-прежнему была устранена от управления страной, которое осуществляла небольшая кучка политиков.

Программы политических партий почти не отличались, кричавшие с развешанных повсюду плакатов призывы во многом повторяли друг друга. Отличие было лишь в гамме цветов, включавшей основные цвета флага той или иной партии. Районы, контролируемые какой-либо из партий, легко угадывались именно по цвету плаката. И, конечно же, они по-прежнему совпадали с местами расселения народностей, на базе которых фактически формировались партии, несмотря на конституционный запрет партийного строительства по этни-

ческому принципу. Поэтому западный образчик многопартийной системы в этих условиях просто не мог сработать. Судьба «второй республики» также была предрешена. На политическую арену вновь должна была выйти армия. Различные варианты возвращения военных начали обсуждаться среди нигерийских журналистов и тех, кто внимательно следил за событиями в стране, еще до начала выборов 1983 года.

Варианты на самом деле могли быть различными. Сведения, просочившиеся позднее в органы массовой информации, подтвердили это. Дело в том, что происходившие в стране процессы затронули и ее вооруженные силы. Верхушка армии полностью отождествляла себя с правящим режимом. В случае обострения кризиса она планировала ввести в стране чрезвычайное положение, дополнить кабинет Шагари военными и таким образом сохранить власть за прежним режимом.

Эта часть армии была в такой же (если не в большей) степени коррумпирована. Огромные средства, которые отпускались на армию в период правления Шагари, использовались не по назначению. Многие высшие военные в годы «второй республики» забыли разницу между собственным и государственным карманом. Все это сильно отражалось на боеспособности нигерийской армии. Обладая на бумаге достаточным количеством боевой техники и оружия, военные с большим трудом находили шесть исправных танков для участия в парадах на национальных праздниках.

Все это влияло на настроения в армии. Среди рядового и младшего офицерского состава усиливался протест. Наиболее дальновидные представители командования понимали, что администрация Шагари ведет страну в тупик. Вскоре после переворота стало известно, что параллельно с заговором генералов и старших офицеров, возглавивших выступление 31 декабря 1983 года, существовал еще один, на более низком уровне.

Как заявил в интервью иностранным корреспондентам вошедший в то время в Высший военный совет генерал-майор И. Бабангида, переворот стал упреждающим — и по отношению к нараставшему в стране протесту широких народных масс, и по отношению к заговору младших офицеров, действия которых могли бы носить более радикальный характер по сравнению с событиями 31 декабря.

Новые военные власти особое значение придали расследованию преступных действий свергнутого правительства. Около 300 его представителей оказались в тюрьме строго режима Кирикири, в том числе бывший вице-президент страны А. Эквуэме (Ш. Шагари был посажен под домашний арест), смещенные губернаторы всех штатов, министры, другие высокопоставленные чиновники. Кирикири и до этого не отличалась особым комфортом, теперь же заключенным пришлось еще и потесниться. Вначале отдельная камера была предоставлена лишь А. Эквуэме из уважения к его прежнему статусу. Но вскоре возникла проблема к Оджукву Оджукву, бывшим лидером Биафры, основным виновником междоусобной войны.

После поражения он 12 с лишним лет жил в эмиграции. Затем правившая страной НПН «реабилитировала» его. Возвращение Оджукву в Нигерию, его встречу в стране НПН постаралась превратить в общенациональное торжество. Ни одного самого высокопоставленного иностранного гостя никогда так не встречали в Нигерии. Даже визит папы римского отличался куда меньшей помпезностью и строгостью мер безопасности. В течение нескольких месяцев Оджукву был буквально основным героем Нигерии. Роскошь и почести, однако, вскоре пришлось оплачивать. Оджукву стали активно использовать для завоевания голосов избирателей игбо и переманивания на свою сторону членов НПН, в 1979 году имевшей явное преимущество на территории бывшей Биафры. Он возглавил отделение правящей партии в своем родном штате и энергично участвовал в дележе национального «пирога». Однако после ареста даже его бывшие сподвижники по партии отказались сидеть с ним в одной камере: некоторые мотивировали это политическими или моральными соображениями, другие просто не могли переносить фактически непрерывного курения Оджукву. Так что пришлось выделить и ему отдельную «жилплощадь».

Новое правительство М. Бухари, созданное верхним эшелонем вооруженных сил, отражало в основном интересы имущих слоев общества, прежде всего торговой и промышленной буржуазии — но той ее части, которая настроена националистически, выступает против засилья неокомпрадоров, расплодившихся при «второй республике», за экономический подъем. Именно поэтому большинство нигерийцев с удовлетворением воспри-

няли «возвращение» военных, ожидая значительных перемен к лучшему.

Однако уже при формировании Высшего военного совета внутри его выявились разногласия. Спор шел о путях преодоления стоящих перед страной трудностей. Некоторые члены Совета, в том числе начальник штаба армии И. Бабангида и командир 2-й механизированной дивизии Санни Абача, предлагали выдвинуть широкую, долговременную социально-экономическую программу. Но глава государства М. Бухари и его сторонники склонялись к «косметическим» мерам популистского толка.

Между тем перед лицом экономического кризиса были объективно необходимы какие-то решительные действия. К этому новых лидеров обязывали и сделанные ими сразу после переворота заявления о намерении «спасти Нигерию». Именно оздоровление экономики стало главной заботой правительства, выделившего ряд проблем, которые должны были решаться в первую очередь, пусть даже в ущерб выполнению других, не менее важных задач.

Прежде всего правительство стремилось погасить государственный долг, достигший к моменту свержения Шагари 30 миллиардов найр, из которых 8,5 миллиарда составляла внешняя задолженность. Правительство регулярно вносило платежи по долгосрочным и среднесрочным займам, весь импорт некоторое время оплачивался незамедлительно. Это дало основание Бухари заявить в речи по случаю первой годовщины переворота: «Нигерия погашает свои долги и больше не просит подаваний». В 1984 году импорт Нигерии уменьшился в стоимостном выражении с 9,7 до 8,6 миллиарда, а экспорт возрос с 7,1 до 8,9 миллиарда найр, дефицит платежного баланса сократился до 126 миллионов найр против 3,4 миллиарда в 1983 году.

Ради укрепления и диверсификации национальной экономики больше внимания стало уделяться сельскому хозяйству. В 1984 году объем его продукции удалось увеличить на два процента (в 1983 году он сократился на целых восемь процентов). Разрабатывались планы создания крупных агрокомплексов, возвращения нигерийцев из переполненных городов в сельские районы, привлечения в аграрный сектор квалифицированной рабочей силы и капиталов.

Однако главным богатством Нигерии по-прежнему

оставалась нефть. Поэтому правительство в первую очередь пресекло контрабандный вывоз жидкого топлива, приносивший прежде различного рода дельцам до миллиона долларов в день.

Для уменьшения оттока иностранной валюты были приняты специальные декреты, направленные против транснациональных корпораций, которые занижали размер своих прибылей, подлежащих налогообложению, переводили их, а также плату за использование патентов, лицензий и торговых знаков за рубеж. Эти возможности были резко ограничены, была также организована проверка накладных и товаров перед отправкой из других стран в Нигерию.

Эти усилия дали определенные результаты, но в предшествующие годы экономика понесла такой ущерб, что поправить дела за короткий срок было крайне трудно. Спад, начавшийся в 1981 году, не был преодолен, производительность оставалась низкой, не хватало товаров первой необходимости, росли инфляция, безработица. Особенно страдали рабочие и служащие в строительстве, промышленности и торговле — отраслях, наиболее зависевших от иностранного капитала, импорта западного сырья и оборудования. Ситуация осложнялась ростом противоречий в Высшем военном совете.

В этих условиях и произошел не встретивший фактически никакого сопротивления августовский переворот 1985 года, руководитель которого И. Бабангида стал президентом страны, главнокомандующим и председателем Правящего совета вооруженных сил, куда вошли 29 представителей армии и полиции.

Ибрагим Бабангида родился в августе 1941 года в городе Минна (ныне столица штата Нигер) в мусульманской семье, принадлежащей к небольшой народности гвари. Его биография типична для многих кадровых военных Нигерии: он окончил военный колледж на родине, в городе Кадуна, и военную академию в Индии, стажировался в Великобритании. Участвуя в войне против сепаратистов Биафры, зарекомендовал себя как смелый, решительный офицер, снискал авторитет в армии, особенно среди рядового и младшего командного состава. Популярность Бабангиды резко возросла после событий 13 февраля 1976 года. Будучи тогда командиром танковой бригады, он сыграл важную роль в подавлении мятежа, имевшего целью свержение правительства М. Мухаммеда, и проявил при этом личную

храбрость. В период «второй республики» Ш. Шагари отстранил Бабангиду от командования самой боеспособной и наиболее эффективной в условиях Нигерии танковой бригадой и назначил его на чисто номинальную, хотя престижную и более высокую штабную должность. Решение Шагари не было случайным. В Нигерии было известно, что в 1979 году Бабангида был в числе тех, кто критически отнесся к передаче власти гражданским.

После того как в 1985 году Бабангида сам возглавил переворот (в 1983 году он был одним из организаторов свержения Шагари), у многих были основания утверждать, что режим военных утвердился в Нигерии надолго. Однако уже два года спустя Бабангида объявил о программе перехода страны к гражданскому правлению к 1992 году. Это заявление (подкрепленное вскоре и конкретными действиями) служит, пожалуй, наиболее ярким доказательством надуманности тезиса о так называемом патологическом властолюбии нигерийских военных. Более того, на этот раз военная администрация не просто намерена передать власть гражданским, как это было в 1979 году, но и стремится сделать все, чтобы избежать повторения кризисов.

Декрет, на основании которого будет осуществляться передача власти, разрешает заниматься политической деятельностью в стране лишь с апреля 1989 года. Только через год после этого начнется официальная регистрация политических партий. Согласно декрету, их не должно быть больше двух. По замыслам инициаторов программы, это должно нарушить порочный этно-региональный принцип формирования партий. Различия между партиями должны ограничиваться приоритетами целей и стратегией. Национальный орган исполнительной власти и ведущие функционеры каждой из партий должны обеспечить широкие, в интересах страны подходы к решению государственных вопросов. В этих условиях представителям основных народностей, как в равной степени и национальных меньшинств, необходимо будет «размыть» разделяющие их барьеры и начать создавать блоки и союзы.

Однако провозглашение программы, предусматривающей двухпартийную структуру, пришлось как раз на тот момент, когда в стране резко возросла напряженность между мусульманами и христианами после кровопролитных столкновений по религиозным мотивам,

получивших широкое распространение в 80-х годах в северной части Нигерии. Некоторые нигерийцы опасаются в связи с этим, что политический водораздел пройдет между христианами и мусульманами, или Севером и Югом. И эти опасения не напрасны.

Противоречия между мусульманским Севером и христианским Югом, постоянно дававшие о себе знать на внутривнутриполитической арене страны, с особой силой вспыхнули в первый год после прихода к власти правительства Бабангиды. В стремлении получить новые источники финансирования и с их помощью преодолеть или хотя бы смягчить тяжелое экономическое положение государства правительство объявило о предстоящем вступлении Нигерии в Организацию Исламская конференция в качестве полноправного члена. Прежде она имела в ОИК статус наблюдателя. Правительство рассчитывало, что этот шаг откроет Нигерии путь к беспроцентным займам богатого Исламского банка развития, получению кредитов у нефтедобывающих арабских стран.

Известие о планах по вступлению в ОИК с новой силой разожгло рознь между мусульманами (около половины всего населения страны) и христианами (20—25%). Христиане обвинили правительство в нарушении конституции, провозглашающей Нигерию светским государством и предусматривающей отсутствие официальной религии. Обстановка накалялась. Это заставило правительство создать специальную президентскую комиссию по разрешению взрывоопасной проблемы. И тем не менее в северном штате Кадуна вспыхнули религиозные волнения, вылившиеся в кровавые столкновения между христианскими и мусульманскими общинами, погромы государственных учреждений. Только введение армейских частей, объявление чрезвычайного положения в штате и угроза расстрелов на месте прервали столкновения.

В интересах сохранения стабильности правительство вынуждено было «заморозить» вопрос о вступлении в ОИК и даже отказаться от участия в совещаниях, проводящихся этой организацией, несмотря на протесты мусульман, негодовавших по поводу «уступок» христианам. В то же время на Севере, где растет озабоченность ростом религиозной нетерпимости, группа видных деятелей сформировала «комитет старейшин», провозгласивший своей задачей содействовать гармониза-

ции отношений между христианами и мусульманами. Многие члены этого комитета (случайно или нет) в прошлом были функционерами НПН. В «комитет старейшин» в основном входят представители хауса и фулани, которые всегда занимали важные позиции в федеральном правительстве. Начали нигерийцы готовиться к выборам и в других регионах страны.

На Западе политики йоруба размышляют о том, следует ли, и если следует, то когда, выбирать преемника своего бывшего вождя Обафеми Аволово, который умер в мае 1987 года. На Востоке представители игбо, а также небольших этнических групп проводят встречи, чтобы добиться взаимопонимания. Двадцать лет назад, когда вспыхнула война в Биафре, они в основном сражались на противоположных фронтах.

После выборов на уровне штатов, намеченных на 1990 год, предстоит общенациональная перепись населения. Вопрос подсчета населения весьма щекотлив в Нигерии. Две предыдущие попытки переписи, предпринятые в 1963 и 1973 годах, закончились провалом из-за широкой фальсификации результатов. Ведь численность населения рассматривается как важный довод во время споров о том, сколько штатов может иметь каждый регион. Хотя правительство Бабангиды фактически высказалось против образования новых штатов, окончательно этот вопрос будет решаться в период между выборами на уровне штатов и федеральными выборами. Например, многие представители проживающих на востоке Нигерии игбо утверждают, что на них приходится примерно четверть населения страны, а имеют они всего три штата, тогда как йоруба, примерно той же численности, имеют пять штатов. Другие народности также требуют выделения для себя отдельных штатов.

Поэтапность переходного периода призвана ограничить вероятность внутривнутриполитических кризисов. Не менее важным в этом плане является запрет для бывших государственных деятелей выставлять на выборах свои кандидатуры. В список лиц, которым запрещено занимать выборные должности, входят члены комитетов законодательных органов страны, национальных исполкомов политических партий, а также деятели, занимавшие аналогичные посты на уровне штатов. В этот список включены и высшие военные, которые занимали политические посты с 1963 года. Соответственно запрет распространился и на членов правительства Ба-

бангиды. «Я хочу подчеркнуть, что наша администрация не желает и не планирует стать собственным премником», — сказал в связи с этим И. Бабангида. Тем самым он со всей ясностью дал понять, что тоже выбыл из борьбы, как и деятели, которым он это запретил.

После свержения режима Шагари и особенно с начала правления Бабангиды в число первоочередных задач нигерийского общества была выдвинута борьба с коррупцией и взяточничеством. Характерная для многих стран Африки традиция делать подарки в знак уважения и признательности приобрела в Нигерии уродливые формы. Коррупция здесь достигла чудовищных размеров. По самым скромным подсчетам, только в период «второй республики» в результате взяток и «подарков» нужным людям было потеряно для казны несколько миллиардов долларов, что стало одной из причин кризиса нигерийской экономики. Теперь власти стремятся использовать в борьбе против этого социального зла специальные трибуналы. Важное значение придается и воспитанию активной гражданской позиции населения, которое правительство призывает не проходить мимо фактов злоупотребления служебным положением. «Взяточничество — это преступление. Взяточничество — это грех. Не давайте взяток. Не берите взяток» — такие плакаты встречают посетителей большинства нигерийских учреждений.

Не совсем обычно среди мер борьбы с коррупцией выглядит предложение одного из традиционных вождей, Алекса Акинели, являющегося одновременно и президентом Нигерийского института общественных отношений. Он считает, что коррупция не сможет устоять перед божествами африканских религий.

Дело в том, что в настоящее время в Нигерии проводимые к присяге государственные чиновники произносят клятву на Библии или Коране, в зависимости от вероисповедания. Однако, по мнению Акинели, ислам и христианство покладисты к согрешившим, что оставляет моральную лазейку для лиц, использующих служебное положение в корыстных целях. Традиционные же божества не будут столь снисходительны к нарушителям клятвы, и поэтому Алекс Акинели рекомендует обратиться к их помощи.

Главной заботой администрации И. Бабангиды стало оздоровление экономики. Провозглашенная ею программа структурной корректировки предусматривает

сокращение импорта, увеличение экспорта, в том числе сельхозпродукции, а также девальвацию почти на 70 процентов национальной денежной единицы — найры — и привлечение иностранных капиталов.

Как и следовало ожидать, эти меры привели к ряду негативных последствий. Десятки компаний, крупных и мелких, которые зависят от импорта, свернули производство. В их число входят мукомольные предприятия, предприятия по сборке автомобилей, фабрики, производящие товары массового потребления из пластмассы и моющие средства. Первое время уровень занятости в промышленности упал до 15 процентов, производственные мощности использовались лишь на 25 процентов, производительность труда упала, а объем сбыта достиг рекордно низкого уровня. Как результат этого доходы на душу населения снизились с 800 долларов в год в 1984 году до 375 долларов в 1988 году, что особенно сказалось на уровне жизни среднего горожанина. Инфляция, рост цен почти на 400 процентов, безработица, составившая 2 миллиона человек, заставляют даже выпускников университетов устраиваться курьерами, водителями автобусов или же сельскохозяйственными рабочими. Последствием новой экономической программы стало массовое добровольное возвращение нигерийцев из города в деревни, а также сокращение рождаемости. Таким образом, последствия экономических мер правительства сами собой разрешают (хотя и болезненно) проблемы, которые в Нигерии безуспешно пытались решить с помощью различного рода кампаний.

Реформы правительства в области экономики дали и положительные результаты. За два первых года был значительно сокращен управленческий аппарат, уменьшилась коррупция, созданы стимулы для увеличения сельскохозяйственного производства, использование имеющихся производственных мощностей, две трети которых до этого бездействовали, возросло до 42 процентов. Уровень производительности труда за этот же период увеличился на 50 процентов. Использование местного сырья повысилось с 36 до 50 процентов.

Учитывая напряженность в области финансов, правительство пока не прибегает к иностранным займам для новых проектов в экономике. Продолжают строиться лишь первостепенные объекты. Основная цель проводимой программы структурной корректировки — соз-

дание многоотраслевой экономики, которая в полной мере использовала бы собственные энергетические и сырьевые возможности. В значительной степени этому будет способствовать и политическая стабильность, которую, как надеются многие нигерийцы, страна наконец обретет с установлением «третьей республики».

ГОРОД РЕКОРДОВ

Любой из городов мира имеет свои уникальные особенности, в чем-то превосходит или опережает другие. В этом смысле Ибадан — многократный рекордсмен. Крупнейший город на западе континента и во всей Тропической Африке — около четырех миллионов жителей. Здесь впервые в Африке появилось телевидение. Открытый в 1948 году Ибаданский университет был первым в Нигерии. Ибадан — центр главного какаопроизводящего района страны... Мы еще продолжим этот перечень.

Неудивительно, что приезжающие в Нигерию иностранцы, как правило, стремятся попасть в Ибадан, тем более что сейчас это несложно: он связан со столицей железнодорожными и авиационными линиями. Но большинство предпочитает недавно построенную прекрасную автостраду. Вот и я, когда выпала возможность отправиться в путешествие по стране, избрал именно Ибадан и, конечно же, именно этот путь.

Около часа ушло на то, чтобы выбраться из Лагоса с его сутолокой, нескончаемым потоком автомашин, преодолеть бесчисленные пробки и пройти контроль военных и полицейских постов, которые давно уже стали обычными на улицах не только столицы, но и других городов. Конец всему этому приходит лишь после выезда на автостраду Лагос — Ибадан. Легковые и грузовые автомашины выстраиваются у ворот, где с водителей взимается своя для каждого вида транспорта плата за пользование дорогой. С самого начала она строилась как скоростная. Налог позволяет содержать ее в надлежащем состоянии.

Словно почувствовав простор, автомобильный поток моментально начинает набирать скорость. Каких машин здесь только нет! Надрывно рыча, оставляя за собой клубы черного дыма, катят тяжелые трейлеры, доставляющие прибывшие в столичный порт грузы в

другие районы страны. Такие же тяжелые автомашины мелькают во встречном потоке. В них живой скот из северных районов, овощи и фрукты из центральных, нефтепродукты из восточных. Но основную массу все же составляют легковушки и микроавтобусы, выполняющие роль междугородных такси. Большинство автомашин пестрит различного рода надписями. Это настоящая слабость водителей Нигерии.

«С богом все возможно!» — ярко выведено голубой краской на, казалось бы, до невозможности набитом пассажирами желтом микроавтобусе японской марки. Солидный «Мерседес» молодого северянина в традиционной национальной одежде венчает не менее «солидный» лозунг: «Живи и давай жить другим!» На большой скорости, то и дело меняя рядность движения, обгоняет прочие автомашины белый «Пежо». Его водитель не очень стремится соблюдать правила, видимо полагая, что начертанное на заднем стекле: «Мы с богом давно друзья!» — гарантирует ему защиту от любых неприятностей.

Тем временем то здесь, то там встречаются следы подобной беспечности. На обочине шоссе валяются груды искореженного металла: обгоревшие трейлеры, столкнувшиеся лоб в лоб автобусы, уже проржавевшие и заросшие травой, или совсем «свеженькие», еще сияющие краской, когда-то так же быстро мчавшиеся легковушки. Такие картины можно наблюдать и на других дорогах Нигерии. По числу дорожно-транспортных происшествий эта страна вполне может претендовать на незавидную роль одного из лидеров Африканского континента. Согласно опубликованным здесь в 1988 году данным полиции, за последние десять лет в Нигерии официально зарегистрировано около 350 тысяч аварий и автокатастроф. Они унесли жизни почти 90 тысяч человек, свыше 300 тысяч получили ранения. Большинство аварий, как показывает статистика, совершается по вине водителей. Для наведения порядка на дорогах правительство приняло решение о создании специального корпуса безопасности движения. Ему поручен контроль за соблюдением правил дорожного движения, техническим состоянием транспортных средств, установкой дорожных указателей. Поэтому на этой трассе за последнее время появляется все больше таких знаков. Однако не все обращают на них внимание.

Хотя дорожные указатели регулярно сообщали о

приближении к Ибадану, город возник передо мной как-то неожиданно. Серо-бурая масса строений заполняла большие и малые холмы и простиравшиеся между ними низменности. Хотя я никогда до этого не был в Ибадане и не видел его изображений, однако открывшаяся панорама показалась знакомой. Но в первый раз я так и не понял, почему. И лишь гораздо позднее, изрядно исколесив страну, я понял, в чем дело. Ибадан — типичное йорубовское поселение. Он в равной степени напоминает многократно увеличенные йорубовские деревушки, поселки и небольшие городки с их традиционной хаотичной застройкой, рынками и лавчонками. Свообразие им придают и покрытые ржавчиной металлические крыши каменных, бетонных и глинобитных строений.

Мои нигерийские знакомые — кто в шутку, кто с непонятным мне перед первой поездкой сожалением — предупреждали, что с некоторыми рекордами города я познакомлюсь, еще не въехав в него. Увы, они оказались правы. Промчав «с ветерком» за какой-нибудь час 90 километров, я потратил гораздо больше времени, чтобы преодолеть расстояние километров в пять от городской окраины до университета. Автомобильные заторы в Лагосе — ничто по сравнению с чудовищными пробками в Ибадане. Правда, нет худа без добра: не выходя из машины, можно увидеть и даже приобрести все, что имеется в данное время на местном рынке. Между неказистыми малолитражками и импозантными дорогами лимузинами, затрудняя и без того медленное движение, снуют разносчики, предлагающие свои товары. Вдоль дороги бесконечной вереницей тянутся киоски, ларьки, лавочки, базары, где выбор простирается от спичек и открыток, кустарных изделий, японских и английских тканей до цветных телевизоров и внушительного размера запчастей для автомашин. Ведь Ибадан, кроме всего прочего, «самый торгующий город» — если не в мире, то в Африке наверняка: в ходе опроса, проведенного местной прессой, около 40 процентов его жителей назвали себя торговцами.

Вот прямо на земле расположилась одна из таких «торговок» — девочка лет семи. На подносе у нее кучки перца, томатов, моркови. Она на время забыла о своем основном занятии и, как с куклой, играет с похожей на человечка морковкой. Однако вскоре ее возвращает к реальности шлепок мамыши, которая сидит

рядом и предлагает прохладительные напитки. Из ведра с водой у нее выглядывают горлышки бутылок кока-колы и «спрайта».

Находясь на пересечении путей, связывающих столицу с основными районами страны, Ибадан издавна был местом бойкой торговли. История его возникновения имеет несколько версий, однако общепринято, что существовало три Ибадана.

По преданиям, первое поселение создали в XVIII веке пришедшие с северо-востока йоруба, которые были вынуждены покинуть разоренную междоусобными войнами родину. Их вождем был Лагели — один из потомков Одудувы, легендарного праотца всех правителей йоруба. Толкование слова «ибадан» вызывает споры. Одни говорят, что оно происходит от «эба одан», что на языке йоруба означает «у поля» (город расположен на границе тропического леса и саванны), другие утверждают, что созвучнее с ним «иба одан» — «шалаш в поле». Как бы то ни было, упоминание о поле присутствует в обоих случаях.

Вскоре, гласит та же легенда, поселение было разрушено объединенными войсками соседних городов за то, что мужчины-ибаданцы выдали женщинам тайну мужского общества йоруба «эгугу». Только Лагели и его семье удалось скрыться. Они поселились на стоявшем неподалеку холме и основали второй Ибадан. Постепенно к ним присоединились охотники и земледельцы из окрестных районов. Число жителей увеличилось, и они начали заселять ближайшие долины. Так появился третий Ибадан, который вместе со вторым составляет центр современного города. Ибаданцы верят, что на холме Окебадан, где якобы похоронен их первый правитель Лагели, живет богиня плодородия, считающаяся покровительницей города. Ежегодно в марте, в конце сухого сезона, устраивают большой праздник. В этот день запрещается разводить огонь и готовить пищу: богиня подожжет крышу дома человека, нарушившего табу.

Долгое время Ибадан служил для йоруба форпостом, защищавшим их земли от набегов фульбе. Счет своим рекордам город открыл еще в XVIII веке: в окружавшей его крепостной стене было 16 ворот. Среди ибаданцев до сих пор сохранилась пословица: «У каждого города четверо ворот, а у Ибадана — шестнадцать».

Расцвет Ибадана, имевшего хорошо вооруженную и обученную армию, пришелся на середину XIX века, когда вокруг него начала складываться конфедерация городов йоруба. Более чем за 10 лет эта область, занимавшая примерно 3,5 тысячи квадратных километров, стала основным препятствием на пути британской экспансии в глубинные районы. Однако превосходство англичан в вооружении решило исход борьбы. В 1886 году город был захвачен их войсками и почти полностью разрушен.

Стало уже банальным говорить о контрастах городов на Западе и в развивающемся мире, но и в этом отношении Ибадан являет, пожалуй, пример особенно яркий. В нем и сейчас немало районов, напоминающих «туземные кварталы» колониального периода, состоящих из одноэтажных домишек, построенных где попало и как попало. На их фоне выделяются четко спланированные «европейские» кварталы, где жили чиновники-колонизаторы.

В плотной толпе разномастных автомобилей мы медленно продвигаемся по одному из «туземных кварталов». Жалкие глинобитные строения образуют узкие, кривые, в большинстве своем немощеные улочки. От машин поднимаются тучи красной пыли. Пыль окутывает весь город, дополняя его цвет грязно-красным оттенком.

Подобная картина характерна для Ибадана в сухой сезон, а с началом дождей он превращается в самый влажный и слякотный город страны. Протекающая здесь речка Огунпа почти пересохла, но, когда начинаются ливни, она становится причиной больших и малых наводнений. Узкое засоренное русло не может вместить потоки, скатывающиеся с холмов. Река выходит из берегов, ее воды устремляются по улицам, смывая все на своем пути. Во время наводнений в 1980 и 1982 годах в Ибадане погибли сотни людей, тысячи остались без крова, материальный ущерб исчислялся миллионами найр.

Власти штата Ойо стремятся исправить положение, упорядочить застройку города. Во всяком случае, именно от них теперь зависит, что и где будет сооружено. В условиях широко развернувшегося строительства это имеет важное значение. За последние пять лет в городе появился целый ряд удачно спроектированных районов, несколько рынков и торговых центров. Наме-

чаются реконструкция старых и создание новых дорог и автостоянок.

Как и много лет назад, Ибадан играет огромную роль в экономической, социально-политической, научной и культурной жизни страны. Самое высокое в Нигерии 27-этажное здание Дома какао, где размещены конторы фирм и организаций, занимающихся производством и сбытом «шоколадных бобов», как бы подчеркивает основную экономическую специализацию этого района. Кроме того, в Ибадане работают табачная фабрика, завод пластмассовых и резиновых изделий, фруктово-консервный завод, скотобойня, авторемонтные и деревообрабатывающие мастерские.

Другое замечательное сооружение, видное из разных концов города,— стадион. Построенный в первые годы независимости, он был назван Стадионом Свободы. Здесь проводятся крупнейшие спортивные соревнования, массовые празднества. Он помнит выступления советских акробатов и теннисистов, игру Пеле, песни в исполнении великого Луиса Армстронга. Именно на его арене нигериец Диг Тайгер победил чемпиона мира по боксу среди профессионалов, американца Фулмера.

Особое место — и не только в смысле архитектуры — занимает здесь университет, раскинувшийся в предместье Ибадана отдельным городком. Из небольшого учебного заведения, имевшего всего три факультета, на которых обучалось 200 студентов, он превратился в настоящую кузницу национальных кадров: сейчас в его составе одиннадцать факультетов, четыре института, вычислительный центр, около четырнадцати тысяч студентов, а по масштабам научной работы Ибаданский университет — крупнейший в Нигерии. Он располагает богатыми архивами, прекрасной библиотекой. Инженеры, врачи, учителя, получившие его диплом, работают также во многих странах Африки. Особой известностью пользуется открытый в 1957 году университетский госпиталь на тысячу с лишним коек.

В истории Ибаданского университета, как в зеркале, отражается история развития образования в Нигерии.

«Процветание той или иной страны зависит не от обилия получаемых ею доходов, не от неприступности ее крепостей или красоты зданий, а от наличия в ней граждан с высоким культурным уровнем, людей образованных и воспитанных» — эта мысль известного нег-

ритянского лидера Мартина Лютера Кинга очень популярна среди нигерийских интеллигентов, которые видят в образовании залог не только благосостояния отдельных лиц, но и достижения таких важных общенациональных целей, как упрочение политического суверенитета и обеспечение экономической самостоятельности страны.

За годы независимости в Нигерии сложилась и функционирует достаточно развитая система образования. Дети, толпящиеся у дверей школ,— обычная картина в наши дни. А всего 25 лет назад из каждого десятка нигерийских детей школьного возраста учился только один.

Первые школы в стране появились в середине XIX века при христианских миссиях. Однако посещать эти школы могли только дети состоятельных родителей, а их основная задача заключалась в подготовке людей, на которых англичане могли бы опереться при осуществлении «косвенного управления» страной, а также в приобщении африканцев к христианству. Последнее обстоятельство оказалось серьезным препятствием на пути распространения миссионерских школ на мусульманском севере Нигерии, обусловило более быстрое развитие школьной сети на юге страны и привело к возникновению до сих пор не преодоленного разрыва в образовательном уровне между северянами и южанами.

В начале XX века школы стали создаваться муниципалитетами и сельскими общинами, открылся ряд светских учебных заведений (Кинг Джордж колледж, Куинз колледж и др.), но общее количество школ все еще было далеко не достаточным.

Важным событием для развития образования в Нигерии явилась созванная в 1943 году конференция традиционных вождей Западной провинции, на которой впервые зашла речь о введении обязательного начального образования. И хотя в ходе дискуссии выяснилось, что материальная база для немедленного решения этого вопроса тогда отсутствовала, сама его постановка послужила толчком к дальнейшим действиям. В январе 1955 года закон «О всеобщем бесплатном начальном образовании» вступил в силу¹ в этой части страны, так что жители штатов, территориально совпадающих с бывшей Западной Нигерией, скоро отметят его 35-летие.

В январе 1957 года аналогичные меры были приняты в Лагосе, а месяцем позже — и в Восточной Нигерии, где, однако, из-за неподготовленности местных властей и политической нестабильности их не удалось провести в жизнь. В 60-е годы, уже после получения независимости, Нигерия остро ощутила необходимость в подготовке национальных кадров, которые смогли бы заменить колониальных чиновников и иностранных специалистов во всех звеньях государственного аппарата и экономики. Эта проблема долго, тщательно, но в целом безрезультатно изучалась вплоть до 1977 года, когда правительство приняло весьма важный для будущего Нигерии документ — «Национальная политика в области образования». В нем было заявлено, что образование — «величайшая сила, которая с успехом может быть использована в деле национального развития», — отныне переходит под контроль государства.

В 1979 году был создан специальный комитет, который разработал и представил правительству план политики в области образования. В нем делался упор на дошкольное, начальное и среднее образование (а также на подготовку учителей), подъем которого на должный уровень позволил бы сократить неграмотность и создать базу для дальнейшего развития среднего специального и высшего образования.

Были предприняты усилия по увеличению численности педагогов для учебных заведений всех уровней. Учителей для начальных школ в Нигерии готовят в учительских школах, для средних школ и колледжей — в педагогических колледжах обычного или повышенного уровня, а также на педагогических факультетах и в педагогических институтах при университетах, учителей профессионально-технических предметов — в специальных педагогических колледжах и на педагогических отделениях политехникумов, технологических колледжей и университетов. В настоящее время в Нигерии более 350 учительских школ и педагогических колледжей. В них занимается более 300 тысяч человек.

С 1982 года в Нигерии введена новая схема подготовки школьников и студентов в начальных, средних школах, колледжах и университетах (6—3—3—4), изменившая прежнее соотношение лет обучения (6—5—2—4).

Как видим, курс средней школы был сокращен на целых два года, а специалисты со средним специаль-

ным образованием могут начинать трудовую деятельность на год раньше, чем прежде.

Еще раньше, в 1976 году, во всех начальных и средних школах страны было введено бесплатное обучение. Однако в правление Шагари за обучение в отдельных, большей частью престижных школах стала взиматься плата. Это нововведение вызвало повсеместную критику, и правительство вынуждено было от него отказаться.

Добившись определенных успехов в области школьного образования, правительство смогло уделить внимание высшим и средним специальным учебным заведениям. Вслед за Ибаданским университетом были созданы университеты в городах Нсукка, Зария, Ифе, Лагос и Бенин. В августе 1975 года правительство приняло декрет об учреждении еще семи университетов. А в настоящее время их в Нигерии уже тридцать. Они готовят основную массу специалистов высшей квалификации и одновременно являются научно-исследовательскими центрами. Финансируются университеты — в зависимости от подчинения — федеральным правительством или правительствами штатов. Само обучение для нигерийских студентов бесплатное, и, хотя им еще приходится платить за экзамены, учебники и общежитие (всего до 1250 найр в год), 60 процентов этих расходов покрывают, как правило, сами же университеты. Кроме того, значительная часть студентов получает государственные стипендии.

Социальный состав студенчества довольно пестр: дети фермеров, торговцев, ремесленников, служащих и интеллигенции. Конкурс в университеты большой — в среднем пять-шесть человек на место. До недавних пор конкурсные экзамены и набор студентов проводились Объединенным советом по зачислению в университеты. Однако сразу после учреждения этого органа общественность страны начала требовать его роспуска — ведь Объединенный совет был призван осуществлять контроль правительства за университетами, что подрывало их автономию. Под давлением общественности, а также вследствие массовых разоблачений взяточничества и коррупции среди членов Совета он в конце концов был распущен. Прием студентов был поручен непосредственно университетам.

В начале 80-х годов университетским образованием в Нигерии было охвачено 58 тысяч человек. В настоя-

щее время число студентов превышает 100 тысяч человек.

Система специального образования Нигерии включает широкий круг как средних, так и высших учебных заведений, нередко ведомственного подчинения — технических, медицинских, военных, административных и др. Наиболее многочисленны учебные заведения технического профиля, охватывающие около 60 тысяч человек. Ведущее место среди них занимают более 30 колледжей (самый крупный из них — технологический колледж в Ябе, пригороде Лагоса, где обучается примерно пять тысяч студентов).

Несколько лет назад федеральное правительство заключило с рядом стран соглашения об ускоренной подготовке (за два-три года) нигерийских технических специалистов среднего звена. Сейчас в рамках этих соглашений за рубежом обучаются шесть тысяч нигерийцев, что ежегодно обходится государству в 25 миллионов найр. Для сегодняшней Нигерии это немалые затраты, однако дело в том, что стране не хватает квалифицированных технических кадров. Еще в 70-х годах стали создаваться специальные технологические университеты и колледжи, такая же политика продолжалась и в начале 80-х годов. Она дала определенные результаты, но, хотя в настоящее время в стране 11 тысяч инженеров, их на стомиллионное население необходимо по крайней мере 25 тыс. Руководство страны связывает перспективы развития экономики с максимальным использованием достижений современной науки.

Важным шагом в этом направлении стало принятое в 1987 году министерством образования решение о создании шести новых технических колледжей. Два из них — в городах Кано и Асаба — уже открыли двери для студентов. Планируется также дополнительно основать восемь специализированных колледжей для подготовки преподавателей технических дисциплин в средних школах и вузах. Естественные науки станут неотъемлемой частью учебных курсов начальных школ. Тысяча экспериментальных школ, где апробируется новая программа, начали функционировать в 1988 году. Осваивается в них и компьютерное обучение. Учащиеся получают навыки работы с дисплейной техникой, знакомятся с основами программирования.

Право первыми войти в мир электронно-вычислительных машин было предоставлено ученицам старей-

шей в Нигерии женской школы Куинз колледж. И в этом есть свой смысл. До получения страной независимости подавляющее большинство учеников в немногочисленных школах составляли мальчики, да и те из состоятельных семей. Уделом девочек были домашнее хозяйство и работа на полях. После получения Нигерией независимости картина заметно меняется. В настоящее время половину из 16 миллионов детей составляют в начальных школах девочки. Правда, в средних школах положение иное. Во-первых, всего только один из трех нигерийских школьников продолжает пока образование после начальной школы. Во-вторых, девочек среди них по-прежнему немного. В последние годы федеральные власти, администрация штатов предпринимают различные меры, чтобы родители не забирали их из школ после завершения начального образования. Пропаганда женского среднего и специального образования призвана повысить интерес девочек, а также их родителей к современным специальностям, в частности связанным с работой на дисплеях. Поэтому, видимо, не случайно электронной техникой были оборудованы классы Куинз колледж, лучшей школы в стране. Выпускницы этого учебного заведения стали первыми в Нигерии женщинами-врачами, редакторами газет и журналов, они занимают важные посты в государственных учреждениях.

В рамках проводимой правительством Бабангиды реформы системы образования более пяти тысяч преподавателей проходят специальный курс переподготовки. Полученный опыт используется для совершенствования учебного процесса во всех учебных заведениях.

В библиотеке университетского городка меня ждала приятная неожиданность. После того как один из читателей, догадавшись, что я из Советского Союза, заговорил со мной по-русски, я узнал о существовании в Ибаданском университете кафедры русского языка и литературы. А некоторое время спустя мы уже беседовали с ее заведующим — профессором Шегуном Одунуго, кандидатом филологических наук, вице-президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, замечательным энтузиастом своего дела.

Оказалось, что с Ш. Одунуго мы заканчивали один и тот же факультет (правда, в разные годы) Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Поэтому

беседа с самого начала приобретает оживленный характер. Вспоминаем общих знакомых, преподавателей. Со многими из них Ш. Одунуго поддерживает постоянные контакты, переписывается.

— После окончания УДН,— говорит он,— я поступил в заочную аспирантуру МГУ. А вернувшись в Нигерию, поставил перед собой целью популяризацию русского языка. Конечно, начинать было нелегко. Многие сомневались в успехе. Сейчас все изменилось. У меня много сторонников и единомышленников. Немалую помощь получаем мы и от Института русского языка имени А. С. Пушкина. В соответствии с соглашением между нашим университетом и этим институтом здесь, в Ибадане, работают советские преподаватели. Это повышает качество обучения.

В январе 1981 года я в очередной раз приехал в Ибадан— специально для того, чтобы присутствовать на церемонии награждения Шегуна Одунуго медалью имени А. С. Пушкина. По поручению Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы эту высокую награду вручил нигерийскому ученому посол Советского Союза в Нигерии В. В. Снегирев. К перечню достижений города добавилось еще одно: ибаданец Ш. Одунуго— первый представитель Африканского континента, удостоенный медали имени великого русского поэта. Прощаясь с нами, он сказал, что русский язык очень перспективен в Нигерии благодаря расширяющемуся экономическому сотрудничеству между нашими странами, и особенно соглашению о строительстве в Аджаокуте огромного металлургического комплекса.

СТРОЙКА ВЕКА

В центральной части Нигерии, на правом берегу реки Нигер, находится город Аджаокута. Еще несколько веков назад его население не превышало тысячи человек, а внешне он почти не отличался от окрестных деревень. Впервые приехав в Аджаокуту в 1983 году, я не обнаружил на улицах старого города ни одного каменного дома. И тем не менее уже в то время на всех картах страны Аджаокута обозначалась как крупный город. Именно здесь при содействии Советского Союза сооружается крупнейший в Тропической Африке металлургический комбинат.

Советско-нигерийское сотрудничество имеет давнюю историю. После обретения Нигерией независимости в 1960 году Советский Союз одним из первых установил с ней дипломатические отношения. Во время выпавшего на долю нигерийского народа тяжелого испытания — войны против биафрских сепаратистов (1967—1970), когда находились под угрозой территориальная целостность и само существование молодой республики, советская дипломатическая поддержка и разнообразная помощь федеральному правительству способствовала успеху борьбы патриотических сил за сохранение единой Нигерии.

Именно в этот период были заложены основы многогранных отношений между нашей страной и Нигерией. Расширились связи в области культуры и искусства. Жители Лагоса и других городов не раз аплодировали советским театральным и концертным коллективам. На сцене крупнейшего в Африке Национального театра Нигерии выступали артисты балета Большого театра, горячо принятые местными зрителями, которые в массе своей впервые познакомились с классическим балетом. Стали регулярными товарищеские спортивные соревнования по футболу, теннису, боксу. Значительную роль в укреплении дружбы и взаимопонимания между народами двух стран сыграла Ассоциация нигерийско-советской дружбы, в деятельности которой участвуют десятки тысяч нигерийцев. Ее отделения имеются во многих штатах страны. Они устраивают книжные выставки, кинопросмотры, беседы о Советском Союзе, поездки активистов Ассоциации в нашу страну. При культурной секции советского посольства в Лагосе работают курсы русского языка, их ежегодно оканчивает свыше 100 человек.

За последнее десятилетие особенно укрепилось двустороннее техническое сотрудничество, ставшее немаловажным фактором прогресса нигерийской экономики, одной из форм поддержки борьбы нигерийцев против засилья иностранных монополий. Советский Союз с пониманием относится к стремлению Нигерии в короткий срок создать собственную индустрию, включающую современные отрасли — металлургию, нефтехимию и т. д.

Человека, не бывшего в Нигерии несколько лет, приятно удивит снижение интенсивности движения на крупных автомагистралях, ведущих из центра нефтепереработки — города Варри близ побережья Гвиней-

ского залива — в Бенин и другие промышленные центры юго-запада страны. До недавнего времени основным средством доставки нефтепродуктов были громадные бензовозы, буквально заполонившие дороги страны. Теперь на смену этим ревушим, дымным чудовищам приходит нефтепродуктопровод Варри — Бенин, являющийся частью системы трубопроводов общей протяженностью более 800 километров (Варри — Икороду — Илорин и вокруг Лагоса). В труднейших условиях изнуряющей жары и тропических ливней советские нефтяники и шоферы, укладчики и сварщики, инженерно-технические работники вместе с нигерийскими специалистами преодолели заросли и топи, форсировали более 300 больших и малых рек. В 80-е годы образцом советско-нигерийского сотрудничества стал завод в Аджаокуте.

«Стройка века!» — так сразу же оценила этот проект самая влиятельная нигерийская газета «Дейли таймс». Эпитет громкий, но оправданный: ведь до недавнего времени Нигерия удовлетворяла свои потребности в стали за счет импорта. По прогнозам нигерийских и зарубежных специалистов, к концу столетия страна будет нуждаться в шести миллионах тонн стали ежегодно. Вот почему государство считает делом первостепенной важности создание национальной металлургии. Для координации прилагаемых в этом направлении усилий было учреждено особое министерство развития металлургической промышленности.

План предусматривает создание пяти предприятий — в Аладже, Джосе, Качине, Ошогбо и Аджаокуте. Последнее из них — единственное, которое будет использовать только местное сырье. В свое время, отвечая на вопрос одного иностранного журналиста, почему нигерийское правительство отдало этот контракт Советскому Союзу, Мамман Али Макеле, министр стали в правительстве Шагари, сказал: «Конечно, русские предложили нам выгодные условия. В их металлургии применяются передовые и вместе с тем достаточно простые, доступные для Нигерии технологические методы. Но главное — русские не только первыми откликнулись на нашу просьбу о помощи в данной области, но и научно доказали наличие в стране необходимой сырьевой базы».

Дело в том, что на протяжении семи лет, начиная с 1960 года, когда нигерийцы впервые задумались о создании собственных металлургических предприятий, в стране побывало несколько групп экспертов из США,

Англии, ФРГ и Канады. Их выводы были неутешительными: необходимого сырья в Нигерии нет, а значит, следует ограничиться созданием прокатных станов для обработки привозного металла.

Но вот в самом начале 70-х годов вопрос изучили на месте советские специалисты. Их предварительные выводы были положительными. Позже советские геологи разведали ряд месторождений, в том числе в Итакпе, которое расположено всего в 60 километрах от Аджакуты. Только его запасы — 310 миллионов тонн руды с 36-процентным содержанием железа — обеспечат завод на 25—30 лет. Были найдены также залежи угля и других видов сырья, нужных для производства стали. «Стройка века» стала реальностью.

Соглашение об участии СССР в сооружении завода в Аджакуте было подписано в июне 1976 года. В сентябре 1977 года технический проект был передан нигерийской стороне, которая утвердила его в июне 1978 года. А 18 июня 1981 года был торжественно заложен первый камень в фундаменте, и работы развернулись. Аджакута превратилась в гигантскую, на 30 квадратных километров, строительную площадку. Рядом со «старым городом» поднялись многократно превосходящие его кварталы с русскими и украинскими названиями — Черемушки, Подол и др., где живут советские специалисты. Одновременно начали возводиться все основные объекты. А давно ли вокруг расстилалась унылая пустошь, поросшая кустарником?..

Новому человеку на стройке нелегко сориентироваться, понять, что к чему. Увидев мое замешательство во время первого приезда, советский генеральный директор Иван Иванович Хохлов посоветовал начать осмотр со стана «320», куда он направлялся и сам. Невдалеке от корпуса, где размещен стан, мне бросился в глаза плакат с крупной надписью на английском и русском языках: «До пуска стана осталось 28 дней». Каждый день эта цифра менялась.

Итак, Аджакута сегодня — это огромная стройплощадка, раскинувшаяся у подножия зеленых холмов, спускающихся к полноводному Нигеру. На его правом берегу прокатные и доменные цехи, корпуса мастерских, ТЭЦ, десятки других объектов. Уже выпускают продукцию мелкосортный и проволочный станы «320» и «150». Нигерийская промышленность стала получать арматурный прут, уголки, полосовую сталь, тавровые

балки и швеллера. В апреле 1988 года эта продукция выиграла первую международную премию — приз мадридского «Интернэшнл трейд лидерс клуб». Ее качество отвечает самым высоким международным стандартам, считают авторитетные испанские эксперты. Пущенные в эксплуатацию цеха работают прибыльно. Это позволило уже в первый год сэкономить более 10 миллионов долларов. В 1988 году первая продукция Аджаокуты пошла на экспорт.

Начала давать ток собственная теплоэлектростанция. Вырабатываемой ею электроэнергии хватает не только на нужды этого металлургического предприятия, часть ее идет и в национальное энергетическое кольцо Нигерии. Горячие испытания прошли на мощном стане «900/630», полным ходом идет строительство других цехов и объектов.

С завершением первой очереди предприятие будет давать 1 миллион 300 тысяч тонн стали. Сооружение столь крупного комплекса изменило облик всего района: совершенствуется инфраструктура, углублено русло реки Нигер, что необходимо для доставки тяжелого оборудования, проложены новые шоссейные дороги.

При строительстве комбината, с помощью которого Нигерия рассчитывает сделать решительный шаг в эру самостоятельного современного технического развития и уменьшения внешней зависимости, руководству страны пришлось преодолеть и определенные трудности. Немало усилий понадобилось для того, чтобы переубедить Международный банк реконструкции и развития, который пытался навязать нигерийской стороне рекомендации о замораживании строительства. Нигерийцам говорили, что им не нужно столько стали, сколько способно производить предприятие в Аджаокуте. Однако страну, на собственном опыте познавшую, к какой кризисной экономической ситуации может привести зависимость ключевых отраслей народного хозяйства от импорта и монокультурной ориентации на производство нефти, уже трудно было свернуть с избранного пути.

Одно из центральных мест в реализации плана создания металлургической промышленности Нигерии занимает вопрос подготовки кадров. Задачи стоят непростые. Только для первой очереди Аджаокуты необходимо десять тысяч рабочих почти 30 специальностей. После пуска завода и завершения испытательного периода предприятие будут полностью обслуживать нигерийцы.

Поэтому с самого начала переговоров о строительстве завода Советский Союз предложил Нигерии свою помощь в подготовке кадров. Еще пустынно было в Аджаокуте, когда была составлена программа, предусматривающая стажировку 1,5 тысячи нигерийских специалистов на металлургических предприятиях СССР, дополнительный прием студентов из Нигерии в советские вузы соответствующего профиля, а также открытие в Аджаокуте учебного центра и учебного комплекса, способного готовить за год до двух тысяч человек по 27 специальностям.

Настоящей кузницей кадров стала и сама стройка. На стройплощадках и уже введенных в эксплуатацию объектах у советских инженеров и специалистов переживают опыт пять тысяч нигерийцев. В один из приездов я целый день провел на строительстве доменной печи завода. В ее сооружении участвует бригада Василия Юрьевича Сосюры, который до этого работал в Индии, на строительстве металлургического комбината в Бокаро. Более половины членов бригады составляют нигерийцы.

— Абу Шеху пришел из ближайшей деревни полтора года назад,— указывает бригадир на молодого человека, налаживающего сварочный аппарат.— У парня не было никакой подготовки, никакого опыта. Наши ребята обучили его нескольким строительным специальностям, а сейчас он успешно осваивает профессию сварщика.

На подхвате у Шеху совсем юный Мухаммед, уроженец соседнего штата Бенуэ. Его стаж на стройке— всего неделя.

— Лиха беда начало,— улыбается Сосюра.— Скоро и он сможет работать самостоятельно. В Бокаро каждый из советских специалистов помог приобрести квалификацию нескольким индийцам, к этому же мы стремимся и здесь.

Прибывают на стройку и рабочие с других предприятий. Некоторым из них довелось трудиться вместе с советскими людьми. Накануне последнего отъезда из Аджаокуты я обратил внимание на нигерийца, свободно изъяснявшегося по-русски, и вначале принял его за одного из тех, кто учился или проходил стажировку в нашей стране. Выяснилось, однако, что Айко— так звали моего собеседника— не был в Советском Союзе.

— Впервые я познакомился с русскими, когда по-

ступил в совместную нигерийско-советскую компанию по продаже автомобилей ВААТЕКО,— рассказал Айко.— Затем три года работал на строительстве нефтепродуктопровода, который прокладывался при советском содействии. Почти десять лет провел я с советскими людьми, которые обучили меня не одной специальности, постоянно помогали в трудные минуты. Теперь я твердо решил работать только на «советских стройках». Думаю, их в Нигерии будет еще немало. Так что до встречи на следующем объекте советско-нигерийской дружбы.

НЕФТЯНОЕ БОГАТСТВО — ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ?

График добычи нефти в конторе нефтяной компании в городе Варри как бы подчеркивал драматизм положения, в котором Нигерия находится уже несколько лет. В 1981—1982 годах кривая добычи дважды ныряла вниз до самого низкого уровня за весь период нефтяного бума, начавшегося в 70-х годах. Каждый раз она начинала медленно подниматься вверх, но так и не достигла уровня 1980 года, когда Нигерия ненадолго оказалась третьей по производству нефти страной в ОПЕК.

Подобные графики мне приходилось видеть и ранее, однако в Варри, центре нефтеносного района, они действительно воспринимались по-особому. Город расположен в болотистой дельте реки Нигер, в штате Бендел, на который приходится треть всей нефтедобычи страны. Здесь все напоминает о нефти. Местный порт — один из крупнейших в Нигерии по ее вывозу. От Варри отходят нефтепроводы в Порт-Харкорт, Лагос и Калуну. Здесь же находятся один из трех нефтеперерабатывающих заводов страны и единственный в Нигерии научно-исследовательский Институт нефти.

Первый раз в Варри меня привело желание встретиться с Фрэнком Геникабо. Пять лет мы вместе занимались в Москве в одной учебной группе Университета дружбы народов и успели подружиться. Приехав в Нигерию, я сразу же начал искать этой встречи. Через работающих в Лагосе выпускников советских вузов узнал место работы Фрэнка. Им оказался Институт нефти в Варри.

По времени наша первая встреча совпала с падением спроса на нефть на мировом рынке и резким снижением ее производства в Нигерии. Последствия этого затронули все слои нигерийского общества. Но больше всего, пожалуй, вызванные этим событием проблемы представляли себе специалисты, в том числе и сотрудники института, где работал Фрэнк Геникабо. Несмотря на то что мы давно не виделись и у нас было о чем поговорить, беседы наши вольно или невольно постоянно касались этих проблем. И это не случайно. Ведь нефть играет сейчас в жизни Нигерии и нигерийцев, пожалуй, основную роль. Колоссальный рост государственных доходов — и дефицит федерального бюджета, динамичное экономическое развитие — и небывалая инфляция, ломка архаичных общественных отношений, национальная интеграция — и увеличение региональных диспропорций. Вот далеко не полный перечень противоречивых последствий как нефтяного бума, так и резкого сокращения производства нефти.

Экономическое и политическое положение Нигерии на мировой арене, в первую очередь в Африке, ее авторитет в международных делах во многом определяется также нефтью.

Естественно, что встречи с Фрэнком вызвали у меня дополнительный интерес к данной проблеме, стремление глубже разобраться в ней.

В настоящее время научно подтвержденные запасы нефти в Нигерии составляют 17—20 миллиардов баррелей. По этому показателю страна удерживает второе место в Африке (после Ливии), седьмое в ОПЕК и одиннадцатое в мире. При этом некоторые специалисты считают, и, видимо, не без оснований, что в стране имеются и пока еще не обнаруженные месторождения. Немаловажно также то, что нигерийская нефть относится к самым высококачественным, а следовательно, и к самым дорогостоящим сортам. С 1979 по 1982 год баррель нигерийской нефти стоил на 2—5 долларов дороже по сравнению с базовой ценой ОПЕК. Месторождения нефти в Нигерии расположены в относительно легкодоступных для добычи зонах с благоприятными климатическими условиями. Кроме того, сама Нигерия находится гораздо ближе к основным потребителям нефти — США и Западной Европе, чем, например, страны Ближнего Востока.

О наличии нефти в дельте Нигера стало известно

еще в 1908 году. Однако, получив этот район в концессию в 1927 году, компания «Шелл—БП» фактически не вела разработок, стремясь поддержать высокие цены на мировом рынке. Своими концессионными правами она поспешила воспользоваться лишь накануне провозглашения независимости Нигерии. Интенсивные поиски привели в конце 1958 года к обнаружению нефти в 12 прибрежных районах, в двух из них — Афами и Олойбри — началась ее промышленная добыча.

Привлеченные высоким качеством нигерийской нефти и сравнительно небольшими производственными издержками, к 1964 году вслед за «Шелл—БП» в Нигерии обосновались 16 иностранных нефтяных компаний, преимущественно английских и американских. Добыча стремительно росла: в 1963 году — 3,7 миллиона тонн, в 1966 году — 20 миллионов, в 1974 году — около 115 миллионов тонн. С 1977 по 1980 год добыча составляла в среднем 2,1 миллиона баррелей в день. В 1980 году по уровню добычи нефти страна прочно занимала первое место в Африке, четвертое в ОПЕК и седьмое в мире.

На первоначальном этапе нефтяная отрасль полностью находилась в руках иностранных компаний. Долгое время их вклад в экономическое развитие Нигерии ограничивался выплатой ее правительству налогов, сумма которых, определявшаяся законом 1959 года, была явно несоизмерима с прибылями компаний.

В отличие от правительства А. Т. Балева, которое даже не пыталось пересмотреть эти условия, навязанные еще при колониализме, военный режим принял активные меры для увеличения нигерийской доли доходов. Суммы, взимаемые с иностранных нефтяных компаний, включают арендную плату за разработку месторождений и подоходный налог с прибыли. Их отчисление производится на основе справочной цены на нефть (условной цены ее реализации на мировом рынке). В 1971 году федеральное правительство повысило справочную цену до уровня, установленного ОПЕК (3,21 доллара за баррель). В результате нескольких последующих повышений в 1973—1974 годах она была увеличена еще более чем в четыре раза (до 14,69 доллара за баррель). Кроме того, в 1971 году с 50 до 55 процентов были увеличены отчисления от прибыли нефтяных компаний. В том же году была учреждена Нигерийская национальная нефтяная компания (НННК), которой были

переданы все нефтеносные участки, еще не сданные в концессию. Доля ее акций в иностранных нефтедобывающих компаниях возросла с 35 процентов в 1971 году до 60 процентов в 1980 году.

Увеличение доходов Нигерии от нефти и укрепление ее позиций как мирового поставщика этого сырья оказали огромное влияние на структуру хозяйства страны. Если в 1958 году на нефть приходилось менее 10 процентов валового внутреннего продукта и около девяти процентов экспорта, то к 1980 году эти показатели достигли соответственно 30 и 90 процентов. Доходы федерального правительства с 1966 по 1975 год увеличились в 30 раз (!).

В результате нефтяного бума нефтяная промышленность стала играть доминирующую роль в экономике Нигерии. Благодаря нефти стране удалось преодолеть разрушительные последствия междуусобной войны конца 60-х годов. Нефть позволила устранить одно из главных препятствий на пути экономического развития страны — недостаточность и нестабильность доходов. Правда, ненадолго.

Нефтяная промышленность оставалась своеобразным анклавом в экономике страны. Ее влияние сказывалось лишь опосредованно, через финансы и платежный баланс. Как свидетельствует опыт последних лет, нефтяное богатство не избавило экономику Нигерии от трудностей и даже кризисов. Быстрый подъем в нефтяном секторе привел, в частности, к тому, что экономика Нигерии, как признают многие специалисты, «росла, но не развивалась», породив застой в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, усилив социальное неравенство в стране. Нефтяной бум вызвал искусственную деформацию национальной экономики.

С 1964 по 1980 год традиционный экспорт сократился примерно на 60 процентов. Государственные расходы за этот же период подскочили, достигнув в 1980 году астрономической суммы в 18,7 миллиарда долларов, что в полтора раза больше ВВП 1964 года.

Радужные цифры нефтяных богатств, быстрых темпов роста доходов могут создать впечатление о высоком уровне жизни нигерийского народа. Немалое число нигерийцев действительно может соперничать с богатыми представителями арабских нефтедобывающих стран в приобретении недвижимости в таких, например, местах, как Лондон. И это богатство им

Лагос — морские ворота Нигерии

Современные многоэтажные здания, многокилометровые транспортные эстакады — приметы Лагоса как одного из самых крупных и развитых городов Африки

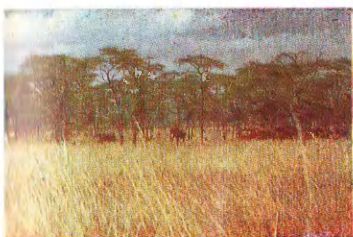
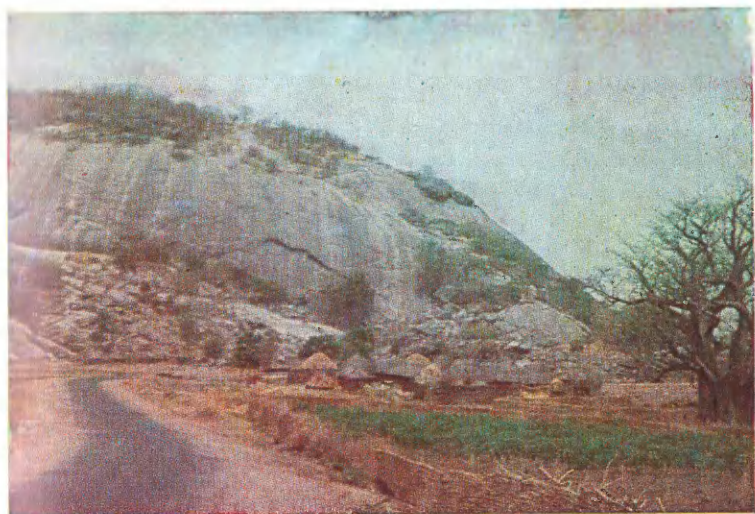
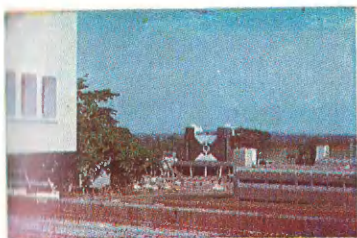
Лов рыбы на атлантическом побережье

Гостиница «Эко» — одна из многих, построенных в Лагосе за последние годы

Универсальный магазин «Бойснес» на набережной

Современные дороги — гордость Нигерии.
Их построили на нефтяные доллары

Университет в городе Ифе знаменит своей архитектурой
в стиле «модерн»

На плато Центральной Нигерии

Национальный парк Янкари в центре страны знакомит туристов
с флорой и фауной Африки

После уборки урожая

Белые одежды хорошо защищают от горячего африканского солнца

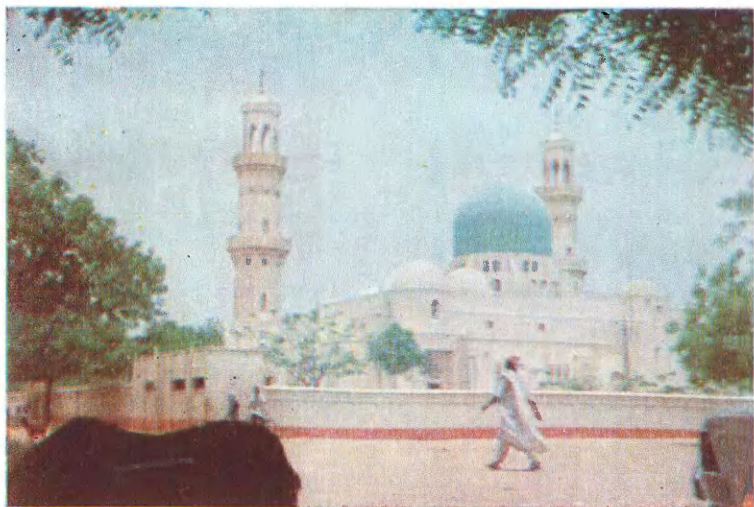
В жаркий полдень покупателей мало

Торговца дровами можно встретить и в Сахаре —
ночи здесь бывают холодные

Базар — самое яркое зрелище в любом уголке Африки

Сами строим дом

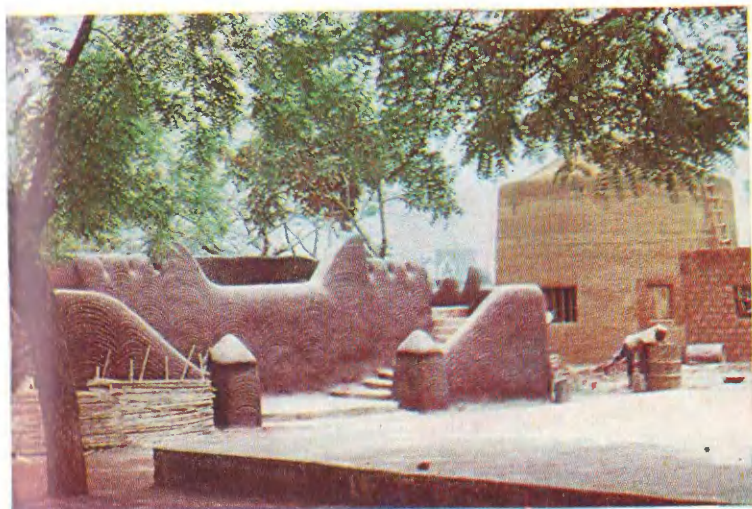
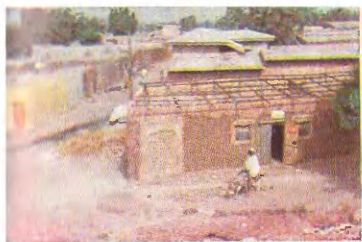

Национальный музей в городе Кафо

Главная городская мечеть в Кафо

Городские ворота Зарии

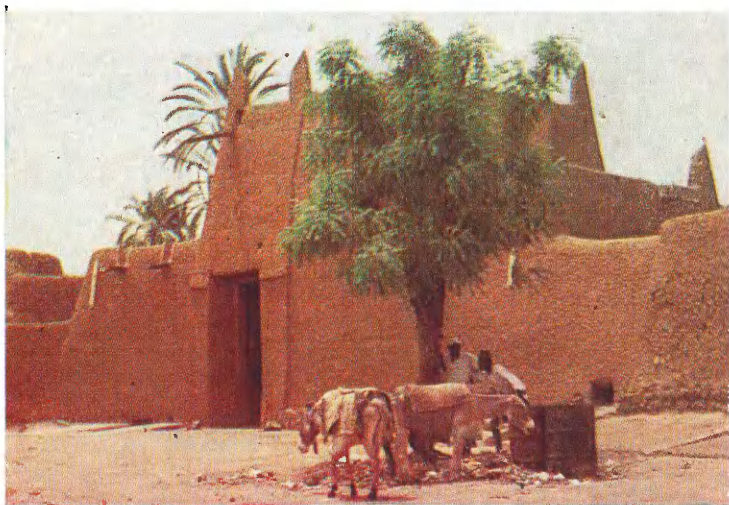

Ослик — все еще основной способ передвижения
в деревнях Северной Нигерии

Древний театр во дворце эмира города Кано

Глинобитные постройки надежно защищают от жары

На центральной площади города Зария
Хаусанские города Северной Нигерии сохранили
древние крепостные стены

принесла нефть, несмотря на то что нефтяной сектор сугубо государственная, а не частная прерогатива. Получаемые правительством доходы от нефти попадают к частным предпринимателям посредством различного рода контрактов, причем не только на проекты, связанные с производством изделий большой технической сложности, но также на предметы роскоши и на снабжение правительственных учреждений, например, писчей бумагой, мылом или даже чаем. Особенно много таких контрактов заключалось в период «второй республики». Такое расходование доходов от нефти играло главную роль в появлении прослойки миллионеров, насчитывающей сейчас, как полагают и в самой Нигерии, уже более двух тысяч человек. Многие из них являются бывшими государственными служащими, которые затем ушли в отставку и стали директорами компаний или маклерами. Однако людей, чей уровень жизни почти не изменился за последние 15 лет, гораздо больше. В городе это рабочие, мелкие предприниматели, торговцы, а в сельских районах чуть ли не 80 процентов населения, едва зарабатывающих средства к существованию в своих полунатуральных хозяйствах. Они шумно выражают недовольство быстрым обогащением миллионеров. Обездоленных граждан и правда так много, что нигерийские обозреватели говорят о превращении нефтяного бума в нефтяную катастрофу.

О том, что нефтяное богатство не ведет к адекватному росту благосостояния населения, а значит, не всегда и не полностью используется так, как нужно, в Нигерии заговорили еще в первые годы нефтяного бума. Уже тогда начали раздаваться призывы к диверсификации экономики страны. Настоящая борьба велась вокруг того, кто должен распоряжаться выручаемыми за нефть средствами. Должны ли нефтедоллары поступать преимущественно к федеральному правительству или же к правительствам штатов? Должен ли декеж средств производиться по принципу численности населения каждого штата? Должны ли учитываться социальные потребности штатов и доли доходов, поступающих с их территории в общую казну? Эти вопросы приходилось заново решать каждому нигерийскому правительству. Неспособность уравнивать конфликтующие интересы привела к падению некоторых из них и явилась одной из причин междоусобной войны.

Особенно острая борьба по этим вопросам разверну-

лась в период правления Ш. Шагари. Было даже задержано принятие бюджета на 1982 год. Он был утвержден лишь после принятия закона о распределении доходов между федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти в соотношении 55:35:10. Из 35 процентов, выделяемых штатам, 30,5 процента предназначаются непосредственно правительствам штатов и распределяются в зависимости от численности населения, количества учащихся в начальных школах, а также соотношения между доходами, обеспечиваемыми в самом штате, и доходами из федеральных источников. Однако даже эта, казалось бы, все учитывающая формула устраивала далеко не всех, и споры продолжались. Они уводили правительство в сторону от выработки перспективной нефтяной политики. А то, что такая политика была крайне необходима, показало последующее развитие событий. Ведь сегодняшние экономические трудности страны во многом явились результатом падения спроса на нефть на мировом рынке.

На проводившемся НННК семинаре о проблемах использования природного газа мое внимание привлекло выступление одного из его участников. Оно отличалось особой резкостью и категоричностью суждений. Смысл выступления сводился к тому, что правительство должно полностью запретить иностранным компаниям добычу нефти в стране до тех пор, пока они не прекратят впустую сжигать природный газ. Председательствующий на семинаре объявил до этого, что выступает Артур Нуанко. Вначале я был далек от мысли, что оратор, обсуждающий проблемы нефтедобычи, и автор известных в Нигерии и за ее пределами историко-политических книг «Становление нации», «Вызов Биафры» и «Сможет ли Нигерия выжить?»—одно и то же лицо. Однако оказалось именно так. Более того, в числе распространявшихся на семинаре материалов была новая книга Артура Нуанко «Нефть. А что будет после?».

По окончании заседания вокруг А. Нуанко собралась толпа. Отвечая на вопросы, он, пожалуй, даже еще резче, чем делал это с трибуны, обвинял нефтяные монополии в заговоре против Нигерии. Его высказывания и выводы вызвали немало споров. Мне же они показались явно левацко-экстремистскими, и я заметил, что в самом деле можно обвинять западные страны и в од-

посторонней ориентации экономики Нигерии, и в разбавлении ее нефтяного богатства, и во многих других ее трудностях. Однако говорить о том, что они же являются виновниками падения производства нефти и снижения цен на нее, несправедливо, и, самое главное, такая постановка вопроса будет уводить Нигерию и ее правительство от поиска действительных причин кризиса и мешать его решению. То, что я представился прежде, чем сделал свое замечание, видимо, спасло меня от обвинений в принадлежности к «представителям империализма», а А. Нуанко даже поставило в тупик. Однако ненадолго. Ответить он начал так:

— Да, пресса большинства стран утверждает, что затоваривание мирового рынка в 1981—1982 годах возникло главным образом в результате существенного сокращения спроса на нефть из-за общего экономического спада в мире, принятия развитыми странами мер по экономии энергии и некоторых успехов в использовании альтернативных источников энергии. Такое объяснение сводит причины кризиса либо к действиям стихийных сил, господствующих в мировой экономике и определяющих общий мировой спад или подъем, либо к действиям нефтеимпортирующих стран, защищающих собственные интересы. Однако простая арифметика вызывает сомнение в истинности этих доводов.

Далее А. Нуанко сказал:

— В большинстве стран мира в течение 1980—1982 годов снижение экономической активности не превышало одного-трех процентов. Меры по экономии энергии привели к сокращению потребления нефти лишь на 7,5 процента в год. Таким образом, общее снижение мирового спроса в 1981 году не должно было превышать 10 процентов. Однако ирано-иракский конфликт привел к сокращению поставок нефти на рынок также примерно на 10 процентов. Следовательно, перепроизводства нефти не должно было быть.

Неверно и утверждение, что нефтяным компаниям якобы было невыгодно снижение цен и оно произошло независимо от них.

В начале 70-х годов крупнейшие нефтяные компании контролировали более 60 процентов нефтеперерабатывающей промышленности ОПЕК. Вот почему тогда они были заинтересованы в том, чтобы ОПЕК поднимала цены на нефть. Последствия энергетического кризиса 1973—1975 годов для основных нефтяных компа-

ний США хорошо известны: их доходы возросли в несколько раз.

Проходивший в странах ОПЕК в 70-е годы процесс национализации или выкупа собственности нефтяных компаний в корне изменил ситуацию, приоритеты интересов и, следовательно, стратегию монополий. Теперь крупнейшие компании контролируют не более 7—10 процентов добычи нефти ОПЕК, и доходы от нее перестали быть главным источником их прибылей. Теперь более выгодным стал курс на сдерживание и даже некоторое понижение цен на сырую нефть при одновременном повышении цен на транспортировку и переработку нефти из стран ОПЕК — ведь международный нефтяной картель контролирует до 40 процентов мировой торговли сырой нефтью и более половины предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. В этом и заключается главное экономическое объяснение того, почему нефтяные корпорации, прежде всего американские, изменили свое отношение к росту цен на нефть и начиная с 1981 года осуществляли, действуя через Саудовскую Аравию, политику на их снижение.

А. Нуанко рассказал о книге «Нигерийское нефтяное богатство: несостоявшееся ожидание», написанной группой молодых советников при правительстве штата Кану. Она была издана в разгар вторых всеобщих выборов в период «второй республики». Исходя из того что правительство штата Кану наиболее критически относилось к режиму Шагари, можно было предположить, что основная вина за экономический кризис будет возложена на федеральное правительство и правящую партию. Однако авторы оказались выше партийных пристрастий. Несмотря на спорность отдельных суждений, они дали в целом верный ответ на волновавшие в то время многих вопросы: почему именно Нигерия оказалась самым слабым звеном ОПЕК, почему именно ее экономике был нанесен наибольший ущерб в результате сокращения производства нефти и понижения цен на нее?

В начале 80-х годов, отмечается в книге, Нигерия испытала на себе эффект использования таких средств, как сбивание мировых цен на нефть, создание трудностей с ее сбытом, переманивание традиционных покупателей, отказ от ранее согласованных закупок нефти. Кроме того, против Нигерии использовались разнооб-

разные средства экономического давления и политического шантажа.

В 1981 году в стране добывалось всего 1,1 миллиона баррелей нефти в день, доходы от ее реализации составили лишь 10 миллиардов найр. В 1982 году средний уровень добычи оказался равным 1 миллиону баррелей в день вместо предусмотренных 2,24 миллиона баррелей, а стоимость экспорта нигерийской нефти равнялась 7 миллиардам найр, значительно отставая от запланированных 15,85 миллиарда найр. В 1985 году доход от продажи нефти сократился по сравнению с 1980 годом почти вдвое и составил 12 миллиардов долларов.

Все это лишило Нигерию надежд на ускоренное экономическое развитие, сделало невозможным выполнение и без того явно завышенного четвертого пятилетнего плана, круто изменило саму ориентацию экономической политики, предусматривавшую ранее укрепление экономической независимости страны с помощью нигеризации и развития госсектора.

При очередной встрече с Артуром Нуанко я обратился к нему с вопросом о перспективах нефтяного сектора в будущем.

— Мы должны и далее развивать этот сектор,— сказал А. Нуанко,— но не односторонне, а как составную часть всего производственного комплекса страны. Некоторое время задача будет заключаться в том, чтобы, сохранив или даже увеличив доходы от экспорта нефти, по-настоящему эффективно использовать их для создания диверсифицированной экономики.

Следует указать, что в условиях падения спроса на нефть, когда в стране использовалось всего 50 процентов промыслов, нефтяные компании не проявили особого энтузиазма в отношении дорогостоящих программ освоения новых месторождений. Пострадали, в частности, планы правительства начать разведку нефти в новых районах. Разведка таких районов в бассейнах рек Анамбра, Бенуэ и Сокото, а также в бассейне озера Чад необходима для того, чтобы получить реалистическую оценку общих запасов нефти в стране. Однако в 1982—1987 годах в стране действовало всего 10 бурильных установок вместо 30 в конце 70-х — начале 80-х годов. И все они располагались в традиционных районах нефтедобычи. С учетом естественного истощения действующих скважин и благоприятных перспектив положения на мировом рынке нефти в конце

80-х — начале 90-х годов актуальность разработки новых месторождений очевидна.

Не менее важное внимание должно уделяться развитию нефтеперерабатывающей промышленности. Действующие в настоящее время заводы в Порт-Харкорте, Варри и Кадуне обладают достаточными производственными мощностями (примерно 250 тысяч баррелей в сутки), чтобы удовлетворить спрос на нефтепродукты в стране. Однако он продолжает расти примерно на 15 процентов в год, и для удовлетворения внутренних потребностей в начале 90-х годов понадобится или расширение мощностей действующих предприятий, или строительство новых. Один из проектов предусматривает, в частности, строительство завода мощностью 150 тысяч баррелей в день в Алеса-Елеме, рядом с Порт-Харкортom.

Трансформация Нигерии, поставщика нефти на мировой рынок, в производителя продуктов нефтепереработки и нефтехимии будет способствовать активному росту нефтяного сектора в экономику страны, налаживанию его связей с другими отраслями.

Последующие действия правительства в развитии этой отрасли, в равной степени как и первые положительные результаты, подтверждают правоту А. Нуанко.

Новая энергетическая политика Нигерии ориентирована не только на нефть, но и на газ, по запасам которого страна занимает третье место в мире.

Четвертый национальный план развития предусматривал строительство крупного завода по сжижению природного газа на экспорт. Этот завод должен был принадлежать на 60 процентов правительству, а на 40 процентов — консорциуму нескольких нефтяных компаний. Завод предполагалось построить в Бонни, и он был рассчитан в конечном счете на производство 16,5 тысячи кубических метров сжиженного газа в год. Однако затраты на его строительство в сочетании со строительством трубопроводов и хранилищ отпугнули нефтяные компании. В настоящее время очень мало шансов на то, что этот проект может быть выполнен в первоначальных масштабах. В равной степени маловероятен и активно обсуждавшийся в начале 80-х годов проект строительства газопровода через Сахару, затем под Средиземным морем в Европу. Для его выполнения потребовалось бы как минимум пять лет, а стоимость (даже без учета прокладки труб через Средиземное мо-

ре) была бы сопоставима с планировавшейся стоимостью завода по производству сжиженного газа — свыше 10 миллиардов долларов.

Все больше сторонников приобретает третий вариант увеличения потребления газа в самой Нигерии с целью расширения производства и экспорта конкурентоспособных промышленных товаров. Количество газа, потребляемого промышленностью, должно будет возрасти после строительства газопровода из дельты Нигера в районы восточного побережья страны. Стоимость потребления газа при таком варианте была бы значительно ниже, чем экспорт его в сжиженном виде или по газопроводу, к тому же это привело бы к созданию новых рабочих мест. В настоящее время металлургический завод в Аладже использует газ, добываемый в западной части дельты Нигера. Готовятся проекты использования газа в качестве топлива на электростанции под Лагосом, а также в самом городе. Запланировано, что и в новую федеральную столицу Абуджу тоже будет подаваться газ. Благодаря этому НННК смогла бы в будущем использовать весь попутный газ, добываемый в западной части дельты Нигера. Что касается месторождений в восточной части дельты, то имеются планы использования газа в качестве сырья при производстве нефтехимикатов и удобрений.

В настоящее время Нигерия производит примерно 40 тысяч тонн сжиженного газа в год на собственных нефтеперерабатывающих заводах, и он используется в основном внутри страны, хотя некоторая его доля экспортируется.

Разрабатываются также проекты налаживания производства нефтехимикатов. Наиболее реальным является строительство на нефтеперерабатывающем заводе в Варри установки по алкилированию мощностью 3 тысячи баррелей в сутки и там же — завода по производству газовой сажи производительностью 25 тысяч тонн в год. На нефтеперерабатывающем заводе в Кадуне предполагается построить завод синтетических моющих средств мощностью 30 тысяч тонн в год.

Все эти меры могут способствовать стабилизации экономического развития Нигерии, даже если не произойдет увеличения доходов от нефти. Нефтяной сектор будет длительное время стимулировать это развитие, но уже не только как источник дохода, но и как элемент многоотраслевой экономики.

Усиленный громкоговорителями призыв «Аондо а вер тор!», что в переводе с языка тив означает «Да благословит бог вождя!», лишь на миг прервал гул толпы, которая тут же отозвалась его многократным повторением. Так жители небольшого городка Гбоко на юго-востоке Нигерии приветствовали появление на церемонии открытия новой средней школы Акперана Орши, в прошлом учителя и юриста, а теперь вождя всех тив. Да, именно вождя, так еще и сейчас устроена Нигерия. В небе летают реактивные самолеты, по дорогам мчатся автомашины самых последних марок, в домах надрываются транзисторы, светятся экраны цветных телевизоров. И тут же рядом живет старина.

Институт традиционных правителей Севера, представленный султаном и более чем 40 эмирами, непосредственно связан с исламом, который исповедует большинство населения этого района. Проникновение ислама в Северную Нигерию началось еще в XI веке. Однако процесс исламизации затронул лишь господствующую верхушку и часть городского населения. Полностью Север был исламизирован лишь после завоевания территории хауса кочевниками фульбе в начале XIX века. Оно проходило под знаменем джихада — священной войны против неверных. Во главе движения стоял Осман дан Фодио, генеалогию которого ухитряются возвести к самому пророку Мухаммеду. Фульбе образовали султанат Сокото, представлявший собой конфедерацию эмиратов, которые находились в вассальной зависимости от султана. Он носил титул «саркин мусульми», что в переводе с хауса означает «повелитель правоверных». В настоящее время восемнадцатый султан Сокото Ибрагим Дасуки является главой мусульман Нигерии. Он назначает эмиров, следит за чистотой веры. Правда, само понятие «чистота веры» здесь относительное. Хотя Север и считается в целом исламизированным (христиане здесь составляют всего несколько процентов), однако значительную часть его населения (по некоторым данным, до 30 процентов) лишь условно можно назвать мусульманами. В основном это жители сельских районов, которые совмещают ислам с древними анимистическими верованиями своих предков.

С середины 70-х годов и особенно после победы «исламской революции» в Иране на Севере Нигерии про-

исходят процессы, во многом схожие с так называемым исламским бумом в других странах Востока. Возрастает число участников религиозных праздников, паломников к святым местам. В общественной жизни начинают проявлять активность организации, ратующие за возврат к «первоначальному исламу». Обостряются отношения между традиционной религиозной верхушкой и фундаменталистами, требующими жесткого соблюдения заповедей Мухаммеда и проведения в стране изменений по иранскому образцу. Проповедники «возрожденного ислама» обрушиваются на членов правящей мусульманской элиты с обвинениями в плохом знании Корана. Характерно, что ряды фундаменталистов пополняются не только за счет отсталой и безграмотной массы, но и из числа образованных молодых людей. Почему это происходит? Почему в «революционном исламе» видят альтернативу капиталистической и социалистической ориентации? Причин здесь много, они разнообразны. Наиболее важной и в то же время типичной не только для Нигерии причиной является общее ухудшение экономического положения населения, рост его концентрации в крупных городах в результате массового ухода крестьян (в основном молодежи) из деревни во время нефтяного бума 70-х годов. Значительная часть мигрантов — грамотные молодые люди (следствие достаточно демократичной системы образования). Отсутствие возможностей к реализации полученных знаний, недовольство политическими, экономическими и культурными условиями жизни превращает их в благоприятный материал для социальных взрывов.

В отличие от Севера на Западе институт вождей имеет чисто местное происхождение. Традиционные короли йоруба — это потомки правителей городов-государств и других государственных образований, существовавших в Западной Нигерии до прихода колонизаторов. Устная традиция йоруба считает родоначальником всех йоруба Одудуву, впоследствии обожествленного и признанного «богом всей земли». Согласно одному из мифов, когда земли еще не было, а была только вода, верховный бог Олорун послал Одудуву с неба в лодке, вручив пятипалого цыпленка и мешок песка. Цыпленок разгреб песок, который Одудува высыпал в воду. Так появилась первая суша. По другому мифу, землю создал брат Одудувы — Ориша Нла. Но работу он не закончил, ибо вскоре, утолив жажду вином, заснул. Тогда

Одорун послал Одудуву завершить работу, и тот стал после этого первым правителем йоруба. Один из его потомков принял титул алафин (хозяин дома), ставший затем титулом короля всех йоруба. Трон алафина находился в городе Ойо. Религиозная же власть была в руках священного правителя о́ни, резиденция которого находилась в Иле-Ифе. До прихода колонизаторов такое разделение полномочий не вызывало противоречий между они и алафином. Однако англичане, активно проводившие здесь политику «разделяй и властвуй», передавали верховную власть в зависимости от степени лояльности того или иного правителя. Только в 1931 году был принят закон, по которому главным признавался они, алафину же отводилось лишь третье (после обы Бенина) место.

Англичане не случайно уделяли столько внимания традиционным вождям. Ведь система «косвенного управления», введенная ими в 1916 году на территории Нигерии, полностью опиралась на «туземную власть». Поэтому в период колониализма число традиционных вождей увеличилось. В конце XIX века корону из рук они получили 21 оба, ова, алаке и других правителя, а к моменту независимости их уже было 41. Это происходило за счет дробления некогда крупных королевств, чаще всего после возникновения разногласий по вопросам престолонаследия.

Приход европейцев наложил свой отпечаток на институт традиционных правителей Западной Нигерии. Существенное значение имела деятельность миссионеров, которым удалось обратить в христианство определенную часть местного населения.

Поэтому, стремясь сохранить свое влияние среди подданных, традиционные вожди объявляли себя приверженцами сразу всех существовавших на его территории религий. Так, например, на одеянии обы Ойекунле, правившего в небольшом королевстве Окуку с 1916 по 1934 год, были вышиты бисером и христианские кресты и надписи из Корана, над ними был изображен белый орел — символ власти обы, объединяющей всех подданных, независимо от их вероисповедания.

В связи с историей распространения христианства в Нигерии и его восприятием местным населением интересен опыт города Айоторо.

В 1944 году колониальная администрация арестовала группу нигерийских христианских священников, вы-

ступавших против так называемого «туземного законодательства». После освобождения эти священники с большой группой своих сторонников поселились на ранее необитаемой узкой полоске побережья Гвинейского залива в штате Ондо, покрытой густыми мангровыми зарослями. Со временем здесь возник чистый, ухоженный поселок. Вместо традиционных глинобитных хижин выросли строения из кирпича и бетона. Были построены фабрики по производству мыла и обуви, а также пекарня и прачечная. Мощный дизель обеспечивал электричеством поселок, который все более начинал походить на город. В нем действовали водопровод и даже телефон. И тем не менее главное отличие Айоторо от других городов и поселков Нигерии было в ином.

Переселенцы здесь жили общиной, со своим законодательным кодексом, в основе которого лежали гуманистические положения христианства, сочетавшиеся с местными верованиями, традициями и нравами. Своеобразной была и система управления. В Айоторо действовали департаменты работ, транспорта, водоснабжения, связи и торговли, точнее, «внешней торговли», поскольку внутри общины торговли не существовало. Не было здесь и органов поддержания порядка. В них просто не было необходимости, ибо преступность как таковая здесь отсутствовала. Равенство во всем — таков был принцип жизни общины. По специальному сигналу ее члены выходили на работу, так же вместе шли они обедать и молиться. И плодами своего труда они пользовались вместе, их нельзя было передавать отдельным лицам или продавать. В личной собственности оставалось лишь строго определенное количество носильных вещей. «Город счастья», «город-мечта», «счастливый сон» — так называли Айоторо, который был известен не только в штате Ондо, но и далеко за его пределами. В него потянулись сотни людей. Однако сон вскоре растаял. Сейчас Айоторо фактически ничем не отличается от остальных городов Западной Нигерии. Для него характерны те же проблемы, что и для всей страны.

Уже на подъездах к городу приходится сбавить скорость — впереди полицейский патруль проверяет документы. Полиция получила сведения о том, что преступники, угоняющие автомашины, укрывают их на некоторое время именно в Айоторо, где перекрашивают их и «переоформляют» соответствующие документы. Те-

перь в городе пустило крепкие корни и частное предпринимательство. В нем два больших рынка и множество лавчонок. Каждый живет собственными заботами, общину раздирают противоречия.

— А началось все с малого,— вспоминает Ола Етунде, один из ярых сторонников сохранения прежних порядков.— Для того чтобы иметь специалистов в практиковавшихся в Айоторо видах производства, община стала отправлять часть молодежи на учебу в столицу страны и даже за рубеж. Однако большинство из них, получив образование за счет общины, не возвращались в Айоторо, а оставались в столице или за границей. Чтобы остановить этот процесс, по предложению нынешнего обы Окенлы, долгое время являвшегося главой представительства общины в Лагосе, в систему использования дохода общины были внесены изменения. Каждый член общины, уплатив в общую кассу не менее 25 процентов от своей части, мог распоряжаться остальным по своему усмотрению. При этом финансирование общественных предприятий и служб было прекращено. Транспорт перешел в частные руки, фабрики остановились, перестали работать водопровод, канализация и телефон. Среди общинников появились богатеи, первым из них стал оба Окенла. В отличие от основателей общины, отдавших ей все сбережения и имевших в личном пользовании лишь пару сменной обуви и одежды, сегодняшней ее лидер, добившийся для себя официального звания обы, живет во дворце, по размерам и богатству не отличающемся от резиденций традиционных правителей йоруба. Небольшая группа сторонников возрождения прежних порядков несколько раз подавала на него в суд за «развал общины и присвоение ее средств», однако к лучшему это не привело — оба постоянно оказывался победителем.

Что же касается племени тив, о котором мы упоминали выше, то у них вожди первоначально назначались англичанами. В 1918 году кем-то из тив, участником первой мировой войны, была высказана идея «выборов единого вождя». К этому времени земли тив уже были выделены в отдельную провинцию. Однако эта идея была претворена в жизнь лишь после второй мировой войны. Участвовавшие в боевых действиях тив направили главе колониальной администрации послание с просьбой учредить институт «тор-тив» — «единого вождя тив». В 1946 году им стал отставной сержант

Мафере Дзакпе. Он был избран созданным до этого высшим советом тив, в который вошли старейшины пяти ведущих кланов, которых называют «утер», т. е. отцы. В настоящее время он называется «советом выборщиков вождя» и состоит уже из 56 старейшин. В 1978 году вождем был избран Акперан Орши.

Институт традиционных вождей Нигерии неоднороден. Правители отличаются друг от друга по этнической и религиозной принадлежности, культурному уровню и богатству, влиянию, месту и роли в административной системе. И тем не менее в основном это люди образованные (из их числа избираются канцлеры большинства университетов), имеющие солидный стаж государственной службы. Многие из них — крупнейшие бизнесмены. Типичной в этом отношении является биография Акперана Орши. Он родился в 1925 году, образование получил в колледже в нигерийском городе Кацине и Лондонском университете. С 1946 по 1960 год будущий правитель учительствовал. Затем он работал в магистрате, откуда был назначен постоянным секретарем министерства юстиции штата, которое сам вскоре и возглавил. Перед тем как стать «тор-тив», он являлся председателем совета директоров компании «Найджириан эйрвэйс лимитед».

Возраст вождей тоже неодинаков. Как-то я был приглашен на торжества по случаю дня рождения они Иле-Ифе — Адереме Адесоджо. Потомок священного предка Одудуву был достаточно бодр, и даже в 90 лет его больше волновали проблемы не потустороннего, а этого мира. Свой юбилей он праздновал в роскошном современном дворце, специально построенном к этой дате за 600 тысяч долларов (говорили, что полностью за свой счет).

Перебравшись в такой дворец, правитель в прямом смысле слова отгораживается от своих подданных: его обиталище представляет собой усадьбу-крепость, как правило обнесенную почти двуметровым глухим забором. Раньше дворцы вождей были самыми крупными зданиями в городах. На фоне современных домов они не так выделяются, но по-прежнему впечатляют своими размерами и красотой.

Эти дворцы — подлинные, хотя и закрытые для большей части населения, музеи истории нигерийского народа. Например, дворец обы города Бенина являет собой буквально сокровищницу произведений искусства

бини. На его стенах и воротах — надписи, изображения, стражающие различные события прошлого. Это самый древний из действующих дворцов традиционных правителей: династия ведет свою родословную с XII века.

На престолонаследие могут претендовать, как правило, лишь члены правящей семьи. Однако и здесь есть оговорки и исключения. На место короля, например, не могут претендовать принц-левша или принц, имеющий брата-близнеца. В то же время в случаях, когда не было наследников, на престоле оказывались даже не прямые родственники умершего вождя.

В 50-х годах правительство Западной Нигерии ввело новую практику присвоения титула вождя не только по традиции, но и за какие-либо заслуги. Это привело к большой путанице. Ведь каждый вождь должен чем-то и кем-то управлять. Принятое решение о «закреплении» их за вновь возводимыми населенными пунктами лишь частично решило проблему — рост численности новых городов и деревень не поспевал за постоянно увеличивавшимся «спросом» на традиционные титулы. Кроме того, отдельных чрезмерно амбициозных деятелей просто не устраивало звание вождя только строящегося и, как правило, малоизвестного поселения. Поэтому стали возрождаться давно забытые и не совсем обычные для сегодняшнего дня звания. В феврале 1988 года нигерийскому мультимиллионеру Мошуду Абиоле, одному из самых богатых людей на континенте, был присвоен титул аремо — коронованного принца, который обычно присваивался старшему сыну апафина Ойо. Титул этот ко многому обязывал. В частности, в случае смерти отца аремо должен был покончить жизнь самоубийством. Однако М. Абиола добивался звания аремо не ради этого сомнительного преимущества перед остальными смертными.

Вообще его жизнь напоминает захватывающий киносценарий. Абиола родился в бедной семье. Начав с торговли дровами, он стремительно расширял диапазон своих операций и вскоре нажил огромное состояние. Сейчас его деловые интересы простираются вплоть до Соединенных Штатов. Он является вице-президентом американского консорциума «Интернэшнл телефон энд телеграф», владельцем банков, издательств, судоходных компаний. Однако если за океаном дела Абиолы шли хорошо, то в родной Нигерии он столкнулся с препятствиями. В период «второй республики» Абиола пы-

тался выставить свою кандидатуру и в сенат, и на пост губернатора родного штата, однако, несмотря на колоссальные затраты, каждый раз терпел поражение. Финансовое могущество, служащее пропуском в коридоры политической власти на Западе, оказалось бессильным на его родине. После объявленного в Нигерии перехода к гражданской форме правления Абиола, видимо, заранее начал готовиться к предстоящим политическим битвам и решил на этот раз заручиться древним титулом.

Каковы же функции традиционных правителей в современной Нигерии? Согласно декрету 1976 года о местных органах управления, на них официально возложены руководство советами вождей при правительствах штатов, разработка рекомендаций для местных властей, поддержание порядка. Кроме того, они устанавливают свои налоги и взимают их, занимаются благотворительностью.

В повседневной деятельности вождям помогают советники, имеющиеся при каждом монаршем дворе. Кроме лиц, назначенных самим правителем, в их число входят глава местной власти и несколько ее представителей.

Несмотря на кажущуюся незыблемость института вождей, время наложило на него свой отпечаток. До прихода европейцев в их руках была сосредоточена вся административная, религиозная и судебная власть. Закон предков повелевал подданным оказывать правителям подобающие их «божественному происхождению» почести. Однако история свидетельствует о том, что отношения между властями и народом не всегда были идиллическими.

При конфликтах с подданными вожди нередко обращались за помощью к колонизаторам. Не обошлось здесь и без курьезов. У небольшого племени ихе на востоке страны издревле действовал закон выбора вождя. Когда вождь становился стар и немощен и не мог должным образом выполнять свои обязанности, совет взрослых мужчин племени вручал ему яйцо зеленого попугая. Это был знак отстранения от власти, требовавший также насильственной смерти вождя. Один из вождей ихе, прознав заранее о таком намерении совета, бежал к англичанам и вскоре вернулся от них с вооруженной охраной и... медицинской справкой, свидетельствовавшей о том, что он здоров и достаточ-

но бодр, для того чтобы исполнять свои обязанности вождя.

После провозглашения независимости Нигерии у вождей стало появляться все больше противников в лице радикально настроенной интеллигенции, студентов, которые рассматривали традиционные институты как эксплуататорские и реакционные. Они призывали вести с вождями решительную борьбу. В частности, поэтому уже после военного переворота 1966 года были приняты меры для ограничения роли этого института в управлении страной. Сначала из компетенции вождей были изъяты местные суды и полиция. После введения с 1967 года деления страны на штаты во главе их были поставлены губернаторы. За вождями был сохранен статус местных лидеров, но лишь с совещательным голосом.

Реформа органов местного самоуправления 1976 года еще раз подтвердила, что компетенция вождей не должна выходить за рамки органов местной власти. Вместе с тем, как уже было отмечено, допускалось функционирование при правительствах штатов совещательных органов — советов вождей.

Ощутимый удар по нигерийской феодально-племенной знати нанес декрет о землепользовании 1978 года, в соответствии с которым вожди утрачивали древнее право распределять свободные земли. Они передавались в распоряжение правительств штатов. Вожди подвергли этот декрет резкой критике, расценив его принятие как посягательство на их традиционные права и материальное благополучие.

В процессе перехода Нигерии к гражданскому правлению в 1979 году вожди, не желавшие быть пассивными наблюдателями, активизировали свою деятельность, которая стала все больше походить на политическую. Памятуя о том, к каким тяжелым последствиям привела политика вождей в период «первой республики», военное правительство постаралось не дать им развернуться как политической силе. Однако после объявленного военными плана перехода страны к гражданской форме правления к 1992 году вожди начали активно добиваться участия во всех стадиях политического и административного управления. Они хотят получить прежний контроль над землями в сельских районах, требуя внесения поправок в закон о землепользовании. Все же проведенный в стране по инициативе

военных опрос показывает, что большинство населения считает целесообразным сохранить роль традиционных вождей на уровне не выше районов, в которых проживают их общины. В составленном на основании опроса документе говорится, что любая попытка ввести их в руководство штатов или страны не только подорвет демократию, но и создаст впечатление преднамеренной попытки навязать стране феодализм и таким образом усилить расслоение общества.

НЕ НЕФТЬЮ ЕДИНОЙ

Приглашение посетить Кано поступило из канцелярии губернатора штата. Все организационные хлопоты брало на себя министерство информации, оно же должно было оказывать содействие в сборе материала. При посещении Кано и других северных штатов, на которые приходится свыше 90 процентов производства зерновых и бобовых, 95 процентов арахиса, где сосредоточено 90 процентов крупного и 70 процентов мелкого рогатого скота всей страны, я рассчитывал завершить начатую ранее работу о сельском хозяйстве Нигерии. Поэтому колебаний относительно того, отправляться в Кано или нет, не было. Да и вообще побывать в древнем городе было моим давним желанием. Проработав в Нигерии более четырех лет, я не один раз собирался уже в этот штат, однако всегда из-за каких-нибудь непредвиденных обстоятельств поездка откладывалась. Первый раз причиной была забастовка транспортных рабочих, дважды — религиозные волнения, когда погибли сотни людей, несколько раз — погодные условия.

Стоял январь. В это время даже над Лагосом, находящимся за тысячу километров от Сахары, висит песчаная пыль, солнца часто не видно, и рейсы самолетов то и дело откладываются и переносятся. Что же тогда говорить о Кано? Чтобы не зависеть от каверз природы, отправляюсь в поездку на автомобиле.

В Нигерии Север — это часть страны со своей историей, культурой и даже неофициальной столицей — Кано. Впрочем, неофициальной — не совсем точно. В настоящее время Кано — столица одноименного штата, наиболее развитого из всех штатов Северной Нигерии. По преданиям хауса, город возник почти тысячу лет назад на караванном пути из Северной в Черную Аф-

рику. Кано быстро развивался, в XIV веке его цари уже вели захватнические войны, покорили ряд соседних государств, в том числе и соседнюю Зарию. В первой половине XV века Кано сам попал в зависимость от султаната Борну. Однако вскоре он опять стал суверенным. Начинается период экономического и культурного расцвета, усиливается политическое могущество Кано. В XVII—XVIII веках Кано ведет войны с соседями, в частности с государством Качина, за контроль над торговыми путями через Сахару. Ко времени колонизации это уже многотысячный город, крупнейший в Северной Нигерии. Таким он остается и сейчас.

О том, что до Кано осталось немного, догадываюсь по высящимся вдоль по обочине дороги пирамидам из мешков с арахисом. Это одна из отличительных особенностей Кано. Арахис был завезен сюда португальцами в XIV веке. Он стал одной из основных культур Северной Нигерии. Арахисовые пирамиды изображены даже на гербе штата. Сейчас здесь выращивается более половины всего нигерийского арахиса, который считается одной из наиболее выгодных культур этого района, отличающегося жарким климатом и недостатком воды.

Недостатком воды? Пока этого что-то незаметно. Нет, нет, удивляет не вода из крана. Хотя после Южной Нигерии, где, несмотря на сосредоточение основных водных артерий страны, водопровод работает крайне нерегулярно, здесь, рядом с пустыней, и это должно казаться необычным. Не случайно поэтому первые открытые водоемы на подъездах к Кано вначале были приняты мною за мираж. Такому восприятию в определенной степени способствовало и то, что встретившиеся мне до этого русла обозначенных на карте рек Кано и Чалавы были полусухими. Недостаток воды в сухой сезон раньше приводил к гибели урожая, домашних животных. В настоящее время правительство штата предпринимает активные действия по изменению положения. Первым конкретным шагом в этом направлении было строительство искусственных водохранилищ и бурение артезианских скважин. Созданные руками человека искусственные озера Тига и Багауда — самые крупные в штате. Только первое из них позволяет в настоящее время орошать более двух тысяч гектаров ранее засушливых земель. Неудивительно, что доля обрабатываемых площадей в штате Кано вдвое превышает средний показатель по всей стране. На орошаемых

полях получают хорошие урожаи зерновых и даже овощей. На базе водохранилищ создаются рыбоводческие фермы.

При въезде в Кано открывается вид современного города с широкими и чистыми (в отличие от городов Юга) улицами. По обеим сторонам от дороги много зелени — растут акации, манго. Большинство зданий в два-три этажа. Это — новый город. Характерное для большинства мусульманских городов разделение на старую и новую части здесь, в Кано, особенно заметно. И дело не только в архитектуре зданий и планировке улиц.

В связи с процессом урбанизации, сопровождавшим нефтяной бум, население Кано возросло почти в десять раз (в значительной степени за счет миграции из соседних районов). Это, разумеется, повлекло за собой колоссальное строительство. Вокруг старого города на месте бывших пустырей выросли новые районы. Занимаемая городом территория возросла в несколько раз. Увеличилось также промышленное производство. В настоящее время здесь сосредоточено более 150 промышленных предприятий. В основном это предприятия по сборке и ремонту машин и оборудования, производству строительных материалов, а также текстильные, мясоконсервные, обувные, дубильные и т. п. На улицах многочисленные вывески иностранных компаний: «Аджип», «Датсун», «Мобил», «Фиат» и др. В торговой части города шикарные магазины соседствуют с неказистыми лавчонками. На перекрестках машину обступают торговцы всевозможными товарами — от безделушек до дорогих часов и радиоприемников. Тут же бродят нищие.

За торговыми рядами начинается район Нассарава — «высший свет». Название района, судя по всему, весьма точное: на тихих, утопающих в зелени улицах стоят богатые особняки, в гаражах, под навесами — дорогие лимузины, у ворот солидные сторожа — мигади. Стоимость жилья здесь составляет 25—30 тысяч найр за трехкомнатную квартиру. Это в пять-шесть раз выше, чем в других местах города, и раз в сто, чем в Сабон Гари. Районы с этим названием имеются почти во всех городах Северной Нигерии. Сабон Гари означает «новое поселение». Там селятся разорившиеся крестьяне, иммигранты из сопредельных государств. Сабон Гари в Кано — не исключение. Полуразвалившиеся дома

без водопровода и канализации, грязные, немощные улицы. «Правительство штата полностью осознает пагубность создавшейся в этом районе ситуации,— говорит сопровождающий меня представитель министерства информации.— В настоящее время предпринимаются меры, чтобы ее изменить. В их числе строительство школ, больниц, дешевого жилья. Не последнюю роль призвана сыграть проводимая по всей стране кампания борьбы с неграмотностью. Хотя слово „кампания“ вряд ли подходит к широкой программе действий по борьбе с неграмотностью. В Кано она охватывает не только Сабон Гари и другие районы столицы, но и сельскохозяйственные районы штата. Только в построенные за последний год школы пришло 140 тысяч учеников». Мой собеседник называет ряд цифр, после чего становится ясно, насколько верным было решение ЮНЕСКО вручить правительству штата Кано специальный приз за успехи в борьбе с неграмотностью.

Встречи в министерстве сельского хозяйства штата и поездки в сельские районы занимают большую часть времени. Сопровождает меня сотрудник министерства сельского хозяйства штата Абубакар Адаму. Ранее он работал в федеральном министерстве, поэтому хорошо знаком с интересующими меня вопросами, свободно оперирует статистическими данными не только в рамках штата, но и всей страны.

Про плодородную землю говорят: «Воткни в нее палку, и та даст побеги». В Нигерии это не кажется преувеличением. Ее природные условия необычайно благоприятны для широкого развития сельского хозяйства. В различных климатических областях страны можно выращивать множество культур: в северных саваннах — пшеницу, рис, арахис, бобовые, сорго, просо, в центральных и южных лесных районах — ямс, кассаву, таро, кукурузу. Здесь прекрасно чувствуют себя кофе и каучуконосы, масличная пальма и деревья какао.

Действительно, до нефтяного бума начала 70-х годов сельское хозяйство было основной отраслью национальной экономики. Его доля в производстве валового внутреннего продукта превышала 60 процентов. Нигерия была одним из ведущих мировых поставщиков какао-бобов, арахиса, пальмового масла, каучука, экспорт которых служил ей главным источником иностранной валюты. Крестьяне обеспечивали страну продовольствием. Однако с начала и особенно с середины 70-х го-

дов аграрный сектор начал приходить в упадок, его доля в ВВП снизилась до 48 процентов в 1971 году и 18,4 процентов в 1978 году. Особенно показательно положение с арахисом: в 1971 году его сбор составил 1,3 миллиона тонн, в 1975 году — 0,36 миллиона, в 1978 году он был близок к нулю. Арахис, который за десять лет до этого приносил стране львиную долю иностранной валюты, практически исчез с внутреннего рынка. «Более того,— говорит А. Адаму,— чтобы не остановились собственные предприятия по переработке арахиса, Нигерия вынуждена была ввозить его из соседних стран. А с 1975 года прекратился экспорт хлопка и пальмового масла».

Бесспорно, сильнейший удар сельскому хозяйству Нигерии нанесла многолетняя засуха, поразившая северные районы страны. Пустыня стала наступать на юг. Но дело не только в стихийном бедствии. Многие нигерийские специалисты указывают на недостаточное финансирование аграрного сектора, незаинтересованность фермеров в расширении производства ввиду низких закупочных цен, массовый уход крестьян из деревень в поисках заработка. Все это последствия нефтяного бума, породившего мнение, что средств, получаемых страной от продажи нефти, хватит на все нужды.

«Нефтяная лихорадка» уносила из деревень сотни тысяч молодых, притом самых грамотных и трудоспособных людей. В 70-х — начале 80-х годов городское население росло в среднем на 8 процентов ежегодно. Основные орудия труда в деревне, несмотря на широкое использование достижений науки и техники во многих других отраслях, по-прежнему примитивны. Мотыга на багажнике мотоцикла или даже в современной автомашине — такое странное сочетание мне постоянно приходилось наблюдать в поездках по Нигерии.

Прямым следствием упадка сельского хозяйства явилось почти десятикратное увеличение импорта продовольствия в 1970—1976 годах. Страна, где 70 процентов населения живет в деревне, вынуждена была более половины своих потребностей в продовольствии удовлетворять за счет импорта. В конце 70-х — начале 80-х годов на это тратилось уже более 1 миллиарда найр. Продукты питания дорожали примерно на 30 процентов ежегодно. Пирамиды клубней ямса, горки арахиса, набитые зерном мешки, кокосовые орехи, огурцы и томаты рядом с тропическими овощами и фруктами — все

это начало отходить в прошлое. Такое разнообразие продовольственных и технических культур, ранее в изобилии выращивавшихся на нигерийской земле, можно было встретить лишь на сельскохозяйственных выставках, проводимых в рамках различного рода кампаний, цель которых, по замыслу их организаторов, заключалась в том, чтобы не только привлечь внимание нигерийцев к плачевному состоянию сельского хозяйства, но и показать его возможности для стабилизации национальной экономики.

Вероятно, самой интересной была кампания «Прокорми нацию», имевшая главной целью привлечь городское население к выращиванию овощей и других продовольственных культур, чтобы каждая нигерийская семья могла себя прокормить. Во время каникул студентов направляли на сельскохозяйственные работы, в них участвовали также солдаты и полицейские. Бесспорно, это способствовало росту производства продуктов питания, снижая в какой-то степени остроту продовольственной проблемы, однако кардинально решить вопрос подъема аграрного сектора таким способом было невозможно. Необходима была четко разработанная и взвешенная правительственная политика в области сельского хозяйства, которая позволила бы сбалансировать национальную экономику, ориентированную в последние годы на нефтяной сектор. Об этом в Нигерии заговорили еще в середине 70-х годов, когда федеральное правительство начало осознавать, что аграрный сектор, подавляющую часть которого составляют мелкие крестьянские хозяйства, нуждается в помощи государства.

По третьему национальному плану экономического развития, опубликованному в 1975 году, на сельское хозяйство предусматривалось израсходовать 2,2 миллиарда найр. Эта программа намечала долгосрочную стратегию развития отрасли. Однако из-за отсутствия у ее авторов информации для полноценного планирования и из-за острой нехватки специалистов многие задания оказались невыполненными. Поначалу это не вызывало особого беспокойства, ибо возросшие к концу 70-х годов почти в 30 раз доходы от продажи нефти позволяли легко компенсировать недостаток продовольствия и сельскохозяйственного сырья за счет импорта. Когда же положение на мировом рынке нефти изменилось, Нигерия была фактически поставлена на грань продовольст-

венного и сырьевого кризиса. Страницы нигерийских газет и журналов запестрели заголовками: «Нация должна вернуться к земле», «Прокормим себя», «Остановить импорт продовольствия» и т. п. Однако действия правительства «второй республики» в этом направлении были, по сути дела, косметическими и носили в основном пропагандистский характер. Серию специальных мероприятий для решения проблемы провели военные правительства — администрация Бухари и особенно Бабангиды. Был введен запрет на импорт целого ряда продовольственных товаров и увеличены закупочные цены как на экспортную продукцию, так и на традиционные продовольственные культуры. В деревнях стала расширяться сеть школ, больниц, дорог и электростанций, что, разумеется, способствовало закреплению активного населения, прежде всего молодежи, в сельской местности. Взамен ввозившихся из-за рубежа товаров и оборудования для нужд сельского хозяйства начали возводиться национальные предприятия по их производству. Первое из них — построенный в 1988 году в местечке Онне, на юге Нигерии, завод по производству минеральных удобрений. Его мощность — 700 тысяч тонн продукции в год. Завод в Онне работает на местном сырье — природном газе, бесперебойные поставки которого обеспечивает специальный трубопровод, проложенный к предприятию от месторождения в Окрика (штат Риверс).

Важным направлением развития сельского хозяйства Нигерии является также увеличение площади орошаемых земель. При военном правительстве М. Мухаммеда — О. Обасанджо в стране было создано 11 комитетов по использованию вод крупнейших рек и озер. В настоящее время в их обязанности входят развертывание плантаций продовольственных и технических культур, закупка, переработка и сбыт продукции, поставка сельскохозяйственных машин и удобрений.

Тогда же начала осуществляться программа строительства хранилищ сельскохозяйственной продукции. Вместимость действующих на сегодняшний день составляет всего 180 тысяч тонн, или 1,5 процента всех выращиваемых в стране овощей и зерна. В результате страна ежегодно теряет до 30 процентов собранного урожая зерновых, десятки тысяч тонн продовольствия уничтожаются грызунами, приходят в негодность, пролежав длительное время под открытым небом. Разработанная

правительством программа предусматривает строительство значительного количества элеваторов, а в штатах Баучи, Бенуэ, Нигер, Кросс-Ривер и Ондо будут возведены хранилища для овощей общей емкостью 200 тысяч тонн. В результате проводимых правительством мероприятий ожидается увеличение сбора зерновых на 60—70 процентов.

Принимаются меры по увеличению производства и экспортных культур. На 750 тысячах гектаров в штатах Огун, Ондо, Ойо и Бендел уже завершено восстановление плантаций какао. Правительство выделило значительные средства для возобновления экспорта каучука, хлопка, арахиса, продуктов масличной пальмы. Уже в 1987 году это позволило, в частности, собрать 300 тысяч кип хлопка (в 1986 году — 138 тысяч кип). Однако это еще далеко не предел. До вступления в эру нефтяного бума Нигерия полностью удовлетворяла свои потребности в хлопке за счет внутреннего производства. Даже в 1975—1977 годах в стране собирали в среднем 440 тысяч кип, и лишь в начале 80-х годов производство сократилось до 53 тысяч кип. Хорошим стимулом для крестьян в северных районах страны послужило значительное повышение оптовых закупочных цен. В итоге увеличились занятые под культурой площади и соответственно сбор продукции.

Хотя почти по всем другим видам сельскохозяйственной продукции также наблюдается прирост, продовольственная проблема по-прежнему стоит перед Нигерией очень остро.

— Для того чтобы окончательно преодолеть отставание сельского хозяйства страны,— говорит Абубакар Адаму,— необходимо осуществить радикальную реформу. Без нее не может быть выполнена целеустремленная программа развития аграрного сектора экономики.

Дело в том, что за годы независимости усилился процесс превращения общинной (семейной) земельной собственности в частную. Наряду с концентрацией больших земельных площадей в одних руках появилась масса малоземельных, а то и безземельных крестьян. Получила широкое распространение купля-продажа земли, особенно в городах и районах товарного земледелия. В результате цены на нее резко возросли, в Лагосе, например, более чем в десять раз по сравнению с уровнем 1963 года. В районах производства какао-бобов и пальмового масла цена одного акра превышает тысячу найр.

Правительство, приобретая участок для промышленного строительства или сельскохозяйственных нужд, вынуждено выплачивать землевладельцам компенсацию, превышающую стоимость будущих объектов.

Согласно принятому в марте 1978 года закону о землепользовании, «все земли, расположенные на территории каждого штата федерации, переходят в ведение его губернатора». Право пользования землей в городах предоставляется только правительствами штатов, в сельской местности — органами местного самоуправления. Частным лицам или группе лиц могут выделяться участки площадью не более 500 гектаров для выращивания сельскохозяйственных культур и не более пяти тысяч гектаров под пастбища. Введение государственного контроля над распределением земли, несомненно, было прогрессивным шагом, однако за прошедший с тех пор период декрет практически применялся лишь в отношении земель, которые были необходимы государству для осуществления каких-либо проектов. К такому заключению пришло специальное политическое бюро, созданное правительством И. Бабангиды для «коллективного поиска нового политического порядка», предусматривающего и пересмотр национальных экономических приоритетов. По мнению бюро, упор в земельной реформе должен быть сделан на предоставлении возможности миллионам мелких производителей получить доступ к обработке земли. Только такой комплексный подход позволит решить стоящие сегодня перед страной проблемы в области сельского хозяйства и в экономике в целом.

...Встречи с официальными представителями и поездки на фермы чередуются с экскурсиями и прогулками по городу. Но и во время прогулок приходится постоянно прибегать к помощи добровольных гидов из местных жителей. В отдельных местах, особенно в старом городе, без сопровождающего легко заблудиться. Об этом меня еще в Лагосе предупреждали знакомые нигерийские журналисты. Они же советовали чаще прибегать к помощи таксистов, ибо последние не только хорошо ориентируются в городе, но и знают самые последние новости и подробности порой только им известных событий. Главное, однако, в том, что рассказывают они обо всем без присущей большинству официальных представителей рекламности, рассказывают так, как понимают это сами, а значит, и большинство населения.

Одним словом, сопровождающего лучше всего поискать среди таксистов, и я выхожу на стоянку у отеля.

— Мусса,— представляется, дружелюбно улыбаясь, водитель потрепанного, много повидавшего на своем веку «Пежо» и распахивает дверцу. Заметив, что я несколько критически осматриваю его транспорт, Мусса пробует другое средство: «Я из Дауры, батуре»*. Да, это лучше всякой визитной карточки.

Даура — небольшой город на севере от Кано, откуда, по преданию, произошли все хауса. Одна из легенд гласит, что некий чужеземец явился из Борну в страну хауса, где в это время правила великая охотница Даура. Она согласилась выйти за чужеземца замуж, но при условии, что он будет спать не с ней, а с ее рабыней. Наложница же, родив сына, стала презирать бывшую госпожу. Тогда Даура надела свои лучшие наряды и украшения и сама явилась к мужу. Вскоре она родила сына Баво. Он и считается родоначальником всех хауса. Шесть сыновей Баво стали царями-эпонимами городов хауса. Двое из них — Кано и Рано, цари индиго,— занимались изготовлением и окраской тканей. В Кано до сих пор действует цех ремесленников по окраске тканей. Именно здесь, как и много веков назад, в специальных земляных ямах получают пользующиеся популярностью не только в Нигерии, но и далеко за ее пределами ткани цвета индиго.

Наконец, для того чтобы окончательно рассеять мои сомнения, Мусса добавляет: «А машина лишь с виду такая, но бегаёт хорошо».

И вот я в «Пежо». Это собственность Муссы. Таксист — владелец автомашины — это более характерно для районов южной части страны. На Севере же обычно владелец пяти-десяти, а то и больше машин нанимает водителей, организуя своего рода таксопарк. До недавнего времени в течение 12 лет так работал и Мусса. Ему удалось поднакопить денег и купить подержанную автомашину. Теперь он уже сам себе хозяин. Во всяком случае, стремится им казаться. Хотя хлопот, по всей видимости, у него прибавилось. Содержание и постоянный ремонт не в счет. В прежнем качестве, хотя машиной и владел хозяин, это, тоже было заботой Муссы. Сейчас ежегодно нужно продлевать документы на

---

* Б а т у р е — уважительное обращение к европейцу на нигерийском Севере.

автомашину и лицензию на право заниматься извозом. А делать это становится все труднее: «Очень многим приходится платить, платить неофициально, но обязательно». Так по-своему Мусса назвал широко распространенное среди чиновников Нигерии взяточничество.

Вскоре мы подъезжаем к большому земляному валу. «Городская стена»,— поясняет Мусса. Начинается старый город—древняя часть Кано, окруженная стеной. Она имеет 19 километров в периметре, ее высота достигает десяти метров при ширине основания до шести метров. В настоящее время сохранились лишь отдельные участки стены. Однако о ней знают все. Слово «стена» есть и в самом названии старого города. Местные жители так и зовут его—Бирни. У одного из участков стены—Кофар-Мата выделывают известные «марокканские кожи», получившие в Европе такое название только потому, что отличающиеся тонкой выделкой и ярко расцветочные кожаные пояса, сумки, чехлы первоначально попали туда из Нигерии через Северную Африку.

Когда говорят о Кано как об одном из мусульманских центров Нигерии, в первую очередь имеют в виду, конечно, старый город. Именно в нем находится и по-прежнему действует самая старая мечеть Нигерии, сооруженная более четырех столетий назад. Здесь же расположен дворец эмира Кано. Традиционные правители Севера—эмиры вначале возглавляли сопротивление колонизаторам, однако после покорения страны стали их добросовестными пособниками. С завоеванием независимости роль эмиров в местном самоуправлении не уменьшилась. Более того, в период «второй республики», несмотря на целый ряд законов, ограничивающих их полномочия, в некоторых штатах, в том числе и в Кано, они пытались противопоставить себя губернаторам.

— Я помню,— говорит Мусса,— как летом 1981 года губернатор Кано «обидел» эмира города. В пятницу после молитвы тысячи мусульман устроили в городе настоящий погром. Было сожжено несколько министерств, здание ассамблеи штата, много жилых домов. А «обида» сводилась к тому, что губернатор весьма деликатно пытался убедить эмира не выходить в своей деятельности за пределы, установленные законом.

Интересно, что и внутри семьи традиционных правителей идет борьба за власть. Борются, по правде

говоря, есть за что. Только официальный оклад эмира Кано с представительскими превышает 50 тысяч долларов в год, и это лишь малая толика в сумме его общего дохода, включающего различного рода подарки, подношения и т. п.

Но самое главное, конечно, это почет и уважение, которые оказывают обладателю титула. Воспоминания Муссы переносятся в 1980 год, когда в Кано разгорелись кровавые столкновения между сторонниками некоего Матацины и населением города, поддержавшим эмира. Ни администрация штата, ни даже высшее мусульманское духовенство страны не могли предположить, что события получат такое развитие. Основным виновником их в Нигерии считают Матацину. Однако кто он такой, толком никто не знал, не знает, а теперь вряд ли узнает вообще. По официальной версии, Матацина был иммигрантом и в Нигерии жил всего несколько лет. Он якобы по-своему пытался толковать Коран, совмещая ислам с идолопоклонничеством, а введенные им обряды будто бы включали человеческие жертвоприношения. Завоевав авторитет среди части населения, в основном из числа недавних иммигрантов, Матацина попытался выступить против власти эмира. Одним из главных требований его сторонников было предоставление иммигрантам, жившим в Нигерии много лет, равных прав с коренным населением. Беспорядки привели к огромным жертвам. После наведения порядка Матацину сначала не могли найти. И лишь спустя несколько дней кто-то якобы опознал его труп среди погибших.

У одной из городских мечетей всегда толпится народ. Люди приходят отдать дань уважения одному из активных участников войны с Биафрой — генералу Муртале Мухаммеду. После известной попытки переворота 13 февраля 1976 года, когда и был убит возглавлявший тогда правительство страны М. Мухаммед, здесь, в Кано, в его честь был сооружен мавзолей. Многие улицы, площади и районы Кано носят имена его известных граждан. Те, кто прибывает в город самолетом, приземляются в современном международном аэропорту имени Амину Кано — крупного прогрессивного деятеля Нигерии (1920—1983). В 1950 году он организовал политическую партию «Союз прогрессивных элементов Севера», основной программной целью которой было улучшение жизни «талакава» — простого народа.

Но вот среди названий мне попадается неизвестное

имя: микрорайон Дантата, улица Дантата, школа имени Дантаты и т. п. Интересуюсь у Муссы, кем был этот почтенный мусульманин, и поражаюсь, услышав ответ:

— Дантата — один из богатейших людей города, а в недалеком прошлом авантюрист и жулик. И почему — был? Он и сейчас здравствует, наслаждается жизнью в своем особняке в районе Нассарава. Чем он только не занимался в молодости, пока не стал торговцем! Вначале торговал с лотка, затем приобрел небольшую лавку, а вскоре стал торговать только оптом, и ты даже представить себе не можешь, какими капиталами он ворочает. Первую солидную сумму этот «почтенный мусульманин» заработал то ли на торговле фальшивыми авиабилетами, то ли на скупке и продаже краденого. Ясно одно — все это нечестно. Вскоре его состояние возросло до миллионов. А сейчас он лишь возвращает частичку награбленного — строит бесплатно школы и дома, присваивая им свое имя. Только не подумай, что это от щедрости души или там раскаяния. **Здесь, на Севере, «арзики»,** т. е. признание в обществе, приходит не с богатством. Непременный знак «арзики» — это раздача подаяний, угощений, подарков. Без этого невозможно получить и тем более долго сохранять репутацию сильного и удачливого человека. Так что Дантата щедр по-неволе.

После двухчасовой поездки по городу Мусса говорит:

— Не посетить рынок — значит не побывать в Кано.

Я уже догадываюсь, что он имеет в виду центральный рынок. В Кано их десятки — официальных и неофициальных. Основать собственную торговлю, свой бизнес — мечта многих горожан. Но далеко не каждому это удается. Давит конкуренция, притесняет полиция: торговля вне официальных рыночных площадей запрещена. Большинство товаров, продаваемых на рынках Кано, иностранного происхождения, многие ввезены в страну нелегально. Попытки властей бороться с контрабандой не дают должного результата.

У входа к нам устремляется группа «гидов по рынку». Это особая категория рыночной публики, даже особая профессия. «Гидами» становятся в основном разорившиеся крестьяне и ремесленники. Встретив посетителя и узнав, что он намерен приобрести на рынке, «гид», прельщая его хорошим качеством товара и невысокой ценой, ведет к тем торговцам, с которыми у него заключено соглашение. Смысл такого рода согла-

шения в том, что часть выручки от проданного товара поступает «гиду». На рынке их много. Отношения между ними регулируются только им понятными законами. Они сами делят торговую часть рынка на участки. Всякая попытка торговцев выставлять у входа собственных «зазывал» встречает их активное противодействие и заканчивается безрезультатно. Доход «гида» во многом определяется характером торговли на контролируемом участке. Поэтому, разумеется, среди них также существует неравенство. Некоторые, посредничая в крупных сделках, зарабатывают столько, что уже сами нанимают для себя помощников из менее удачливых. Последних здесь большинство. Одному из них Мусса и передает дальнейшее шефство надо мной. Это правильно — самому разобраться в бесконечном лабиринте практически невозможно.

Здесь, на рынке, сразу становится ясно, из чего состоит рацион жителей Кано. При посещении крупных магазинов как-то не верилось, что простые люди пользуются их услугами — уж больно высоки там цены. Основу же стола горожанина, как и у всех на Севере, составляют просо, сорго, кукуруза, бобовые. Очень популярен привозимый сюда с Юга ямс. Здесь он не растет, потому и стоит дороже. Готовится ямс обычно в виде кашицы, которая поливается перечным соусом. Иногда в таком соусе отваривают мясо, птицу или рыбу.

За продовольственными рядами начинаются промтоварные. Там продаются глиняная и деревянная посуда, ткани и готовая одежда, в расцветке и покрое которой чувствуется сильное арабское влияние. Особняком стоят сувенирные ряды. Экскурсия по рынку для приезжего обычно завершается здесь. Наряду с характерными только для Кано изделиями из «марокканской кожи» и батика вам предлагают также сувениры из кожи змеи и крокодила. Так как «крокодил» на хауса называется «кадуна», то вам обязательно скажут, что существо, из кожи которого сделана вот эта элегантная дамская сумочка, было поймано в реке с таким же названием.

На выходе нас вновь встречает Мусса. Он решил до конца выполнить свою роль и более часа ждал меня. Последним мероприятием его давно уже отработанного «культурного плана» — фотографирование на фоне старого города. Позднее мне приходилось еще несколько раз бывать в Кано, встречаться там с различными

людьми. Однако больше всего запомнилась именно первая поездка и «экскурсия», организованная добровольным гидом Муссой из Дауры.

ПРАЗДНИКИ — ДЕЛО НЕШУТОЧНОЕ

— Расскажи мне о существующих в вашей стране праздниках и обрядах,— попросил я вскоре после приезда в Лагос моего нигерийского коллегу Адамса Аллина.

— О каких именно?

— Да обо всех!

Широта моих интересов явно поразила собеседника. Немного поколебавшись и, видимо, не желая обидеть малосведущего энтузиаста, он все же твердо ответил:

— Прости, но это практически невозможно.

С течением времени я убедился, насколько прав был Аллин. По количеству и разнообразию праздников Нигерия занимает одно из первых мест в мире. У каждой из более чем двухсот ее народностей — свои обряды и ритуальные церемонии. Да что там народности: почти в каждой деревне, не говоря уже о городах, помимо праздников всей страны, данного района, конкретной этнической группы справляют собственные, сугубо местные. Невольным свидетелем и «жертвой» одного из них я стал в первый же месяц моего пребывания в Нигерии.

Бродя как-то по Лагосу, я увидел толпу человек в семьдесят, которая, запрудив улицу, двигалась мне навстречу. Все были в длинных белых одеяниях, скрывавших даже лица, с большими деревянными палками в руках. Я остановился на обочине, чтобы пропустить процессию, но от нее отделился внушительного роста парень, подошел ко мне и легким движением сбил с моей головы спортивную шапочку, под которой я пытался спастись от палящих лучей тропического солнца. Такая манера общения мне сразу не понравилась. Тем не менее я изобразил на лице подобие улыбки и поинтересовался, в чем дело. Не говоря ни слова, подошедший стал постукивать меня палкой по ногам — все чувствительнее и чувствительнее.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не вмешался выбежавший из соседней лавки торговец. Он буквально за шиворот втащил меня к себе и плотно

закрыл дверь. Обидчик потоптался переи ней, потом медленной походкой, напоминавшей движения робота, направился к своим братьям. Одуго — так звали моего спасителя — посоветовал переждать, пока толпа удалится, и принялся объяснять происшедшее.

— Ты наткнулся на участников праздника Адаму-Ориша, или, как его чаще именуют, «ейо-маскарад», — праздника коренных жителей острова Лагос. Издревле раз в году они поминают последнего из умерших членов семейства своего правителя — оба. Действо длится один день и ограничивается территорией острова. Утром люди собираются в доме покойного, отдают дань его памяти, творя принятые в таких случаях молитвы. После появления преемника или ближайшего родственника умершего гости выходят на улицу и начинают кружить по всему острову. В общем это мирная процессия, но для тех, кто попадаетея ей навстречу, существуют строгие правила, которые ты как раз и нарушил: голова должна быть непокрытой, а ноги — босыми. Иначе могут поколотить пальмовыми палками. Так что тебе повезло, с тобой обошлись совсем вежливо, — подвел итог Одуго.

Позднее мне довелось увидеть и потасовки между участниками нескольких «ейо-маскарадов». Дело в том, что если раньше виновником торжества (хотя, понятно, «заочным») мог быть только член королевской семьи, то теперь всякий мало-мальски зажиточный лагосец считает своим долгом устроить такое же поминовение своих родственников. Стычки между различными группами, не желающими уступать друг другу дорогу, иногда имеют весьма печальный исход.

Необходимо сразу же оговориться, что традиционные праздники связаны непосредственно с местными религиозными верованиями. Несмотря на распространенность ислама и христианства, они по-прежнему пользуются в Нигерии широкой популярностью (в том числе и среди тех, кто официально поклоняется Аллаху или Христу). А там, где сохраняются традиционные божества, есть и соответствующие служители культа.

Так, практически в каждой нигерийской деревне существует «должность» заклинателя дождя. Она считается одной из самых престижных и высокооплачиваемых, хотя и сопряжена с определенным риском. Большинство сельских жителей Нигерии искренне убеждено в том, что с помощью колдовского снадобья или за-

кликания можно в любой момент вызвать обильные осадки. Поэтому такое стихийное бедствие, как продолжительная засуха, для них не более чем результат проделок или по крайней мере безответственного подхода и лености заклинателя. Например, не так давно разъяренные жители деревни Агбоду Абба в штате Анамбра сожгли дома двух своих заклинателей, которым в течение нескольких недель так и не удалось образовать на небе даже маленького дождевого облака. Незадачливые колдуны вместе с семьями были вынуждены спастись бегством. Только оперативное вмешательство полиции спасло от такой же участи 21 заклинателя из Энугу-Эзике в том же штате. Их местные жители обвинили в сговоре с владельцами автоцистерн, которым отсутствие дождей позволяло получать огромную прибыль. К тому же эти колдуны якобы получили крупную взятку от ряда лиц, запланировавших проведение различных ритуальных церемоний и не желавших, чтобы их сорвал дождь. После ареста и допроса в полиции заклинатели «признали свою вину», объявил журналистам представитель властей. В конце концов все они отделались легким испугом. На их счастье, над полями Энугу-Эзике прошел обильный дождь.

Все же столь непочтительное отношение к служителям традиционного культа скорее исключение из правил. Именно поэтому данные случаи привлекли внимание всей прессы страны. Обычно же различного рода жрецы, заклинатели, колдуны пользуются в народе уважением.

Традиционные праздники и связанные с ними мифы и легенды составляют как бы духовное сокровище племени. Они утверждают принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживают и санкционируют определенные нормы поведения. Они объясняют существующий порядок в мире и место человека в нем, с тем чтобы поддерживать этот порядок.

Многие такие праздники связаны с происхождением тех или иных культурных благ: добыванием огня, изобретением ремесел, земледелия и т. п. Они затрагивают производственную деятельность той или иной профессиональной группы и, подобно «ейо-маскараду», уходят корнями в далекое прошлое, когда человек поклонялся необъяснимым для него природным явлениям, влиявшим на результаты труда. Земледельцы, охотники, рыбаки, даже торговцы почитали своих «особых» богов,

проводили в их честь ритуальные торжества. Таковы, например, «огун-фестиваль» мастеров по металлу — кузнецов, оружейников, ювелиров — в южных районах страны, «оде-фестиваль» — земледельцев йоруба и др. Наиболее популярен, однако, праздник нового урожая ямса, отмечаемый почти по всей стране, кроме засушливого Севера, где эта культура, как уже говорилось, не произрастает.

Ямс — клубневидное растение рода диоскорея. Его корнеплоды весят в среднем 2—3 килограмма, хотя встречаются отдельные экземпляры, превышающие 10 килограммов. Это важная продовольственная культура, составляющая основу пищи большинства народов Нигерии. Из белого ямса готовят кашу, из желтого пекут булки, из водяного — оладьи. Его варят, жарят, парят либо отдельно, либо смешивая с другими овощами, мясом и рыбой. В пищу употребляют не только клубни, но и молодые стебли и листья. Из них готовят салаты и овощные супы. В июне—июле (более точной даты нет, поскольку сроки уборки в различных областях не совпадают) крестьяне несколько дней подряд предаются веселью: танцуют, ходят ряжеными. Родственники и друзья обмениваются визитами и подарками. Главным компонентом праздничных кушаний служит ямс нового урожая. Но, веселясь, главы семейств не забывают и о делах серьезных. Вечером в первый день праздника они молятся, выполняют специальные обряды в знак благодарности земле и предкам, совершают жертвоприношения.

В жертву приносят обычно домашних животных, птицу. Оговорка эта не случайна. Дело в том, что в Нигерии до сих пор отмечаются случаи человеческих жертвоприношений. Вот почему эта проблема время от времени оказывается в центре внимания общественности, полиции и суда. Продолжают, в частности, действовать различного рода знахари, которые с помощью снадобий и амулетов, изготовленных из определенных частей человеческого тела, берутся решать самые сложные вопросы взаимоотношений между людьми. Их действия находят затем отражение в трагической статистике.

По данным нигерийской прессы, лишь в 1987 году «исчезло» более 60 человек. Полицейские власти прямо связывают это с принесением людей в жертву. По свидетельству газет, здесь часто бывают замешаны бизнесмены, желающие «гарантировать» успех своих сде-

лок. Но чаще к этому прибегают крестьяне, которые просят послать дождь на засушливые поля. Поэтому в какой-то степени человеческие жертвоприношения, по крайней мере в прошлом, затрагивали и «производственные» праздники.

Примыкает к этой группе и ставший уже международным праздник рыбаков в Аргунгу на севере Нигерии. Правда, он имеет несколько иное происхождение и отмечается с относительно недавних пор.

— Если сам не можешь поймать ничего стоящего, так поезжай и посмотри, как рыбачат другие,— предложил мне как-то нигерийский коллега, журналист Тунда Алусанья. Мое пристрастие к рыбной ловле он воспринимал как нечто несерьезное. Долгое время Тунда не мог понять, почему в предназначенное для отдыха и развлечений время нужно вставать затемно и пробираться на самую оконечность уходящего в океан волнореза. Его скептицизм еще больше, видимо, подогревался результатами моего последующего многочасового пребывания под палящими лучами солнца. Крокер или горбыль в 1,5—2 килограмма считались редкой удачей. Чаще же приходилось довольствоваться небольшой, длиной в ладонь, рыбешкой грязновато-бурого цвета, напоминающей черноморского бычка. Эта рыбешка ловилась и на спиннинг, и на донку в любую погоду и в любое время года. Однако мое постоянство и упорство, наверное, убедили Тунду, что такое занятие тоже может быть и отдыхом и развлечением. И он решил внести в него разнообразие, предложив мне съездить в качестве зрителя на фестиваль рыболовов.

От попытки приобрести билет участника организуемых там соревнований Тунда упорно меня отговаривал. А когда понял, что это безуспешно, предложил свои услуги в оформлении необходимых бумаг. Однако участником соревнований он меня так и не зарегистрировал, объяснив это поздней подачей заявки. Поэтому на фестиваль рыбаков в Аргунгу я отправился в качестве зрителя, твердо пообещав себе, что в следующем году обязательно приму в нем участие.

Опаленный дыханием Сахары городок Аргунгу находится более чем в тысяче километров от побережья океана. Строения здесь приземистые, глинобитные, с плоскими крышами. Каждый дом, как крепость, окружен высокой стеной, скрывающей от постороннего глаза внутренний дворик. Живет в Аргунгу всего несколь-

ко тысяч человек, нет в нем и особых достопримечательностей, которые бы привлекали туристов. А протекающая здесь река Рима не отличается ни размерами, ни обилием воды. И тем не менее Аргунгу известен не только в Нигерии, но и далеко за ее пределами.

Раз в год, в феврале, когда перестает бушевать харматан, несущий тучи песка из Сахары, и утомленная саванна ждет сезона дождей, сюда устремляются тысячи людей, жаждущих принять участие в традиционном празднике рыбаков на реке Риме. Почему же именно здесь, вдали от океана, от основных водных артерий страны и основных районов рыболовного промысла, устраивается этот праздник?

Дело в том, что прежде населяющие эти районы народы кеббе и фулани всегда враждовали между собой: никак не могли поделить не столь уж богатые рыбой места на реке. И вот в 1934 году султан Сокото Малам Хасан Дан впервые прибыл в Аргунгу, и совместно с маламом Мухаммедом Сама, дедом нынешнего эмира, они уладили все разногласия, положили конец кровопролитиям и наказали своим подданным жить в мире, как добрые соседи. В честь знаменательного события и было устроено первое состязание по рыбной ловле.

С тех пор праздник проводится неукоснительно каждый год. Он давно вышел за рамки двух северных районов. В Аргунгу собирается несколько тысяч рыбаков со всей Нигерии и из соседних стран. Едут и любители-одиночки — те, кому под силу расходы, превышающие, по самым скромным подсчетам, 200 найр (согласно национальной статистике, лишь два процента нигерийцев имеют ежемесячный доход более этой суммы), едут и целые команды от крупных городов и рыбацких деревень. Аргунгу уже не в состоянии ни разместить, ни прокормить всех, поэтому в его окрестностях соорудили специальную «фестивальную деревню» с мотелями, гостиницами, ресторанами. Да и сам праздник теперь называется рыбацким фестивалем. Поначалу такое словосочетание кажется странным, но, побывав на празднике, убеждаешься, что оно хорошо отражает суть происходящего. К соревнованию рыбаков добавились другие состязания и конкурсы, развлекательные программы. Фестиваль длится теперь несколько дней.

Как и почти полвека назад, празднество открывает эмир Аргунгу. На этой церемонии присутствует много гостей и зрителей, для которых напротив «фестивальной

деревни», по ту сторону реки, сооружается специальная трибуна. Фестиваль включает конкурс местных красавиц, завершающийся выбором «мисс Аргунгу», сельскохозяйственную ярмарку, показательные выступления по борьбе, боксу и мотокроссу. В перерывах между номерами спортивной программы выступают исполнители национальных танцев, столь же разнообразных, как и населяющие страну народности.

...Едва смолк грохот мотоциклетных моторов, как на площадке перед трибуной появились представители народности тив. Танец, завораживающий темпом, ритмом и пластичностью движений, они сопровождают пением и своеобразной музыкой. В руках у танцоров тыквы-горлянки с мелкими камешками внутри, дробно постукивающими друг о друга. На руках и ногах танцующих — браслеты, медные колокольчики, украшения из деревянных палочек и морских раковин. Издаваемые ими звуки точно соответствуют каждому движению: большее единство музыки и танца трудно себе представить. Но «первую скрипку» играет барабан. Своим глухим уханьем он предупреждает танцоров, когда и в какую сторону поворачиваться, двигаться вперед или назад, убыстрить темп или мгновенно застыть на месте.

Но вот ареной представления становится река. Вы не пробовали поймать рыбу или дикую утку голыми руками, да еще на глазах у веселящейся толпы зрителей? Не легче и гребцам, которые с завязанными глазами пытаются обогнать друг друга. Бурные аплодисменты или гомерический хохот сопровождают каждое их движение, верное или неловкое.

Все это — как бы пролог фестиваля, венцом которого, как и прежде, остаются соревнования рыбаков. По условиям, которые не менялись с 1934 года, победителем считается тот, кто поймает самую увесистую рыбку.

В последний день праздника с самого утра в «фестивальной деревне» становится еще многолюднее: это прибывают из окрестных деревень и поселков постоянные участники соревнований. Именно они чаще всего и побеждают. Все направляются к реке. Зрители располагаются на некотором расстоянии от берега, рыбаки плотной стеной выстраиваются у самой кромки воды. По условному знаку эмира под грохот барабанов, протяжное пение труб и крики трибун лавина полуобнаженных людей скатывается в Риму. Это особенность со-

ревнований. Крючки и тем более остроги здесь не признаются. Рыба должна быть поймана совершенно неповрежденной. Поэтому за ней приходится спускаться прямо в воду. Участники пользуются типичным для этих мест орудием лова — сеткой в 1,5—2 квадратных метра, натянутой на деревянный полуобруч.

Хотя соревнования индивидуальные, но в одиночку поймать с такой оснасткой рыбу даже непризового веса крайне сложно. Некоторые участники сразу же формируют группы по 7—10, а то и более человек. Эти группы, видимо, создаются заранее. Попасть в них новичку просто невозможно. Выстроившись плотной стеной, они бредут навстречу такой же группе или образуют круг и сходятся к центру. Часть рыбы, оказавшейся в таком загоне из человеческих тел, обязательно попадает в ловушку. Как только рыбак почувствует удар в сетку, то сразу же поднимает ее над водой. Чтобы пользоваться этим необычным устройством, нужны немалый опыт и сноровка. Как впоследствии выяснилось, Тунда Алу-санья, зная об этом, сознательно заказал для меня лишь билет гостя, предоставив таким образом возможность вначале все увидеть, а уж потом решать, участвовать ли в столь необычных состязаниях.

Поверхность реки покрыта массой блестящих на солнце черных тел и калек — сосудами из выдолбленной тыквы. В них складывают «мелочь», превышающую порой 10 килограммов. Ее даже не понесут на весы: по условиям соревнований после взвешивания улова рыбак выбывает из дальнейшей борьбы. Так что «мелочь» пойдет ему на ужин или на продажу. В последнее время эта рыба особенно ценится: ведь она из реки, где ловля разрешается только раз в году! По мере роста популярности фестиваля росло и число желающих порыбачить в Риме, не дожидаясь начала праздника. Поэтому вот уже много лет, как река объявлена заповедной.

Рима не особенно впечатляет своими масштабами: в районе Аргунгу она имеет метров семьдесят в ширину, однако рыба в ней водится довольно крупная. Самый солидный обитатель здешних вод — одна из разновидностей латеса. Он имеет несколько приплюснутую голову и выступающую челюсть. В Риме встречаются экземпляры до двух метров и весом до 70 килограммов. Всего за год латес способен достигнуть 30—40 сантиметров в длину и набрать 3—4 килограмма веса. Для

того чтобы нагулять только 1 килограмм, он съедает до 5 килограммов любой другой рыбы. Его рацион обычно составляют различного рода карповые, но нередко и хищники, в частности более мелкий желтощек. Рыбаки на Риме зовут латеса «властелином воды». В Африке же более распространено название «нильский окунь», возможно потому, что его ловили еще в древнем Египте. До нашего времени сохранились мумии крупных экземпляров латеса, а также высеченные на камне изображения рыбаков с уловом этой рыбы.

...Постепенно у весов, расположенных рядом с трибуной, выстраивается очередь. В этом году призы получат сто самых удачливых рыбаков, так что надежда теплится у многих. Потому и очередь необычайно длинная; нелегко самому определить вес улова, когда на глазомер так сильно влияет желание попасть в число призеров.

Очередное взвешивание. Стрелка подскочила до 32 килограммов — это пока лучший результат. Судьи аккуратно записывают фамилию счастливого. Но вот к весам направляется невысокий, худощавый северянин, окруженный шумной толпой болельщиков, которые помогают ему нести добычу. Бросив оценивающий взгляд на только что взвешенного латеса, он улыбается: «Мой больше!» Действительно, поднятая над землей рыбина несколько длиннее предыдущей. Но на сей раз «властелин воды» оказался не очень упитанным: стрелка замерла на цифре 30, что вызвало ликование притихшего было кандидата в чемпионы. Так никто и не обогнал его, хотя до рекордов прошлых лет было далеко.

Это не помешало организаторам соревнований вручить победителям рекордные призы. Чемпиона наградили бесплатным билетом на хадж в Мекку, мотоциклом, радиоприемником, часами и в придачу 500 найрами. Второй призер получил то же самое, только денег поменьше. Крупных призов были удостоены еще восемь человек, 90 участников получили по 50 найр и по вышитой рубашке, и все до одного — сувениры фестиваля. Обделенным не остался никто.

До позднего вечера звучала над городом музыка и песни в честь победителей, а утром участники и зрители начали разъезжаться из Аргунгу, чтобы через год вновь встретиться на фестивале, ставшем настоящим праздником дружбы более чем 200 народностей Нигерии.

Некоторые традиционные праздники тесно связаны с обычаями, сложившимися в Нигерии еще до проникновения сюда христианства и ислама. Этих обычаев неукословно придерживаются они, алафин и оба — вожди племен, живущих на юге страны.

«Отцы народа», согласно древним правилам, появляются перед подданными крайне редко — три раза в год, во время праздников Орун, Ифа и Бере. Первый проводится в честь бога солнца Оруна — одного из 16 основных божеств пантеона йоруба. Хотя бог мудрости и гаданий Ифа не входит в их число, его культ имеет большое значение. Поэтому жрецы Ифа считались главнейшими. К ним обращались за советом, прежде чем начать войну или пойти на перемирие. В их честь ежегодно устраивались праздники, обязательными участниками которых были все традиционные вожди йоруба.

Название еще одного праздника — Бере — происходит от одноименной травы, которой кроют деревенские хижины. Этот праздник, который проводится в январе, когда начинает всходить трава бере, очень важен: по нему вожди отсчитывают годы своего правления, а подданные получают повод лицедреть своего владыку. С праздником Бере непосредственно связан ритуал восхождения на престол очередного вождя — крупное событие в жизни не только его города, но и всей страны.

За время работы в Нигерии мне посчастливилось лишь однажды присутствовать на коронации. Везение, правда, оказалось двойным, так как это была коронация самого младшего правителя за всю историю страны.

В октябре 1979 года, после смерти 17-го оба города Агбора, совет вождей штата Бендел объявил очередным правителем двухлетнего Бена Икеачукву — единственного отпрыска династии, родословная которой ведется с 1270 года. Обычно преемника назначают задолго до кончины монарха и присваивают ему титул аремо, дающий право участвовать вместе с оба во всех государственных делах. Но Бен не был таковым — то ли старый король твердо надеялся на продление своих дней, то ли его сановники сочли неприличным провозгласить аремо грудного младенца. Тем не менее вожди штата без колебаний вынесли решение в пользу Бена, после чего он, согласно обычаю, въехал в королевский дворец, парадные ворота которого наглухо закрылись на три месяца. В течение этого срока будущий король, одетый во все черное, с особой шапочкой «ори-когбе-

офа»* на голове, готовится к обрядам, без которых не может быть официальной коронации.

Важнейший из обрядов — посещение королевской усыпальницы, расположенной, как правило, в окрестностях города и неусыпно охраняемой жрецами. По пути вся процессия заходит в абата — легкое строение напротив дворца, напоминающее обычную крестьянскую хижину, где правителя облачают в королевские одежды. Другая обстановка — у специально сооруженной трибуны с тентом. Здесь нового оба приветствуют подданные. Наконец он приближается к усыпальнице, куда входит лишь раз в жизни, чтобы получить благословение предков. В прежние времена, чтобы их умиловать, совершались и человеческие жертвоприношения.

Пять дней спустя после этого своеобразного паломничества происходит коронация в храме бога молнии и грома Шанго.

По прибытии в Агбор мне и другим иностранным журналистам не понадобилось расспрашивать прохожих, как попасть к королевскому дворцу: к нему валом валил народ. Тут были не только агборцы, но и жители ближайших провинций, официальные гости со всей Нигерии. Еще далеко от дворца мы остановили машину и присоединились к толпе. Протиснувшись вперед, я долго не мог разглядеть главное действующее лицо церемонии: его закрывала от меня стена придворных в расширенных серебряном и золотом одеждах.

Но вот среди зрителей разнеслась весть — во дворец прибыл верховный жрец храма Шанго, который, по обычаю, должен сопровождать нового правителя на коронацию. Придворные расступились, открыв взорам собравшихся живописное зрелище. Держась за руки воинов из дворцовой охраны, по проходу семенил маленький мальчик. Позади него важно шествовал жрец, а за ним выступали три самых влиятельных члена королевского совета. Всю процессию полукругом опоясывал строй воинов с копьями и мечами.

Выражение детского личика Бена и удивленные взгляды, которые он бросал по сторонам, говорили о том, что мальчуган теряется в догадках по поводу творящегося вокруг него. Но в храме он не растерялся, четко выполнил все, что полагалось, звонко повторил

---

* На языке йоруба буквально: «голова не должна оставаться непокрытой».

за жрецом какие-то слова (видно, три месяца были потрачены даром). К королевскому мечу и жезлу Бен лишь прикоснулся, их тут же отдали нести двум стражникам. На малыша водрузили традиционные атрибуты королевской власти — конусообразный головной убор из мелких кораллов и свисавшее до самого пола ожерелье из кораллов и жемчуга. Тем все и закончилось.

Через пять дней по обычаю следовало совершить еще два обряда: вручить вождю Великий меч справедливости, без чего он не может принимать решения о жизни подданных, и нанести визит в храм Огуна, что дает право на объявление войны. Однако представитель королевского совета заявил для печати, что, пока Кеакбоекужи (так нарекли Бена после коронации) не исполнится 20 лет, принимать решения за него будет регентский совет; до этого времени откладываются и оба обряда.

Коронация долго еще обсуждалась агборцами, да и не только ими. Несмотря на обострившуюся в тот период межпартийную борьбу и повышенный интерес к ней, практически все нигерийские газеты отводили репортажам из Агбора самые видные места. Это и неудивительно: традиционные институты власти все более ограничиваются общегосударственными законами, становятся своего рода реликтом, и в этих условиях коронация происходит не так уж часто. Ну а любая диковина, как известно, привлекает внимание, будоражит публику.

Праздники и обряды простого народа лишены какой бы то ни было напыщенности, протекают они при гораздо меньшем числе участников, чаще всего без посторонних зрителей и гостей. Да и откуда взяться чужакам в глухой деревушке? И все же по верности традициям, строгости соблюдения обычаев предков эти праздники не уступают королевским и потому представляют не меньший интерес. По существу, они сопровождают нигерийцев на протяжении всей жизни, стали законом общения между людьми, отклонение от которого просто невысказано.

Среди таких обычаев — нанесение на лицо особых меток, отличающих то или иное племя, социальную группу и т. п.

Только среди племен йоруба существует более 30 видов лицевых меток. Они наносятся во время инициации — посвячительных обрядов, связанных с переводом

юношей и девушек в возрастной класс мужчин и женщин. Существует несколько способов их нанесения. Наиболее распространенными являются скарификация (путем надреза острым предметом) и ирритация (изображение получается в результате длительного раздражения участков кожи посредством нанесения на них разъедающих растворов и мазей). Основательно проштудировав «Историю йоруба», написанную пастором Самуэлем Джонсоном еще в конце прошлого века, я научился отличать по этим меткам представителей различных районов и даже отдельных населенных пунктов, что, как правило, вызывало восторг со стороны собеседников, побуждало их к непринужденному разговору и большей откровенности.

Другим шагом на пути сближения с собеседником, по моим соображениям, могло стать употребление в разговоре фраз на его родном языке. И хотя я начал, как мне казалось, с простого — заучивания приветствий, тем не менее меня сразу же постигла неудача. Запомнив несколько приветствий на йоруба, я, к своему огорчению, обнаружил, что они остаются безответными. В лучшем случае на свое «э каро» («доброе утро») или «э ку ироле» («добрый вечер») я получал ответ на английском языке. Чаще же меня встречало молчание обиженного человека. Оказывается, такая форма приветствия возможна лишь между очень близкими людьми. Подобное обращение к незнакомцу — фамильярность. Как выяснилось, церемония приветствия тоже довольно сложная, она учитывает целый ряд моментов, таких, как время суток, погода, состояние, в котором находятся приветствующий и те, к кому он обращается, а также многое другое. Например, на улице йоруба никогда не пройдет молча даже мимо незнакомых ему людей. Он произнесет примерно следующее: «В это солнечное утро я, идущий на рынок за овощами, приветствую вас, стоящих на той стороне улицы». В приветствии парикмахеру обычно включают пожелание, чтобы клиенты всегда оставались довольны его работой, а сборщику орехов кокосовой пальмы — чтобы его нога никогда не соскользнула со ствола и он не упал с дерева.

Именно в общении с простыми людьми я впервые узнал, что в присутственных местах неприлично за что-либо братья левой рукой и тем более нельзя касаться ею собеседника или его вещей. Левая рука традицион-

но считалась у йоруба «грязной». Ею делают только «грязную работу» (выгребают из мусорного ящика, подмывают ребенка, с ее же помощью сморкаются, чешутся и т. п.). Левша среди йоруба крайне редкое явление. Ребенка йоруба с первых дней сознательной жизни приучают все делать правой рукой. Особенно за этим следят в семье традиционных правителей, ведь до недавнего времени принц-левша не мог стать у йоруба «отцом народа».

Узнал я и то, что на рынке нельзя платить первую названную торговцем цену, это прозвучит как знак неуважения и к нему, и к вам. Торговаться на рынке нужно обязательно, соблюдая, разумеется, такт. И, конечно, после того как названа «последняя цена», все дальнейшие дискуссии не только бесполезны, но и оскорбительны.

Расскажу теперь о некоторых обрядах и церемониях йоруба, связанных с рождением ребенка и наречением его. Имя младенцу дается на седьмой день после рождения мальчика, на девятый — после рождения девочки и на восьмой — в случае рождения разнополых близнецов. Начинается церемония обрядом «ко омо жаде» — буквально «показ младенца». До этого времени ни мать, ни ребенок не должны покидать помещения, где прошли роды. В положенный день у дома родителей собираются основные члены семейства. На крышу выливается кувшин воды. Самая старшая из женщин рода подставляет младенца под стекающие струи. Плач ребенка и одобряющие крики собравшихся сопровождают преподнесение подарков матери и ребенку (у некоторых племен эта процедура включает закалывание жертвенных животных). Затем жрец совершает гадание о будущей жизни младенца и дает ему имя, но не одно, а сразу три, каждое из которых имеет собственное значение: «амуторунва» — имя, с которым ребенок родился, «абисо» — имя, полученное на церемонии наречения (основное имя), и «орики» — прозвище, с которым человек будет жить и работать. Йоруба считают, что человек всегда рождается с именем, поэтому при выборе «амуторунва» определяющими являются условия и обстоятельства, связанные с рождением. Некоторые из них считаются столь важными, что определяют имя не только родившегося ребенка, но и его последующих братьев и сестер. Например, при рождении близнецов тому из двойняшек, кто родится первым, всегда независимо от

пола дается имя Тайво («то айо во» — «первым увидевший свет»); второй же ребенок, тоже независимо от пола, получает имя Кехинде (буквально «появившийся после»). При этом старшим считается Кехинде, ибо, как полагают йоруба, именно он посылает Тайво первым взглянуть на мир, а потом уже появляется и сам. После рождения близнецов каждая семья йоруба стремится к тому, чтобы у них как можно быстрее родился Идову — «рожденный после близнецов». В противном случае, согласно существующему поверью, мать близнецов может лишиться рассудка.

Очень важно, чтобы после рождений Тайво и Кехинде на свет появился *они-они* — небольшой по размерам и постоянно плачущий ребенок. Восемь последующих детей (если, разумеется, в семье их столько и будет) получают такие имена: Ола — «завтра», Отунла — «послезавтра» и т. д. до Ижони, буквально «на восьмой день».

Учитываются при этом и другие обстоятельства. Так, имена Бабатунде (для мальчика) и Йетунде (для девочки) даются детям, если они рождаются в год смерти их дедушки или бабушки, и означают соответственно «отец вновь родился» или «мать вновь родилась».

Если с именем «амуторунва» ребенок «должен родиться», то «абисо» и «орики» даются ему на церемонии наречения. Не случайно поэтому она так и называется: «иле ла иво киа то со омо лорико» — «мнение каждого должно быть учтено». Имя «абисо» отражает отношение родителей и их родственников к появлению на свет ребенка: Айоделе — «радость пришла в дом», Маренике — «теперь у нас есть тот, кто будет нас кормить», Ладипо — «большая честь», Омотеджи — «вдвое больше других», Акинъели — «достаточно сильный, чтобы защитить наш дом» и т. п.

Имя «орики», как правило, дается в зависимости от того, каким родители хотят видеть своего ребенка в будущем. Поэтому у мальчика оно обычно связано с силой и храбростью, как, например, Аджаму — «побеждающий в бою и пленяющий врагов», а у девочки — с нежностью, красотой и лаской, скажем Айона — «та, чье появление вызывает радость». Интересно, что взрослые, обращаясь к детям, употребляют имена «орики», как бы побуждая их побыстрее стать, например, настоящим Аджаму или Айокой. В то же время считается признаком невоспитанности, если младший, обращаясь

к старшему, называет его по «орики». А вообще-то употребляться могут все три имени.

Как-то я оказался по журналистским делам в небольшом городе Шао в штате Квара. Уже при подъезде к нему пришлось резко сбавить скорость — улицы Шао были буквально запружены толпами празднично одетых веселящихся горожан. Отовсюду доносились звуки горнов, рожков, шум трещоток. Особенно многолюдно было вокруг исполнителей традиционных танцев и песен. Все многоголосье праздника периодически заглушалось раскатистой дробью тамтамов, извещавших о начале «большой свадьбы».

Так уж случилось, но в Шао я попал в тот единственный в году день, когда там справляются свадьбы. Происходит это в октябре, во время праздника Ауон. Собственно, основным его событием и является единовременное обручение всех юношей и девушек, достигших зрелости с прошлогоднего «Ауон-фестиваля».

Еще задолго до праздника совершаются ритуалы, предшествующие свадьбе. Инициатива полностью принадлежит женихам и их родственникам, чья бурная деятельность подразделяется на три этапа: выбор невесты, обручение и женитьбу.

По мере взросления юноши вся женская половина его семьи постепенно втягивается в поиск невесты для него, лучше из числа ровесниц. Основной критерий — отсутствие в роде девушки серьезных наследственных заболеваний. Конечно, при прочих равных предпочтение отдается тем невестам, за семьями которых не числится долга.

Хотя теоретически невеста и ее родня не проявляют никакой встречной активности, последнее слово все же остается за ними: ни один жених не рискнет перейти ко второму этапу, не заручившись согласием родственников своей избранницы. Впрочем, своей ли? К мнению обоих молодых не очень-то прислушиваются. Все решают старейшие члены семей, их «приговор» окончателен и обжалованию не подлежит. Не случайно поэтому этап обручения называется «исиахун», что в переводе с йоруба означает «согласие», т. е. согласие родителей.

Церемонии обручения придается огромное значение. Она совершается ночью в присутствии самых влиятельных родственников жениха и невесты. Юноша должен соответствующим образом угостить собравшихся,

обязательно преподнести им среди прочего 40 крупных орехов вечнозеленого тропического дерева кола. Их сочная зеленовато-желтая мякоть имеет вяжущий горьковатый вкус. Она содержит до 2,5 процента кофеина и поэтому издревле использовалась для снятия сонливости и активизации сердечной мышцы.

В настоящее время экстракт семян кола идет на приготовление тонизирующих напитков кока-кола и пепси-кола. Столь будничное применение, однако, не понизило ту важную роль, которую орехи кола играли в традиционных обрядах. Процедура их разламывания и деления между гостями входит во многие обряды йоруба и других народностей Нигерии. Например, орехи преподносят при прощании и встрече после долгой разлуки. У народности игбо даже есть пословица: «Вспоминай добром тот дом, где тебя угостили орехом кола». Согласно древним преданиям этого народа, дерево кола создала богиня земли и плодородия Але.

В отличие от игбо, у которых орех разламывает самый старейший мужчина, у йоруба это делает младший, в данном случае жених. А разносит орехи, начиная со старших, невеста. После обручения жених одаривает ее ближайших родственников и платит ее долги, если таковые все-таки имеются. С этого момента и до самой свадьбы невеста не может показываться с открытым лицом ни перед женихом, ни перед его родственниками, присутствовавшими на обручении.

У йоруба и большинства родственных им этнических групп нет традиционно устанавливаемой даты свадьбы. Однако в некоторых районах ее не принято устраивать в период сбора урожая, в случае стихийных бедствий или временного отсутствия старших. Свадьба, как и церемония обручения, начинается ночью. Невеста в сопровождении многочисленных родственников и подруг следует к воротам дома жениха и, после того как переступит порог, полностью переходит под опеку женщин его рода. Собственно, женитьба поэтому и называется «гбейава» — «внесение невесты». Первой и очень важной процедурой является здесь омовение ног невесты родственниками жениха, которые тем самым показывают свое расположение к ней. Они растирают невесту ароматическими веществами и обряжают в свадебный наряд, предварительно, конечно, изменив ее прическу. Прическа нигерийских женщин, девушек и даже малолетних девочек имеет важное значение. Создание «ар-

хитектурного сооружения» на голове порой требует многочасового труда нескольких парикмахеров, да и завидной выдержки от будущей обладательницы такого чуда. Форма прически меняется и свидетельствует то о вступлении в пору зрелости, то о совершившейся помолвке, то о предстоящей свадьбе, то о других жизненных переменах.

Поутру каждый из женихов ведет свою суженую ко дворцу обы. На обрамленной пальмами и манговыми деревьями площади перед домом вождя исполняются ритуальные танцы, читаются молитвы и приносятся в жертву домашние животные, после чего юноши уводят невест уже в качестве законных жен, а все прочие веселятся кто как хочет. Если невеста пришла по душе родственникам и... жениху, на следующий день они одаривают ее близких и родных. Подарки преподносятся и самой невесте, после чего свадьба продолжается еще три дня. Однако, если невеста окажется нецеломудренной, ее родственники могут и не дожидаться подарков. Продолжение свадьбы отменяется, а молодой жене могут запретить покидать дом в течение года. За этот период у нее будут стремиться узнать имя «обидчика», с тем чтобы при удобном случае отомстить за оскорбление.

Так проходит свадьба йоруба в ее, условно говоря, «классическом» варианте. Однако жизнь разнообразна, чего только в ней не бывает, и поэтому традиция предусматривает и другие варианты брака. Например, девушка, отказавшаяся от одобренного ее родителями жениха, может выйти замуж по своему усмотрению. Для этого необходимо только согласие ее возлюбленного и его родственников. Разумеется, у такого брака отсутствует этап «иснахун». Жених сам приводит невесту в дом своих родителей. А далее все делается как при обычной женитьбе.

Если девушка «засиделась» в невестах, ее отец или старший брат заставляют ее вымыть самой себе ноги и ведут ее в качестве жены, именуемой «сараха»—«бесплатный подарок бога», во двор вдовца или одинокого мужчины, с которыми предварительно сами договариваются об этом.

Семьи йоруба в основном моногамны. Однако полигамия не запрещена. Четвертая форма женитьбы у йоруба — когда мужчина приводит в дом вторую или даже третью жену. Проникновение ислама внесло зна-

чительные изменения в полигамные семьи йоруба. Если прежде и сами жены, и их дети занимали в них такое же место, как первая жена с ее детьми, и пользовались такими же правами, то теперь порядки в них, по существу, не отличаются от таковых в мусульманских семьях Северной Нигерии, да и других стран.

В традиционном обществе йоруба в целом с уважением и почетом относились к женщине. И тем не менее, как видно на примере заключения браков, инициатива принадлежит в основном жениху. В семейной жизни и при организации семьи мужчина также занимал главенствующее положение. В случае смерти мужа его вдова переходила в семью его брата (старшего среди оставшихся в живых) или другого родственника в качестве «дополнительной» жены, если еще достаточно молода (обычно до 40 лет), или же просто под опеку этого родственника, который обязан был кормить и содержать ее.

Расторжение брака у йоруба крайне редко. Настолько редко, что практически не существует. Причиной развода может быть прелюбодеяние жены или же грубое обращение и жестокость мужа. Но даже в этом случае необходимо одобрение местных традиционных властей. Разведенная женщина навсегда остается одинокой. У йоруба существует пословица: «Никто не может жениться на той, от которой уже кто-то отказался».

В финансовом отношении свадьбы йоруба не слишком накладны. А вот у народов Восточной Нигерии, и особенно у игбо, обеим сторонам приходится раскошелиться. Для жениха и его родственников основная часть расходов — выкуп за невесту, который постоянно увеличивается. К этому традиционно добавляются расходы за назначение дня свадьбы, оплату почетного сопровождения невесты, подарок вождю деревни, из которой берется невеста, и т. п. В период же «второй республики» выкуп за невесту поднялся до нескольких тысяч найр, что было явно не по карману не только женихам, но и их родственникам. Это приводило к тому, что многие молодые люди вынуждены были уезжать в другие районы и даже штаты, пытаясь подыскать себе спутницу жизни там, где выкуп был значительно меньше или сохранялся лишь как дань традиции.

В Нигерии распространено мнение, что в увеличении суммы выкупа повинны в основном «зарвавшиеся ро-

дители невест». Мнение это не просто ошибочное, но и несправедливое. Ведь родителям и родственникам невест приходится выступать также и в роли родителей жениха, неся соответствующие расходы, потому что почти в каждой семье есть сыновья. Повышение суммы выкупа скорее всего отражает общую тенденцию роста цен и других расходов в стране. Самым же большим ущербом является то, что слишком много девушек вынуждено остаться в доме родителей.

«Тысячи девушек в штате Имо не смогли выйти замуж!», «Сократить выкуп за невест!», «Можно ли считать свадьбу праздником, если она несет разорение?» — этими и подобными им заголовками постоянно пестрят нигерийские газеты. Из частного данный вопрос давно превратился в общенациональный. Однако правительство не вмешивается пока в его решение, предоставив возможность традиционным общинам самостоятельно во всем разобраться.

Показательную инициативу проявил в 1988 году молодой вождь города Ахоада в штате Риверс О. Робинсон. Он принял решение в сто раз снизить выкуп за невест. Вместо прежних шести тысяч найр жених может теперь ограничиться гораздо меньшей суммой. По крайней мере родители невесты не вправе требовать с претендента за руку их дочери более 60 найр. Это решение, принятое после долгих раздумий, споров и совещаний со старейшинами, было встречено музыкой, песнями и танцами. Уже в первую неделю после него сотни молодых людей смогли привести к себе в дом избранниц, уплатив теперь чисто формальный выкуп.

Традиционные свадебные обряды сохраняются и у тех, кто, сменив место жительства, перебрался в современный город из деревни.

Однажды ко мне прибежал чем-то взволнованный сторож нашего дома. Он совсем недавно приехал в столицу из далекой северной деревни, с трудом привыкал к городской жизни и постоянно всему удивлялся. Но то, что он рассказал и показал, на сей раз изумило и меня. Подойдя к забору, отделявшему нас от соседнего дома, в котором жило несколько семей, он воскликнул:

— Посмотри, батуре, неужели она может съесть столько за один день?

У стены этого дома между окном и дверью я увидел деревянную полку, на которой, как на прилавке в ма-

газине, были разложены продукты — сушеная рыба средней величины, ямс килограмма на два-три, кассава, батат, какая-то крупа в миске, гроздь королевских бананов, лук, перец и зелень. Все вместе тянуло не меньше чем на полпуда.

— А кто это — «она»? — спросил я у сторожа.

— Невеста, — был ответ. — Здесь живут игбо, они готовят дочь к замужеству.

Тут я вспомнил о существующем до сих пор в некоторых районах Восточной Нигерии обычае «откармливать» девушек перед выдачей их замуж два-три месяца, а то и дольше — в зависимости от достатка родителей. Все это время невеста никуда не выходит, ее освобождают от всякой работы, она не должна никого видеть, кроме старших родственниц, растолковывающих ей азы супружеской жизни. Специальная прислуга ежедневно покрывает тело девушки смесью пальмового масла и мела, чтобы ее кожа стала более эластичной и белой. С этой же целью затворница не появляется на солнце. А главное ее занятие — есть как можно чаще и больше.

После сообщения сторожа я, уезжая утром из дому по делам, бросал взгляд на соседскую «продуктовую витрину» и всякий раз убеждался, что семья игбо, хоть и обосновалась в столице, всерьез придерживается обычаев предков.

Незадолго до окончания «откармливания» мать невесты передает ей небольшой «говорящий барабан» — тамтам. Несколько ночей подряд девушка на языке тамтама называет имя своего возлюбленного. Но, увы, язык этот допускает весьма вольный перевод, так что, вручая первую чашу с пальмовым вином одному из приглашенных в дом юношей-претендентов, отец невесты руководствуется, конечно же, собственными соображениями. Принимая чашу, молодой человек дает согласие на брак. В случае же отказа по прошествии некоторого времени к потенциальному тестю приходят другие юноши, приносят ему подарки, и тот, чье подношение принимается первым, становится женихом.

В день свадьбы невеста на пути от порога отчего дома до дома жениха не должна касаться земли. Весь этот путь она проделывает на руках специально нанимаемого силача. Когда выходила замуж моя соседка, которую звали Нгоза, что на языке игбо означает «благословенная богом», ее тоже вынесли из квартиры на ру-

ках. Но местный Геркулес едва ли мог надеяться на щедрое вознаграждение: в двух шагах от дверей невесту ожидал шикарный белый «Мерседес». Что ж, обычай соблюден, но время берет свое...

Неотъемлемой частью традиционных праздников и обрядов являются музыка, танцы, пение. Свадьбы, похороны, праздники урожая и т. п.— все проходит под удары барабана, звон металлических колокольчиков, звуки флейты или горна и сопровождается соответствующими танцами и песнями. Ибо они для нигерийцев гораздо больше, чем развлечение. В рамках каждого церемониала танцы и песни символически воскрешают то мифическое время, когда из первоначального хаоса возникли земля, вода, небо и олицетворяющие различные стихии чудовища. В них вновь оживают далекие предки народа, его покровители и помощники. Благодаря магии танца и песни они как бы возвращаются к своим потомкам, становятся причастными к их делам и заботам.

Не случайно поэтому музыканты всегда занимали особое место в традиционном обществе. В городе Бенине, столице одноименного королевства, музыканты, например, составляли одну из 40 придворных корпораций. Членство в ней было строго наследственным. Сохранились резные слоновые бивни с изображением музыкантов и танцовщиц, сопровождавших бенинского монарха во время праздничных церемоний. Сходные порядки существовали в городах-государствах йоруба. Местные правители-оба держали большой штат музыкантов, среди которых были даже барабанщики-шпионы, доносившие во дворец о настроениях народа боем своих барабанов. В городских общинах нупе — северовосточных соседей йоруба — музыканты, барабанщики, плясуны и певцы основали собственные корпорации, члены которых становились «клиентами» какого-нибудь знатного и богатого дома.

В настоящее время, несмотря на постепенное отмирание традиционных обрядов, вытеснение древних мелодий современными ритмами, в Нигерии есть немалое число исполнителей традиционной музыки, песен, танцев. И встречаются они не только в глухих уголках страны, где еще слабо сказывается влияние цивилизации, но и в крупных городах. Правда, их роль в современной Нигерии значительно изменилась. Чаще они уже являются не собственно участниками праздника,

а приглашаются лишь для развлечения публики, собравшейся в связи с каким-нибудь событием: будь то встреча в аэропорту высокопоставленного иностранного гостя, открытие очередного объекта народного хозяйства или семейное торжество какого-либо вельможного чина.

Внимательное изучение старинных изображений показывает, что многие виды существовавших несколько столетий назад музыкальных инструментов используются в Нигерии и в настоящее время.

Есть среди них и духовые, и струнные, и различного рода идиофоны (колокольчики, трещотки, гонги, ксилофоны и т. п.). Однако самой многочисленной и разнообразной является, пожалуй, группа ударных. В традиционных оркестрах они играют ведущую роль. Барабаны отличаются по размерам, форме и функциональному назначению. У игбо специальный огромный барабан является даже главным предметом культа богини земли и плодородия Але, которая также считается матерью всего народа. В этот барабан в древности били, созывая народ на войну, и на него же складывали головы поверженных врагов.

Самые крупные из барабанов, как, например, иколо, сделаны из целого ствола дерева. Самые мелкие — карман-ганга. Барабаны могут выступать как самостоятельно, так и наряду с другими музыкальными инструментами. Однако роль своеобразного дирижера в традиционном оркестре принадлежит лишь барабану. Отдельные типы этого инструмента в состоянии издавать до сотни различных звуков. С их помощью барабанщик руководит действиями танцоров, певцов и других исполнителей во время представления. Дробь барабана извещает о начале и окончании традиционного обряда. Языком барабана объявляли войны, заключали мир и даже объяснялись в любви.

И сегодня каждый день в семь часов утра федеральная радиокорпорация Нигерии передает в течение минуты переливчатую дробь тамтама, как бы призывая миллионы нигерийцев: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Важные новости! Слушайте!» Это без слов понятное каждому жителю страны обращение предваряет передачи официальных новостей. Данью уважения пережившему веку обычаю, желанием сохранить эту национальную черту жизни нигерийского общества стала четырехметровая, отлитая из металла скульптура: человек, вскинувший палочки над тамтамом. Она встре-

чает людей, ежедневно приходящих в телекоммуникационную корпорацию, осуществляющую телефонную и телеграфную связь со всеми районами страны и со всеми государствами мира.

Однако основную роль в традиционных обрядах играют маски. Они олицетворяют различных духов, мифических героев, животных — покровителей племени или умерших предков. Маски, воплощающие одни и те же образы, у разных народов страны нередко отличаются. Например, у йоруба маски, посвященные духу умершего предка, имеют форму головы человека, некоторые народности среднего пояса придают им черты зверей, а у ибибио они представляют собой комбинацию головы животного и лица человека.

Понять символику масок без знания традиционных верований очень трудно. Если изображения зверей и птиц можно связать с широко распространенным в Нигерии, как и в большинстве стран Черной Африки, тотемизмом, то наличие современных элементов в масках некоторых тайных обществ объяснить сложно. Затрудняются делать это и специалисты. В хранилище при национальном музее Лагоса есть несколько масок существующего у народностей эгба тайного общества «Геледе». Некоторые из них увенчаны макетами современных автомобилей и даже самолетов. Сопровождавший нас при осмотре руководитель отдела традиционной скульптуры господин Нката на просьбу объяснить, чем вызван такой «модерн», лишь развел руками, а затем попытался все перевести в шутку: «Чему ты удивляешься, ведь в этом обществе главную роль играют женщины, а с них какой спрос?». И в самом деле, «геледе» в переводе с эгба означает «утешение матери», и черты женщины-матери в его масках выражены наиболее ярко.

Назначение масок различно. Они используются в обрядах, связанных как с производственной, так и с духовной жизнью общества. Одни из них призваны вызвать страх, почитание или, наоборот, насмешку, другие — радость, восхищение. С функцией масок непосредственно связана частота их использования. Если в празднике участвует сразу несколько масок, одна из них обязательно должна быть главной.

Хотя в целом размеры масок колеблются незначительно, среди них встречаются карлики и гиганты. Самые малые — это носимые на груди маски-подвески, порой не превышающие размеров пятикопеечной моне-

ты. Маски-личины обычно делаются соответственно размерам человеческого лица. Гиганты чаще встречаются среди масок-наголовников.

Срок использования масок колеблется в пределах 10—30 лет, хотя известны экземпляры, возраст которых превышает 100 лет. Изготавливаются маски обычно из общедоступных сортов дерева, из растительных волокон, глины, реже — из кожи, слоновой кости, металла, которые используются в основном для отделки и украшения.

Уже после первых шагов по нигерийской земле вам всюду начинают предлагать маски. Торговцы этим товаром хорошо знают, где чаще всего бывают иностранцы. Они устраивают там свои лавки и активно привлекают покупателей. Сувенирные маски стоят дорого, они изготавливаются из ценных пород черного или красного дерева. Однако не совсем добросовестные продавцы не прочь навязать туристам изделия, покрытые гуталином и лаком из обычных пород дерева, выдавая их за высокосортные. Или наоборот — выдают за настоящие ритуальные маски (а торговля ими официально запрещена) обычные изделия, исполненные нарочито грубо и неполированные (одна из отличительных особенностей традиционных масок).

Вообще же ритуальные маски делаются по указанию и под непосредственным контролем жрецов и, как правило, взамен старых масок, которые по тем или иным причинам уже не могут быть использованы. После изготовления маска проходит специальный обряд «вселения в нее духа», который совершается в скрытом от посторонних глаз месте.

За последнее время число ритуальных масок в Нигерии значительно уменьшилось. Основная причина этого — распад древних религиозных обществ, постепенное отмирание обрядов. Многие из них давно утратили свое первоначальное значение и превратились в зрелищные, развлекательные спектакли. Былое уходит в прошлое. Маски же занимают свое место в музеях.

НАСЛЕДИЕ, КОТОРОЕ НЕОБХОДИМО СОХРАНИТЬ

Заголовки утренних газет буквально кричали об очередной попытке незаконного вывоза за границу произведений традиционной нигерийской скульптуры, и я сра-

зу же поспешил в Федеральный департамент древнего искусства Нигерии. Его директор Экпо Эйо, с которым мы знакомы не первый год, как будто заранее зная цель моего визита, молча протягивает текст сообщения, только что полученного по телексу из Илорина — столицы штата Квара. Именно там некий Курт Байер, гражданин ФРГ, за бесценок скупал у жителей окрестных деревень для отправки за границу маски, статуэтки и другие реликвии. К тому времени, когда в деятельность «антиквара»-контрабандиста вмешалась полиция, а он сам, спасаясь от ареста, поспешил убраться из страны, его «собрание» оценивалось в три миллиона американских долларов.

— На душе тошно становится, как подумаешь, что и сейчас, десятилетия спустя после обретения независимости, продолжается разграбление нашего художественного наследия, начатое колонизаторами, — с горечью произнес Эйо. Страстный энтузиаст своего дела, он истинно болезненно переживает каждый случай гибели или исчезновения предметов материальной и духовной культуры.

— Из нашей истории, — продолжает он, — ты, конечно, помнишь, что в 1897 году англичане взяли штурмом город Бенин — столицу одноименного государства и важнейший культурный центр народов Юго-Западной Нигерии. Так вот, завоеватели разбили орудийными снарядами или сожгли все его здания, в том числе и королевский дворец, где хранилось более тысячи произведений древнего искусства. Многие из них погибли, другие исчезли, казалось бы, бесследно, но некоторые со временем «всплыли» в Англии. Среди последних — вырезанная безвестным мастером пять столетий назад маска из слоновой кости, принадлежавшая королям Бенина. Теперь она находится в Британском музее и оценивается в 30 миллионов долларов. Посетители Национального музея в Лагосе могут увидеть лишь ее копию*.

Изображение этой маски, выбранной в 1977 году в качестве эмблемы проходившего в Нигерии Всемирного фестиваля негро-африканского искусства, широко известно. Верхняя ее часть представляет собой тиару из десяти резных человеческих головок, символизирующих могущество династии. Две насечки на лбу, когда-то ин-

---

* Эта маска изображена на обложке книги.

крустированные металлическими пластинами, отражают традиционную татуировку бенинских королей. Шею украшает коралловое ожерелье — знак принадлежности к королевскому роду. По преданию, маска, последним владельцем которой был оба Оворамвен, воспроизводила облик матери короля Идиге и являлась атрибутом торжественных ритуалов, посвященных предкам. В период подготовки к фестивалю правительство Нигерии потребовало вернуть это сокровище нигерийскому народу. Однако Лондон ответил отказом, обосновав это тем, что старинная слоновая кость слишком хрупкий материал и может пострадать при транспортировке. Другого решения вряд ли стоило ожидать. Тут ведь дело принципа: кроме знаменитой маски, по данным Нигерийского общества антикваров, в одном лишь Британском музее насчитывается более двух тысяч произведений искусства, в разное время вывезенных с территории Нигерии, да еще примерно столько же — в других музеях Западной Европы, США, в частных коллекциях. Согласившись вернуть маску, придется рано или поздно возвращать и все остальное — так, видимо, рассуждают «заинтересованные лица» на Западе.

Экпо Эйю вспоминает историю, которая случилась с ним в Швейцарии. Войдя в один из банков в Цюрихе, он остановился пораженный — в центральном зале финансового учреждения, словно в музее, была выставлена бронзовая скульптура, относящаяся к культуре Ифе. Подошедшему к нему служителю банка Эйю объяснил, что давно пытается найти и вернуть в Нигерию хотя бы одну из четырех известных скульптур этого типа. На следующий день он пришел в банк с полицией и представителем нигерийского посольства. Однако скульптуры на месте не оказалось, и, как заявил управляющий банком, там ее никогда не было и, видимо, нигерийский гость просто ошибся. Большого цинизма вряд ли можно было ожидать, поэтому надежда на добровольное возвращение награбленного незначительная.

Есть, правда, и исключения. Каменная фигурка, похищенная из деревни Игбоджо в штате Ойо, была возвращена в Нигерию при активном содействии пожелавшего остаться неизвестным афроамериканца. Он даже взял на себя расходы по ее доставке из США в Нигерию. Чаще, однако, пока из Нигерии такие ценности вывозят.

Эйо достает из сейфа деревянную статуэтку, которую недавно изъяли у одного «туриста» таможенники в аэропорту.

— В 70-е годы,— говорит он,— эта фигурка стоила тысяч пятнадцать долларов, теперь она стоит не меньше тридцати тысяч. Цены на подобный «товар» растут стремительно. Похитить, продать, перепродать — доходнейший бизнес. Неудивительно, что из той или иной африканской страны чуть ли не ежедневно сообщают о такого рода кражах. Да зачем далеко ходить: в прошлом году у нас из храма на острове Джебба посреди реки Нигер украли полуметровую бронзовую статую — и, прости за невольную шутку, концы в воду! Даже «Интерпол» оказался бессилён. А совсем недавно из музея в Лагосе было украдено сразу несколько произведений древности. Кто конкретно имел отношение к пропаже, до сих пор остается тайной. Известно только, что они пополнили одну частную коллекцию в США. Их, видимо, постигнет судьба знаменитой терракотовой статуэтки, которой больше двух тысяч лет. Мы впервые узнали о ней в 1977 году, когда это творение древних мастеров появилось на аукционе, где распродавалась коллекция некоего Альфреда Мюллера. Затем она оказалась в руках американских дельцов, которые перевезли ее в Канаду. В музее, куда статуэтку принесли на экспертизу, полиция ее конфисковала. Казалось бы, вопрос решен. Ведь существует конвенция ЮНЕСКО о правах собственности на культурные ценности, и, согласно ей, нигерийская терракота должна вернуться на родину. Однако этого не произошло. Канадские суды, неоднократно слушавшие дело, постоянно принимают сторону американских владельцев под тем предлогом, что во времена колониального господства в Нигерии этой конвенции еще не было.

— Так что же — положение безвыходное?

— Нет, нет и нет! Но никакие законы, никакие ультрасовременные средства охраны не в состоянии покончить с этим бедствием без активного участия населения! — убежденно восклицает Эйо. — Ведь в каждой деревне, где еще поклоняются божествам предков, соблюдают передаваемые из поколения в поколение обряды, есть произведения древнего искусства, сберечь которые может только сам народ.

В доказательство мой собеседник приводит пример, когда жители глухой деревушки на западе Нигерии от-

вергли предложение одного «любителя древности», который сулил им за ритуальную маску целое состояние — 20 тысяч найр. Вот и надо, считает Эйо, всеми силами внушать народу мысль о важности сохранения культурного наследия. Особую роль в этом благородном деле призваны сыграть музеи, инициаторы создания которых подчеркивали именно их воспитательную функцию.

Еще в начале 30-х годов преподаватель живописи и ваяния нигериец Кеннет Мурей с группой единомышленников добивался от колониальной администрации решения об открытии в стране музеев. Однако соответствующий законодательный акт был принят лишь в 1952 году, а первый музей возник в городе Есси в 1954 году. Через 20 лет их было уже более десятка, а сегодня Нигерия не имеет себе равных среди стран Тропической Африки по количеству музеев и собранных в них экспонатов.

Музеи основывались, как правило, в тех районах, где в ходе археологических раскопок или случайно обнаруживалось большое число произведений древней культуры. В музее города Джоса представлены, в частности, многочисленные памятники культуры Нок, названной так по имени деревни, где была сделана первая находка. Возраст скульптуры «Джемаа», которую прежний владелец по незнанию использовал как огородное чучело, был определен учеными в 2200 лет! А началось все в 1931 году, когда рядом с деревней Нок были обнаружены две головы из обожженной глины. По стилю исполнения они не походили ни на одно из произведений известных местных культур. Поэтому сначала никому даже в голову не пришло, что их авторами могли быть предки народностей, населяющих Нигерию в настоящее время.

В 1944 году были обнаружены еще три головы и керамическая модель человеческой ноги, а также совсем целый керамический сосуд. С тех пор было сделано много находок памятников культуры Нок. Значительную часть их представляют фрагменты человеческих фигур, изображения животных и птиц, потрясающие скульптурные портреты из терракоты размером от нескольких сантиметров до натуральной величины. Скорее всего они не вылеплены руками, а оттиснуты в специальных формах. Лишь некоторые детали — брови, прическа — исполнялись отдельно и накладывались на изделия перед обжигом. Головы самые разные по фор-

ме — круглые, как шар, конусообразные, цилиндрические. Лица тоже непохожи друг на друга: нос, уши, губы каждый раз «сочинялись» заново. Только глаза у всех одинаковые — полукружия или обращенные вершиной вниз равнобедренные треугольники с круглыми отверстиями на месте зрачков.

Что же это были за народности, которые две с половиной тысячи лет назад оставили столь прекрасные произведения? Этого мы пока не знаем. Остаются только предположения. Однако ясно одно — это были африканцы, о чем свидетельствуют антропологический тип людей, скульптурные изображения которых дошли до нас, их прически и одежда. После посещения музея в Джосе не остается никаких сомнений относительно африканского происхождения культуры Нок.

Со временем коллекция этого музея в Джосе расширилась. В нем собраны образцы искусства и предметы материальной культуры практически со всех концов страны: деревянные маски игбо и идома, бронза Бенина и Ифе, музыкальные инструменты хауса и йоруба, традиционная одежда фульбе, домашняя утварь, оружие из камня и т. д. В 1963 году на базе музея был учрежден Национальный центр подготовки музейных работников, а с 1973 года, в соответствии с соглашением, подписанным представителями правительства Нигерии, ЮНЕСКО и Программы развития ООН, здесь действует всеафриканский Центр подготовки специалистов в области охраны памятников культуры.

Не случайно поэтому именно в Джосе в 1987 году был открыт музей традиционной нигерийской архитектуры. Путеводители утверждают, что это единственный музей такого рода в Африке к югу от Сахары. И посетители не обманываются в своих надеждах на встречу с прекрасным. На небольшой площади умелыми руками современных зодчих воспроизведены в натуральную величину точные копии уникальных архитектурных сооружений, созданных выдающимися мастерами в различных уголках страны много веков назад. Правда, 18-километровая стена Кано представлена в Джосе лишь стометровым отрезком с «кофар» — крепостными воротами. Однако и они дают представление об этом величественном сооружении. В нескольких метрах от мощной крепостной стены древнего Кано примостилась старая мечеть не менее древнего города Зария, а немного дальше величественно возвышается дворец эмира Ка-

цины. С традиционным жилищем народа тив, населяющего юго-восточные и центральные районы Нигерии, соседствует «катамба» — дворец традиционного вождя народа нупе, живущего по берегам рек Нигер и Кадуна.

Проект Мотна, как называют этот музей, призван сохранить для будущих поколений образцы творений выдающихся нигерийских зодчих. Все эти экспонаты возведены с использованием старинной технологии и из применявшихся в древности строительных материалов. Только на отрезок канской стены ушли десятки тысяч «тубали» — подсушенных на солнце глиняных кирпичей, в которые для прочности добавлена солома.

Среди посетителей музея не только туристы, но и специалисты-строители, студенты — будущие архитекторы. Так этот музей выполняет свою вторую задачу — возродить уважение к нигерийским архитектурным традициям. А положение в этой области в последнее время вызывает тревогу. Архитектурный облик быстро растущих городов стал постепенно утрачивать африканские черты. По европейским и американским проектам предпочитают строить свои дома и многие состоятельные нигерийцы. Однако слепое копирование иностранных проектов жилых зданий ведет к экономическим потерям. Так, традиционные дома живущих на севере хауса в жаркий сезон сохраняют прохладу, а в «холодное» по африканским меркам время года в этих жилищах теплее, чем на улице. Владельцы же зданий, выполненных по «импортным» проектам, вынуждены расходовать значительные средства на установку кондиционеров, вентиляторов и обогревателей. Архитектурные традиции народов Нигерии должны быть интегрированы в современной строительной технологии — так считают сегодня многие нигерийцы. Реальный вклад в решение этой важной задачи вносит и новый музей в Джосе.

Целый этап в развитии искусства Нигерии — это культура Ифе, которую ряд ученых, в том числе нигерийских, считают одним из поздних ответвлений культуры Нок. Между тем в 1910 году, когда немецкий исследователь Фробениус впервые обнаружил эти произведения, никто не мог допустить даже и мысли о том, что их авторами были предки современных нигерийцев или других народов Африки.

Кому только не приписывали прекрасные творения Ифе — выходцам из легендарной Атлантиды, египтянам и этрускам, даже европейским первооткрывателям этих

земель — португальцам! Даже после того как были сделаны новые находки и уже трудно было говорить, что они откуда-то попали в этот регион, долгое время преобладало мнение, что они являются лишь «случайным заимствованием у более развитых народов». Лишь более тщательные исследования, особенно изучение находок 1938 и 1959 годов, подтвердили африканскую природу культуры Ифе. Во-первых, все скульптурные портреты изображают представителей негроидной расы; во-вторых, пропорции фигурок характерны для скульптуры большинства народов Тропической Африки — значительно увеличенная голова составляет от четверти до трети длины тела; наконец, все эти предметы обнаружены в слоях земли того периода, когда территория уже была заселена племенами, живущими в Нигерии и поныне.

Основная часть произведений этой культуры представлена в музее древностей в Иле-Ифе — городе, давшем название всей культуре. Сам этот город был центром большого государства, расцвет которого приходится на XII—XV века. Урбанизация своеобразно отразилась на Ифе, она почти не затронула старый город. Лишь расположенный отдельно студенческий городок местного университета и незначительное число новых кварталов «осовременили» Ифе. Большинство же строений напоминает дома, в которых жили йоруба несколько веков назад и описания которых португальцами, первыми из европейцев посетившими этот район, дошли до нашего времени. Сохранились здесь и остатки древнего дворца обожествленного правителя всех йоруба — они (правда, теперешний они живет в дворце современной постройки).

Если связь между культурами Нок и Ифе все еще не установлена окончательно, то скульптура Бенина — несомненная преемница искусства Ифе. Свидетельство тому — и стилистическое сходство между ранними памятниками Бенина и поздними произведениями Ифе, и дошедшие до нас древние предания. В частности, одно из них повествует о том, что в конце XIII — начале XIV века приглашенный из Ифе мастер обучал бенинцев искусству бронзового литья.

По сравнению с другими старыми городами Нигерии, возникшими несколько веков назад, Бенину повезло меньше. Первое, что бросается в глаза, — несоответствие древней истории этого города его нынешнему внешнему облику.

Перед моей поездкой в Бенин мой добрый знакомый Экпо Эйю предупредил меня, что от старого города почти ничего не осталось. «Но все, что тебя интересует, ты найдешь в названиях улиц, в музее, а энтузиасты и знатоки истории города покажут тебе основные места, где проходили главные события»,— говорил Эйю.

Время возникновения Бенина точно неизвестно. В результате археологических раскопок в центре города обнаружены памятники материальной культуры, датируемые XIII веком. Однако некоторые ученые полагают, что город возник двумя веками раньше. Подтверждением этому в какой-то мере служит и устная традиция, согласно которой до середины XII века в Бенине правила местная династия. И лишь после смерти ее последнего царя Агефы правящая верхушка обратилась к религиозному вождю в Иле-Ифе, и тот назначил некоего Оранмияна вождем бенинцев. От брака последнего с местной женщиной родился Эвека, который и стал основателем новой династии.

У здания редакции «Найджириан обсервер», где по договоренности с Экпо Эйю меня ожидал добровольный гид — местный журналист Питер Обох, я обратил внимание на небольшую статую женщины.

— Это одно из самых почитаемых в Бенине мест,— поясняет мой сопровождающий. — Предание гласит, что Эмотан — так звали героиню, в честь которой сооружен памятник,— в середине XV века спасла жизнь и помогла утвердиться на престоле оба Эвуаре, прозванному в народе Великим. Именно с его царствованием связывается возвышение «Бенинской империи». Дворцовые хроники приписывают ему расширение границ, постройку внешней стены в городе, которая, по оценке современных архитекторов, представляет собой выдающееся фортификационное сооружение доколониальных времен. В знак признательности Эмотан оба Эвуаре Великий посадил после ее смерти в 1445 году дерево ириге, которое сохранялось здесь до середины нашего века. Лишь в 1950 году оно было повалено ураганом. А в 1953 году английским скульптором Данфордом была сооружена эта статуя.

— Согласно тем же хроникам,— добавляет мой гид,— оба Эвуаре был еще и великим провидцем. Как-то разгадывая свой сон после очередной битвы, Эвуаре предсказал, что один из правителей Бенина окончит свои дни в неволе. Так оно и случилось.

Бенин ранее других государств этого района столкнулся с европейцами. Уже в 1484 году сюда добрались португальцы. Один из них, д'Авейро, ввез в Бенин огнестрельное оружие. Обой города в то время был Окпаме. Его сын Эзигие изучил португальский язык и посетил Португалию для ознакомления с католической религией. Этот исторический факт рассматривается как начало знакомства нигерийцев с христианством. Но первым местным католиком лишь в 1540 году стал оба Орхоба, воспитанный португальскими монахами.

Контакты с португальцами дали возможность нигерийцам познакомиться с достижениями европейской цивилизации. Начавшаяся между ними торговля дала новый импульс многим ремеслам, распространенным в Бенине и ранее: бронзовому литью, резьбе по дереву и слоновой кости. Европа по достоинству оценила эти товары. Однако необходимо помнить, что приход европейцев дал колоссальный толчок и работорговле.

Бенин был первым западноафриканским государством, откуда европейцы начали вывозить рабов большими партиями. Для народов этих районов работорговля, размах которой даже трудно представить, была намного катастрофичнее, чем последующая колонизация. Ее можно сравнить разве что с чумой, которая в средние века «выкосила» почти треть населения Нигерии. По самым неполным подсчетам, с территории современной Нигерии было вывезено и продано в рабство не менее 10 миллионов человек.

— А на этой улице произошло последнее сражение войны, получившей в истории название «бенино-английской», — Питер Обох останавливается на улице Сакпоба. В переводе с бини ее название означает «только оба». Именно на этой улице, где в определенные дни религиозных праздников мог проходить только правитель Бенина, отряд личной гвардии обы Овонрамвена во главе с военачальником Асоро стал на пути карательного корпуса англичан. Весь отряд погиб, а оба был отправлен в ссылку.

До этого мне уже приходилось в музее Лагоса видеть фотографии обы Овонрамвена, сделанные в 1901 году. На них он запечатлен со всеми атрибутами царской власти, но... под охраной солдат из так называемого английского «туземного корпуса». До самой смерти в 1914 году он находился в плену у англичан, подтвердив, таким образом, предсказание Эвуаре Великого.

Несмотря на то что Бенин был почти полностью разрушен, а большинство его лидеров казнены или подвезгнуты гонениям, город сохранил значение одного из центров Нигерии. А с 1963 года он является столицей штата, который в настоящее время называется Бендел.

— С получением страной независимости наш народ по-особому стал относиться ко всему, что связано с его прошлым. Отстаивая и реставрируя старые здания, возвращая улицам и кварталам прежние названия, народ заново создает свою историю,— подчеркивает мой спутник.

Действительно, по названиям улиц здесь легко можно определить, где размещались гильдии кожевников, мастеров по бисеру, резчиков по дереву и слоновой кости. Каждый из них отдавал до половины своей продукции во дворец обы. Вот почему в нем оказалось собрано столько произведений традиционного нигерийского искусства. В настоящее время уже восстановлена разрушенная англичанами часть дворца. На начальном этапе реконструкции доступ туда был ограничен. После переноса сохранившихся произведений искусства в здание налогового управления здесь начал функционировать музей. Позже для него построили здание, которое он и занимает по сей день.

Экспозиция Бенинского музея посвящена главным образом истории государства Бенин. Здесь представлено славящееся во всем мире бронзовое литье — статуэтки и рельефы, из которых особенно интересны те, что изображают сценки и эпизоды придворной жизни. Скульпторы умели с удивительной точностью воспроизводить мельчайшие детали костюма, оружия, утвари. Восхищение вызывают также произведения прикладного искусства, созданные различными народностями языковой группы эдо, к которой принадлежат и бини, составляющие основную массу населения Бенина.

Но вне конкуренции — и по своим масштабам, и по разнообразию экспонатов, и по посещаемости (не только в Нигерии, но и во всей Тропической Африке) — остается Национальный музей в Лагосе, открытый в 1956 году.

Признаться, когда я впервые приехал в Нигерию в 1979 году, знакомство с ее столицей несколько расстроило меня. Хотелось окунуться в «африканскую экзотику», а тут — гигантский современный город, перенаселенный, шумный и, по авторитетному свидетельству

ООН, захвативший мировое лидерство по стоимости жизни, загрязненности окружающей среды и «непроби- ваемости» автомобильных пробок. Эх, поскорее бы в глубинные районы страны, где, по моему разумению, только и можно было увидеть «настоящую Нигерию»... Но меня удерживало в Лагосе то, что отсюда было удобнее всего следить за набиравшей силу предвыбор- ной кампанией, итогом которой должно было стать рож- дение «второй республики» после 13-летнего правления военных. Мои колебания разрешил знакомый нигерий- ский журналист:

— Оставайся в столице, иначе пропустишь главные политические события. А между делом сходи-ка сначала в Национальный музей — не пожалеешь.

С тех пор я стал завсегдатаем музея, всякий раз открывая в нем что-то новое для себя. Да и физически невозможно осмотреть его богатейшие коллекции в один прием. А ведь, готовясь к открытию музея в 1956 году, его организаторы столкнулись с проблемой — выстав- лять было почти нечего. Просьбы нигерийцев к запад- ным коллекционерам вернуть хотя бы часть того, что когда-то было вывезено из страны, результата не дали. И тогда было принято решение выкупить произведения своего искусства на аукционах в Западной Европе и США. Так непросто обрели свое второе рождение мно- гие находящиеся здесь шедевры. В 1973 году в На- циональном музее проходила выставка «Искусство Ни- герии за две тысячи лет», и экспонаты по сей день раз- мещены так, что перед посетителями зримо разворачи- вается вся многовековая история страны.

Музей имеет три основные галереи. В центральной представлены древнейшие в Нигерии памятники куль- туры Игбо-Укву, относящиеся к раннему железному веку. Так называемый бронзовый век не был характе- рен для многих районов континента как особая истори- ческая эпоха. Нигерийцы от неолита сразу же перешли в железный век. В силу естественных условий, они, как и большинство других народов Африки, начали об- рабатывать железо раньше, чем медь. Более двух ты- сячелетий народы этого района выплавляли и обраба- тывали железо. И лишь последующее колониальное завоевание намного отбросило их назад.

Именно об этом говорил во время одной из экскур- сий по музею в июле 1983 года его директор доктор Нката. В необычной для директора музея роли экскур-

совода он выступил в связи с тем, что не совсем обычной была и экскурсия. Нигерийская сторона организовала ее специально для советской правительственной делегации. Меня же Нката попросил тогда выступить в роли переводчика. Постоянно до этого встречаясь и разговаривая со мной в залах музея, он хотел, чтобы его переводил пусть и не профессиональный переводчик, но обязательно человек, хотя бы немного знакомый с историей Нигерии и ее культурой. Завершил свою лекцию Нката словами благодарности советскому народу, который, как он выразился, «помог нигерийцам вернуться в железный век». В это время на металлургическом заводе в Аджаокуте как раз начал выдавать продукцию первый стан.

Рядом с макетом древней плавильной печи культуры Игбо-Икво представлены в музее памятники культуры Нок (их здесь, пожалуй, не меньше, чем в Джосе). Здесь же выставлены терракотовые и бронзовые предметы, относящиеся к культуре Ифе. Уже упоминавшиеся бронзовые статуэтки, головы и рельефы представляют в соседней галерее культуру Бенина.

Третья галерея, так сказать этнографическая, посвящена традиционному народному искусству Нигерии во всем его многообразии. Здесь и древнейшая на Африканском континенте скульптура из Оруна, и украшенные резьбой створки дверей, и знаменитые маски йоруба, и ритуальные предметы местных культов, и тысячи других экспонатов. Все это преимущественно деревянные изделия, поэтому сохранились лишь те из них, которые были созданы 150—200 лет назад. Однако, в силу того что общественное развитие в Тропической Африке на протяжении веков было замедленным, традиционное народное искусство, насколько можно судить, почти не претерпело изменений. Искусство тысячелетней давности иной раз можно представить по дошедшим до нас сравнительно недавним памятникам.

Осмотрев основные галереи, посетитель попадает в своеобразный музей на открытом воздухе — уникальный комплекс, известный под названием «деревня ремесленников». Он был открыт в 1977 году. Федеральный департамент древнего искусства предоставил его в бесплатное пользование мастерам. С утра до вечера здесь ежедневно трудятся десятки художников — чеканщики, резчики по дереву и кости, кузнецы, ювелиры.

Собственно говоря, известные в настоящее время во

всем мире нигерийские профессиональные мастера тесно связаны с традиционным искусством. Так, знаменитый скульптор и живописец Бенедикт Энвонву хотя и выполнял некоторые работы в европейской реалистической манере, но тем не менее большинство его произведений носит отпечаток традиционного африканского стиля. К ним, в частности, относится расположенная на фронтоне Национального музея бронзовая скульптура «Женщина-стрекоза» (официальное название «Эньянву»). В такой же манере работает график и живописец Брус Онобракпайе. Его рельеф украшает Лагосский университет, а росписи — стены церкви Св. Павла в Лагосе.

Думая о Национальном музее, я каждый раз вспоминаю слова, которые сказал мне во время нашей первой встречи в 1979 году Экпо Эйо:

— Если мы не сумеем пресечь разграбление нашего культурного наследия, если не поднимем на должный уровень популяризацию достижений древнего искусства, то нигерийцам придется для знакомства со своим прошлым ездить в музеи Западной Европы и Америки.

То, что уже сделали возглавляемый Эйо департамент и находящийся в его ведении музей, позволяет надеяться, что культурное наследие Нигерии будет сохранено.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Африканский гигант!»	3
Первое знакомство. География и история	4
«Символ единства»	16
Поиск стабильности	25
Город рекордов	44
Стройка века	55
Нефтяное богатство — обманутые надежды?	61
Не все могут короли	72
Не нефтью единой	81
Праздники — дело нешуточное	95
Наследие, которое необходимо сохранить	119

Научное издание

Новиков Владимир Валентинович

МЕЖДУ ОКЕАНОМ И САХАРОМ

Редактор С. В. Киселев
Младший редактор М. С. Грикурова
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор В. И. Мартынюк

ИБ № 16696

Слано в набор 26.12.89. Подписано к печати 16.05.90. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на мел. бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,14+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 8,19. Уч.-изд. л. 7,63. Тираж 5000 экз. Изд. № 6861. Зак. № 839. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Вышла книга

**Лот А. Туареги Ахаггара. Пер. с франц.
15 л.**

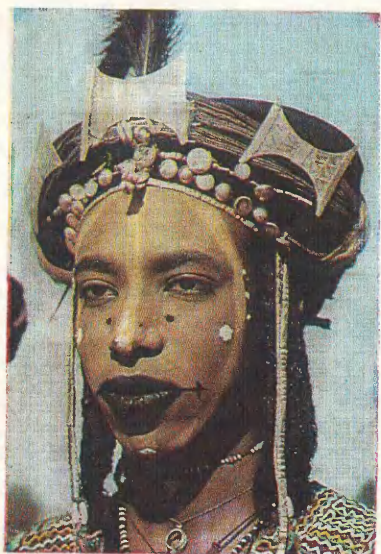
Работа французского этнографа и археолога Анри Лота, хорошо известного советскому читателю по книгам «В поисках фресок Тассили» (1982), «В поисках фресок Тассилин-Аджера» (1973) и «К другим Тассили» (1984), посвящена описанию нравов и обычаев туарегов. Этот народ, живущий в Сахаре, отличается своеобразным, выработанным веками и не принятым у его соседей стилем жизни. В книге описаны все стороны материального и духовного бытия туарегов — от одежды, жилищ, способов ведения хозяйства до религиозных обрядов и устной литературы.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкниги», а также по адресу: 117393, Москва В-393, ул. Пилюгина, 14, кор. 2, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкниги».

В. В. Новиков

МЕЖДУ ОКЕАНОМ И САХАРОЙ

Эта книга рассказывает об одной из крупнейших стран Африканского континента — Нигерии. Автор знакомит читателей с ее многочисленными народностями, их древней культурой, дошедшими до настоящего времени обычаями и традициями. Отражены также основные политические, социальные и экономические процессы постколониального развития страны, анализируются причины имевших место военных переворотов. Книга написана в популярной, рассчитанной на широкого читателя манере. Характерны такие главы, как «Город рекордов», рассказывающая о самом большом городе Тропической Африки — Ибадане, или «Не все могут короли» — о преобразованиях, которые претерпевают традиционные институты власти. Вполне понятны нам многочисленные проблемы, с которыми сталкивается самобытное искусство Нигерии, подвергающееся все более сильному воздействию массовой культуры, — об этом повествуется в главе «Наследие, которое надо сохранить».